

Игорь Николаев
Александр Поволоцкий

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕТЕР

Железный ветер

Путь войны

Там, где горит земля

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Александр Поволоцкий

**Железный ветер. Путь войны.
Там, где горит земля (сборник)**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поволоцкий А. Б.

Железный ветер. Путь войны. Там, где горит земля (сборник) /
А. Б. Поволоцкий — «Издательство АСТ», 2019 — (Коллекция.
Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-114339-8

Этот мир – был... В нем человечество не отправилось «вверх», в атмосферу и космос, а спустилось в глубины Мирового океана. В небесах парили дирижабли, а гигантские субмарины перевозили людей к подводным городам и шельфовым платформам. Теперь его не стало. Из неведомой вселенной, укротив материю и пространство, пришли безжалостные, непобедимые враги под черно-белыми флагами с трехлучевой свастикой. Началась война, в которой не принимается капитуляция и некуда бежать. Но нельзя победить, не оценив силу и слабость вражеских легионов. И пока соотечественники готовятся к новым сражениям, разведчики на подводной лодке уходят в чужой мир, чтобы изучить противника. Там, где торжествует победившее зло, только долг и мужество станут им защитой и поддержкой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-114339-8

© Поволоцкий А. Б., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Железный ветер	7
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	57
Глава 9	63
Глава 10	71
Глава 11	79
Часть 2	86
Глава 1	86
Глава 2	95
Глава 3	103
Глава 4	109
Глава 5	116
Глава 6	124
Глава 7	133
Глава 8	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Игорь Николаев, Александр Поволоцкий

Железный ветер. Путь войны. Там, где горит земля

© Игорь Николаев, 2019

© Александр Поволоцкий, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

В написании этой книги мне помогали многие люди, далекие и близкие, хорошие знакомые и те, с которыми мы ни разу не встречались.

Я выражаю благодарность

Галине за ее наиполезнейшее колдовство;

Александру Москальцу, который на совершенно добровольных началах редактировал текст, отловив немислимое количество ошибок, фактических, стилистических и грамматических;

Сергею Платову, создателю военно-морских сил «Мира Воды»;

Александру Трубникову, давшему мне немало ценных литературных и технических советов;

хсб, *Сергею Русову*, *Игорю Радюкину* и *Дяде Мише*, пришедшим на помощь в самый тяжелый момент и тем весьма поддерживавшим;

Друзьям и читателям с форумов www.twow.ru, <http://mahrov.4bb.ru>, и СамИздата, принявших на себя тяжкий и зачастую неблагодарный труд по вычитке и комментариям;

Андрею Уланову, который не обнадеживал, но поддерживал;

Сергею Анисимову, который дал новое рождение жанру альтернативной истории в России, и

Сергею Буркатовскому, автору эталонной книги «про попаданца».

Всеволоду Мартыненко, который во многом определил облик дирижаблей «Мира Воды»;

Михею и *О.М.С.*, которые не верили и тем крайне вдохновляли.

А. Трутце, который внятно объяснил, почему артиллерия должна стрелять много;

Господину Зеусу де Рейтеру, демиургу экономики;

Мистеру Харли Таккетману, человеку и мотоциклу, автору отдельного мотоциклетного аэродесантного батальона.

Golosptic, который подсказал немало технических моментов;

Doktorkurgan за многочисленные и полезные рисунки;

Виталию Томилову, конструктору «Ската»;

wolfschanze за организационные нюансы;

Мише Макферсону, теоретику и практику стимпанка;

Р. Кузнецову за прекрасный ликор;

Андрею Мартьянову за латинский текст.

Отдельно я хотел бы отметить помощь *Александра Борисовича Поволоцкого* и обратить внимание на его подвижническую деятельность по организации музея военно-полевой медицины.

<http://tarkhil.livejournal.com/>

Железный ветер

*Ведь это мой мир, мой прекрасный мир,
Царство радости светлой моей –
От сверкающих льдов заполярных краев
До тьмы любовных ночей.*

Джек Лондон

*Сей смуту и на волю выпускай жестоких псов войны.
Уильям Шекспир, «Юлий Цезарь»*

Часть 1 Вторжение

Глава 1 Псы войны

1959 год, 4 августа, день первый

Прекрасный солнечный день летом в Атлантике – это нечто совершенно особенное, на грани между сказкой и явью. Когда солнце висит в пространстве, даря ровное тепло и покой, когда лишь волны, выбегающие из-под форштевня, колеблют прозрачно-зеркальную гладь океана, в такие мгновения хочется отбросить условности, лечь навзничь на гладкую деревянную палубу и смотреть в бесконечную даль голубого неба, не думая вообще ни о чем. Как инженер-специалист по глубоководному бурению и прокачке пневмосистем Сергей Дориков мог бы дать точную оценку прозрачности воды по диску Секки или даже шкале Хазена, но предпочитал просто наслаждаться погодой и личным счастьем.

Удовольствие от погоды и моря было тем острее, чем ближе был пункт промежуточной остановки для «Гордости Франкфурта», он же конечный для Сергея – третья база подводного комплекса «Экстаз», построенного консорциумом Джейсона Райана еще в начале сороковых. Теперь «Экстаз» был перекуплен североамериканским «Таггарт океаник», который намеревался переоборудовать развлекательный и исследовательский комплекс под буровую и комбинат первичной переработки руд платиновой группы. Созданный специально для этого мегапроекта консорциум с «Таггарт» во главе собирал профессионалов по всей Европе, а тридцатитысячетонный теплоход «Гордость Франкфурта» в каждом плановом рейсе перевозил десятки ценных специалистов по всем видам подводных работ, пересаживая их на «лифтовые» батискафы прямо над «Экстазом».

Отменное жалованье, важная веха в послужном списке, полезный опыт... И полгода вахты под почти километровой толщей с редкими плановыми подъемами на «подышать атмосферой».

Дориков вдохнул полной грудью свежайший, чистейший воздух – неописуемую смесь бодрости и пряного аромата морской соли. Обычный набор технических запахов судна – металл, масло, газойль остались где-то в стороне, совершенно не чувствуясь.

– Мерзкий, мерзкий запах... Отвратительная посуда... – пробурчала под нос проходившая мимо старушка, наверное, очередная грымза из старой русской аристократии. В последние пару десятилетий у этой публики прочно вошло в привычку совершать по несколько путешествий в год из Евразии в Америку и обратно. Чопорная, высокомерная, затянутая от пяток до бровей во что-то белое, кружевное и бесформенное. И, конечно же, с неременной собачкой на руках – несчастным карликовым существом, замотанным в муфту. Старушеница влачила свое брненное тело по палубе вдоль борта, негромко, но свирепо порицая океан, корабль и беспутную молодежь, забывшую устои предков. Собачка высунула язык и страдала.

Блюстительница устоев была так комична, что Дориков против воли улыбнулся, затем понял, в чей адрес направлены упреки в аморальности, и улыбнулся еще шире.

С Ксенией, внештатным художником «Евразийского ГеоАльманаха», он познакомился четыре дня назад, еще в порту, пока они ожидали посадки в огромном зеркальном куполе «Океанического Вокзала» во французском Бресте.

Вокруг шумела многонациональная толпа – отправляющиеся и прибывающие, встречающие и провожающие, люди все мыслимых возрастов, национальностей и цветов кожи, но «медово-красную девушку», как он сразу назвал ее про себя, в огненно-красном платье и с медово-русого цвета волосами до плеч Сергей увидел сразу. Увидел, обменялся парой слов под пустяковым предлогом и почувствовал, что давно разменянный пятый десяток, взрослый сын, неудачный брак – все это суeta суeta. И вообще, может быть, в его возрасте и поздно начинать новую жизнь, но никогда не поздно проверить – так ли это.

Дориков, как и положено человеку его профессии, был решителен и быстр на подъем. По случайному и счастливому стечению обстоятельств Ксения направлялась туда же, куда и он – к «Экстазу», делать серию зарисовок быта подводников и морского дна во всем его разнообразии. Как сугубый технарь Сергей искренне не понимал, кому нужна живопись в век фотографии, моментальной и движущейся, но там же, в торговом комплексе «Вокзала», он купил роскошный набор художника легендарной торговой марки «Всегда готов». Краски и прочие принадлежности в скромной коробке с «Патером»¹ действительно были великолепны, они безотказно служили владельцу в любое ненастье и, судя по рекламному листку, даже под водой. Но и стоило это чудо химической промышленности нереальных денег, на которые еще легла наценка «Вокзала». Старейший порт гражданского подводного флота свято берег образ заведения достойного, почтенного, элитного и потому допускал торговцев под свою реставрированную крышу с очень большим разбором.

Красивая женщина, совместное путешествие, роскошный подарок, казалось, само небо благоволит ему.

Но... На пути благих порывов души Сергея колкими терниями выросли громоздкие принципы общественной морали. Разумеется, пятидесятые – не сороковые и тем более не двадцатые, когда мужчина и женщина непременно должны были быть *представлены* друг другу, а встречи проистекали исключительно в сопровождении бдительных родственников. Просто так, признавшись в симпатии и сделав свой подарок, он рисковал уподобиться провинциальному купчишке средней руки. Для полной картины оставалось только провозгласить сакраментальное: «Едем к цыганам!»

Поэтому подарок отправился ждать лучших времен в его багаже. Предстояла осада по всем правилам сложного, отточенного веками искусства флирта, проходящего по тонкой грани между взаимной симпатией и суровым этикетом «людей из общества».

Ксения приветственно кивнула ему, на плече у нее висели походный мольберт и легкий переносной радиоприемник, художница выбирала позицию для пробной зарисовки. Несколько

¹ «Патер с кисточкой» – один из старейших европейских «цеховых знаков» производства красок и художественных принадлежностей.

мгновений Сергей колебался – продолжить ли общение или не нарушать творческое уединение, но первое безоговорочно победило.

– Здравствуйте, – сказал он, подойдя к ней.

Девушка тепло улыбнулась в ответ и легко, непосредственно ответила:

– Как замечательно, сейчас вы мне поможете! Я буду рисовать с вас настоящего морского волка!

Дориков почувствовал, как сердце дрогнуло, на мгновение сбившись с ритма. Но следовало быть крайне осторожным, за ее милой непосредственностью могла стоять лишь простая симпатия к приятному попутчику.

– Ну какой же я волк, – усмехнулся он в ответ, – я скорее «осьминог».

Она недоуменно подняла бровь, он поспешил объяснить:

– Так уже лет сорок называют нас, глубоководников. Еще когда сошел на воду первый гражданский «ныряльщик» Райана. Дескать, как осьминоги – ползаем по дну и собираем для своих гнезд разные предметы. А военные подводники, соответственно – «крабы».

– Нет, осьминог – это не романтично, – капризно надула губы Ксения, – я нарисую настоящего морского волка! Скорее, нужно сделать первые наброски, пока дирижабль не прошел мимо, его обязательно нужно зарисовать вместе с вами, так композиция будет закончена.

Спохватившись, Дориков обозначил легкое движение рукой, предлагая принять ее ношу. Девушка благосклонно позволила ему взять приемник, но мольберт оставила. Сергей аккуратно поставил аппарат на какую-то приземистую техническую пристройку – скорее всего блок вентиляционных шахт, – закамуфлированную панелями «под бамбук», в японском стиле. Включил, стараясь не сбить прежнюю настройку, и маленький, но мощный динамик, чуть скрипнув, издал громкую, пронзительную трель саксофона. Играло что-то американское, с отчетливыми джазовыми мотивами, удивительно гармонирующее с окружающим миром и его собственным радужным настроением.

– Сергей, посмотрите, как красиво! – Ксения восхищенно указывала вверх. На мгновение Дорикову показалось, что сейчас, охваченная избытком чувств, она запрыгает на месте, подобно маленькой девочке.

Он посмотрел вверх. Действительно, «Гинденбург», как и обещал вчера капитан, проходил над ними, даже ниже обычных четырех-шести сотен метров, считавшихся рабочей высотой тяжелых дирижаблей. Пассажирский гигант лениво шинковал воздух огромными винтами.

Пятипалубное чудо немецкого дирижаблестроения было величаво и монументально, как и положено представительской машине, купить билет на которую может позволить себе лишь несколько тысяч человек на всем земном шаре.

Окружающие оживились, раздались приветственные возгласы, многие оживленно замахали руками. Даже чопорная дама с собачкой указывала в небо рукой, затянутой в кружевную перчатку. Оказалось, что «Гинденбург» поднял приветственный флаг – процедура ранее стандартная при встрече судов представительского класса, но уже почти три десятилетия как необязательная. Тем не менее капитаны старой закалки, к каковым, несомненно, относился командир дирижабля-гиганта, обычай свято блюли. Разумеется, «Гинденбург» ничего не понимал, да и не мог поднять по техническим причинам. По правому борту снежно-белой полосой было спущено огромное полотнище без всяких символов и надписей – давний знак добрых намерений и пожелания удачного пути.

«Гордость» издала длинный протяжный гул главного судового ревуна, приведший в экстаз многочисленную детвору. Высоко над рубкой неожиданно полыхнуло огненно-яркое, прекрасно заметное даже в этот пронзительно солнечный день пламя салюта «по форме три» – сиренево-синий, красный, изумрудно-зеленый.

Дориков одобрительно усмехнулся в усы. Да, капитан «Гордости» превзошел самого себя, на древний обычай он ответил еще более древним – приветствие фейерверком было дав-

ным-давно исключено даже из «Фламандского» статута мореходства, а вот смотри-ка. Старый морской волк и помнил, и припас соответствующие заряды, и оперативно приказал организовать стрельбу из фэйр-бомбомета.

Хороший капитан, хороший корабль, хорошая жизнь.

Инженер посмотрел на улыбающуюся, безмятежно счастливую Ксению и тоже почувствовал себя очень-очень счастливым человеком.

Саксофон, вытягивавший финальную, уходящую уже в ультразвук ноту, внезапно захлебнулся, утонул в пронзительном вое помех. Приемник захрипел, защелкал и умолк. Мгновение Сергей недоуменно смотрел на него, а затем почувствовал резкий укол в левом запястье. Толстая синяя искра опоясала металлический браслет наручных часов, больно обжигая кожу.

Мерная, едва заметная дрожь корабельного корпуса, двигатели словно пошли вразнос, то выдавая на валы полную мощность, то работая почти вхолостую.

Повсюду на палубе люди вскрикивали, трясли руками, отбрасывали металлические предметы. Ксения пискнула, испуганно взъерошив густую шевелюру, резко бросила на палубу какой-то сверкающий предмет. С легким стуком по доскам покатилась заколка для волос. Пальцы девушки дрожали, легкий дымок поднимался от ее густых русых прядей.

Вновь включился приемник, но теперь он издавал лишь мерное, на одной ноте гудение.

– Сергей... – растерянно произнесла Ксения.

И Дориков, забыв обо всех условностях, шагнул к ней, крепко беря за руку. Девушка прижалась к нему, ее била сильная нервная дрожь.

Прямо по курсу стучалась темная, почти черная гряда низких мрачных туч. Они появились словно из ниоткуда, конденсируясь прямо из воздуха, звенящего тревогой. Вертикальная молния, яркая, сотканная из множества бледно-сиреневых щупалец, располосовала грозовой фронт. Затем еще одна, и еще. Всполохи небесного огня слились в стробоскопическое мерцание.

И неожиданно закончились.

– Что это все? – почти шепотом спросила она.

– Не знаю, – честно ответил он, так же тихо, словно опасаясь призвать что-то очень опасное и враждебное.

Гудение радио прекратилось, динамик издал резкий щелчок и неожиданно произнес череду коротких, рубленых слов на каком-то гортанном языке, незнакомом Сергею.

*Zeugen... angriffsspitze... fliegerlos... geheimhaltung...*²

– Смотри! – воскликнула девушка, указывая ему куда-то за борт, в небо.

Сергей добросовестно уставился по направлению ее указующего пальца, но, сколько ни щурился, ничего не заметил, только какие-то точки на призрачной грани соприкосновения неба и воды. Может быть, птицы, а может быть, просто обман зрения.

Пора проверить зрение, подумал он, разумеется, сорок семь – не возраст, но глаза уже не те, что раньше. Новые глаза – это, конечно, чересчур, но провести коррекцию роговицы не помешало бы.

– Не вижу, – сказал он напряженно.

– Да нет же, – произнесла она, сжимая его ладонь, – посмотри внимательнее, там какие-то планеры. Они как будто водят хоровод над самой водой.

Сергей снова всмотрелся вдаль. Действительно, точки приблизились. Теперь совершенно точно можно было сказать, что это не обман зрения и, пожалуй, не птицы. Разумеется, на таком расстоянии невозможно было рассмотреть никаких деталей, но неизвестные объекты обладали характерными ломаными линиями, выдающими творение рук человеческих. Их расплывчатые

² Свидетели... боевой дозор... без авиации... сохранение тайны (нем.).

силуэты дрожали и трепетали низко-низко, над самой водой, бликуя и отсвечивая полированными плоскостями, как будто и в самом деле стрекозы водили свои охотничьи танцы.

Планеры приближались. В считанные секунды их можно было уже без труда сосчитать и рассмотреть более-менее детально. И тогда Дорикову стало очень... тревожно. По спине прошел морозец, скребя кожу колкими остренькими лапками. Эта же неосознанная тревога охватила всех присутствующих на палубе – неутраченный доселе жизнерадостный шум пассажиров сам собой буквально за несколько секунд сошел на нет, лишь удивленные возгласы да ровный рокот судовых машин нарушали тишину на палубе.

Их было семь, может быть, восемь, машин, схожих по размерам с двухместными русскими «Витязями» или американскими «Хоуками», идущих косым строем в одну линию, разрезая прозрачный воздух непривычно длинными плоскостями, поблескивая прозрачными каплями фонарей-блистеров.

Прежде всего, планеры приближались очень быстро, невероятно быстро. Дориков был не очень хорошим знатоком воздушных аппаратов, но манера движения, очертания гиропланов и их менее распространенных братьев – гироциклов была ему хорошо знакома. Эти же машины буквально пожирала сотню за сотней метров со скоростью и целеустремленностью небесных акул. Кроме того, инженер не видел ничего сколь-нибудь похожего с привычными движителями – винтами или барабанными приводами. Планеры держались в воздухе, словно велением божьим, лишь странный пронзительный свист, похожий на звук разрываемой плотной бумаги, сопровождал их стремительный полет, разносясь далеко вокруг. Инженер никогда не слышал ничего подобного и, по-видимому, он был не одинок.

Но если отсутствие пропеллеров еще можно было списать на обман зрения или техническую новинку, то сам по себе внешний вид аппаратов даже не столько удивлял и поражал, сколько по-настоящему пугал. Они были странно, неестественно перекошены – кабина сдвинута влево по отношению к центроплану, а сразу за ним с ощутимой асимметрией вправо вырастал уродливый цилиндрический «горб» с непонятными выступами, заканчивающийся сложной конструкцией, похожей на рулевое оперение, но нестандартных пропорций. Как бы в продолжение «горба» вровень с кабиной по ее правому борту торчал «пучок» из трех или четырех длинных палочек странного гофрированного вида. Лишь окраска у машин была похожа на обычную, знакомую – серо-синяя, более темная сверху, снизу – светлее, но оттенки краски были более яркими, контрастными.

Группа загадочных планеров (а планеров ли?) вытянулась в линию и выстроила над судном идеальный круг протяженностью в несколько сотен метров. Пронзительный свист-гул наполнил все пространство, и инженер наконец понял, почему ему так тревожно.

Окрас машин при всей необычности был схож с окраской военных планеров, а странные «палочки» сбоку кабины – с батареей пулеметов, только со стволами гораздо толще и длиннее.

– А вот еще, – растерянно произнесла Ксения, но Сергей видел и сам. Вторая группа неизвестных машин быстро приближалась с того же направления, что и предыдущие, но эти были заметно больше, симметричные, числом не меньше десятка, они держали курс прямо на «Гинденбург». словно очнувшись от спячки или растерянности, на «Гинденбурге» замигали огоньки световых сигналов. Видимо, не надеясь на радио, капитан воздушного гиганта приказал использовать даже сигнальные дымы, и синие шлейфы густой пеленой потянулись по бортам. Видимого ответа не было. Группа над «Гордостью» вновь развернулась в линию, группа, летевшая к дирижаблю, разомкнула строй, охватывая его как огромным серпом.

Толпа на палубе заволновалась, предчувствуя какие-то изменения и неожиданные события. Возгласы «да что это!», «кто они такие?» и «эти вояки со своими полетами совсем распоясались!» слились в один ровный гул.

Странные очертания, полное молчание, «пулеметы», быстрые, идеально точные маневры, отсутствие каких-либо эмблем на машинах. Все сложилось в единое целое.

– Надо уходить... – пересохшими губами прошептал инженер. Девушка удивленно, непонимающе уставилась на него.

– Бежим! – повторил он, крепко хватая ее за руку. Краем глаза он видел, как заканчивают перестроение планеры. На судне завывали сирены «первой готовности», завибрировала палуба – машины увеличивали ход, палубу ощутимо повело – на мостике резко переложили руль.

Резким движением инженер развернул девушку к себе, испуганную, непонимающую, крепко прижавшую к груди мольберт. Ближайший спасжилет был чуть дальше, у трапа на верхнюю смотровую палубу, ближайший плотик еще дальше, на спусковой аварийной лебедке метрах в пятнадцати по борту. Но он опоздал.

Под плоскостями машин, направлявшихся к «Гинденбургу», чередой прошли яркие вспышки, быстрые, похожие на сверхновые в образовательных программах по новостнику. И сразу же от них к дирижаблю быстро, гораздо быстрее даже стремительно скользивших планеров, подобно странным белесым копьям, устремились дымные следы, как во время запуска фейерверков на празднике исчисления грехов в Неаполе или на гуляниях в Поднебесной.

Время для инженера остановилось. Он отбросил, оставил за границами восприятия всю несуразность, невозможность происходящего, оставив лишь две мысли. Первая – это нападение. И пусть нападение такое же нелепое и невозможное, как атака Кракена из древних морских сказок или пришествие зловещих инопланетян из кинофильма «Далекие контакты», оно совершенно реально. Вторая – он должен спасти ее.

Полет ракет (а теперь уже не оставалось сомнений, что это были именно ракеты) занял лишь несколько мгновений. Мастерство атакующих было велико, а условия запуска идеальными, поэтому дымные «острия» ударили по борту дирижабля одновременно на всем его протяжении, ни одна ракета не миновала цель. Серия взрывов прошла по серо-стальной поверхности, круша прочнейшее комбинированное покрытие и огнеупорные переборки. Несколько мгновений спустя громоподобный гул докатился до «Гордости», тяжело ударив по барабанным перепонкам.

Если бы «Гинденбург» был построен как его великий предок, мирно доживающий свой век в музее воздухоплавания в Берлине, он взорвался бы сразу, но огнеопасные наполнители давно уступили место нейтральному газу. Большая часть газовых цистерн была разрушена, но оставшиеся не позволили воздушному кораблю обрушиться вниз. Оставляя за собой густой дымный шлейф, языки пламени и падающие в море обломки, дирижабль начал резко снижаться, сопровождаемый дьявольским хороводом планеров. Немного погодя над ним стали раскрываться крошечные яркие шарики – экипаж и пассажиры покидали дирижабль с помощью индивидуальных спасательных баллонов. От планеров к шарикам беззвучно потянулись тонкие пунктиры, они тончайшими иголками кололи баллоны и тела под ними.

Сергей этого уже не видел, посреди толпы, впавшей в панику, схватив железной хваткой Ксению, он торопливо натягивал на нее жилет, прихватив прямо к телу руку с мольбертом.

Три аппарата из первой группы прошли прямо над судном, от них отделились темные предметы, похожие на огромные сигары, и устремились вниз, прямо к «Гордости». Корабль уже шел полным ходом, сирены заливались во всю мощь своих механических глоток, на мостике резко рванули штурвал, и «Гордость» завалилась на бок, стараясь уйти от беды, падающей с небес. Но и «сигары» неожиданно изменили направление падения, стремясь к цели подобно живым, мыслящим существам.

Конечно же, Сергей не мог знать и никогда не узнал, что на «Гордость Франкфурта» были сброшены три бронебойные планирующие бомбы оптического наведения старой доброй серии РС750, модернизированные по опыту сражений с линкорами «президентской» серии. На высоте пятидесяти метров сработали пороховые ускорители, разогнавшие снаряды до без малого четырехсот метров в секунду.

Оптимизированная для уничтожения кораблей наподобие «Президент Майкрофт Хаст» с их дециметровыми бронепалубами первая бомба пробила корпус «Гордости» почти на всю высоту, от палубы до киля. С секундным интервалом за ней последовали еще две. «Гордость» едва заметно содрогнулась под тройным ударом, и сразу же вслед за этим строенный взрыв полностью вскрыл подводную часть судна на четверть его длины. Обшивка и большая часть оборудования, оказавшиеся в зоне поражения исчезли, превратившись в крошево металла и пластика.

Оглушительный грохот и удар – вот то, что почувствовал Сергей. Палуба встала на дыбы и резко ударила по ногам, его швырнуло на ограждения. Каким-то чудом он успел ухватиться за поручень одной рукой, другой же обхватил Ксению, только поэтому они оба не оказались за бортом. Прямо в голову ему прилетело что-то небольшое и увесистое, оглушив на несколько секунд.

На палубе разверзся подлинный ад. Передняя треть палубы страшно вспучилась, пошла разрывами и лохмотьями искореженного металла, ошетичилась древесными щепками. Были видны огромные буруны, вырывающиеся по бокам, из-за бортов, корабль ежесекундно принимал тонны воды и стремительно уходил под воду со все увеличивающимся креном на нос. Люди метались по кораблю, падали за борт. На глазах у Сергея давешняя старушка споткнулась и покатила по настилу, пытаясь зацепиться за что-нибудь, собачка тоскливо выла, не в силах освободиться от поводка, увлекаемая вслед за хозяйкой в бездну.

Сергей мотнул головой, сбрасывая пелену с глаз, непослушными пальцами защелкнул последнее крепление на жилете девушки. И сразу же огненная полоса прошла рядом с ним, выбивая искры, пробивая металл и плоть. И еще одна, и еще – планеры кружили над тонущим судном, расстреливая людей на палубе и в воде.

Что-то ударило его в спину, несильно, как будто слегка толкнули раскрытой ладонью. Ноги сразу онемели и подломились. Тяжесть и слабость разлились по всему телу, что-то теплое побежало по пояснице.

– За борт... и плыви... – только и сумел он сказать, чувствуя, как подкашиваются ноги, тяжело оседая на скользкую палубу, мокрую от воды и крови. Разум отказывался признавать случившееся, но тело инстинктом тысячелетней эволюции понимало, что это все...

Она смотрела прямо на него огромными, расширенными глазами, в которых бился смертельный ужас, и Сергей понял, что девушка не видит и не слышит его, ее вообще нет с ним. Все случившееся было слишком неправдоподобным и невозможным, так просто не могло быть, не здесь, не сейчас, не с ней. И ее разум просто отказался воспринимать реальность. Ксения смотрела в пустоту невидящим взглядом, бледные губы дрожали, не в силах вымолвить ни слова.

– Прыгай! – крикнул он ей, хлестнул по щеке. Но вместо крика из горла вырвалось лишь слабое сипение, а вместо удара – слабый толчок. Она пошатнулась и села, обхватив свободной рукой поручень, даже не изменившись в лице.

– Боже мой... – только и сумел сказать он. Теперь пришла боль, безмерная, всепоглощающая, но это было даже хорошо, боль заставила почувствовать отказывающиеся слушаться ноги.

«Гордость» ушла под воду уже наполовину, обезумевшие от ужаса люди метались по палубе, бросались в воду, кто успев схватить жилет или плотик, кто просто надеясь на удачу. А над этим хаосом смертными тенями метались летающие убийцы, неустанно поливая корабль и людей свинцом. Инженер понял, что еще минута, даже меньше, и «Гордость» затонет. Если его любимая останется на палубе, то почти наверняка погибнет. Если же окажется за бортом, то будет призрачный, исчезающее малый шанс, что она останется жить.

И все оставшиеся ему мгновения жизни, вытекающие из тела вместе с кровью из раны, Сергей вложил в три простых движения.

Встать... Ноги не слушаются, ноги не держат, но это ничего... ничего...

Взять ее... обеими руками. Крепко. Изо всех сил...

И выбросив ее за борт, он упал мертвым.

Через полминуты вода, покрытая мазутной и кровавой пленкой, сомкнулась над «Гордостью Франкфурта». На поверхности среди водоворотов остались обломки надстроек, спасшиеся пассажиры и покачивающиеся на взбаламученных волнах трупы. Сделав прощальный круг, крылатые убийцы потянулись обратно, в ту же сторону, откуда пришли, за исключением одного. Немногие оставшиеся в живых провожали их взглядами с ужасом и ненавистью, надеясь, что это конец страшным испытаниям, но они ошибались.

Два бочкообразных предмета, сброшенные последним планером на небольших парашютах, приводнились незаметно и тихо. И через несколько мгновений вспухли полусферами всепожирающего пламени, расходящегося по воде в клубах пара, уничтожая, обращая в пепел все – и живое, и неживое.

Глава 2

Исландия молчит

5 августа, день второй

«Блудный сын возвращается домой, – улыбнувшись, – подумал Виктор. – Интересно, ожидать ли упитанного тельца, заколотого к приезду любящим отцом?»

Тихо шуршали по дорожному покрытию широкие шины, ровно гудела дизельная спарка. Девятивагонный автопоезд приближался к пригородам Мурوما, пробивая ночную тьму ярчайшим светом фронтальной батареи галогенов.

Последние четыре месяца не баловали Виктора Таланова бытовым комфортом. Тесные отсеки военных дирижаблей, еще более тесные кабины гиропланов, чуть более свободные, но гнетущие кубрики субмарин. Вездесущие запахи металла, масла и газойля пополам с бензином. Острый аромат жизни, балансирующей на грани встречи со смертью. А потом была прокаленная сушь африканских пустошей, где солнце похоже на адский очаг, а природа и люди безжалостны к слабым.

Африка, пожалуй, единственное место на земле, где еще остались голод и нищета. Не недоедание и скверные условия жизни, а настоящий голод, непрерывно собирающий богатую смертную дань. И настоящая нищета, отчаянная, неприглядная, безыскусная.

Но эта земля богата, очень богата. Золото, медь, марганец, платина, хром, алмазы – все то, что движет вперед мир и капиталы. И нефть, очень много нефти – кровь, питающая каждую клеточку цивилизации. Новый металл, смертельно опасный в добыче, но способный раз и навсегда решить проблему нехватки электроэнергии. А еще – контроль над торговыми путями из Атлантики в Пацифиду. Не самая перспективная, не самая главная ключевая точка контроля над Индийским океаном, но в умелых руках и при достаточном количестве боевых дирижаблей-ракетоносцев из Африки можно управлять многотысячным оркестром мировой трансокеанической торговли.

Поэтому на юге Черного континента не будет мира, пока две сверхдержавы – Российская империя и Североамериканская конфедерация – не разделят эту землю по негласным, но железно соблюдающимся границам. Но до этого еще очень далеко, и ему, Виктору, еще не раз доведется встретить на прохладных улицах российских городов людей с характерным загаром, одетых не по погоде легко, так, словно они до сих пор не могут остыть от жара далекого солнца. Встретить, обменяться понимающими взглядами и разойтись, не проронив ни единого лишнего слова.

Потому что Империя не воюет. И Конфедерация не воюет. Военные расходы растут, сходят со стапелей новые боевые корабли, поднимаются в небо новые аппараты легче воздуха, несущие уже до десяти управляемых ракет. Но войны нет, никто не хочет сражаться вновь, прививка почти столетней давности, превратившая Пруссию в Священный Пангерманский Союз, действует по сию пору.

Но все это позади, по крайней мере на следующие три недели. Заслуженный двадцать один день полновесного внеочередного отпуска за заслуги и успехи, дома, в кругу семьи.

– Простите, я вам не помешаю?

Виктор взглянул на спутника. Тот подсел в двухместное купе на предыдущей остановке, с какой-то непонятной робостью примостился на обитое искусственным бархатом сиденье, почти на самый краешек, крепко прижимая к груди чемоданчик – «дипломат» желтой кожи, да так и застыл в неподвижности, нахохлившись, как воробей, так что Виктор почти забыл о его существовании.

– Нет, – немного удивленно ответил Таланов.

– Замечательно! – с энтузиазмом воскликнул спутник. Немного суетливо он привстал, протянул Таланову руку, уронив при этом чемоданчик, спохватился, наклонился, чтобы поднять, сбросив при этом стакан со столика у окна. Виктор поймал емкость у самого пола, уже заинтересованно наблюдая за эволюциями собеседника. Тот, смутившись окончательно и густо покраснев от смущения, все-таки распределил по купе «дипломат» и себя, с чувством пожал твердую ладонь Таланова.

– Здравствуйте еще раз, – сказал он вновь, теперь более уверенно, – понимаете, я работаю в издательстве редактором и корректором, привык трудиться по ночам. Работа, понимаете, серьезная, а ночью тихо, спокойно, знаете ли, не отвлекает ничего, так вот. Такая работа.

Немного заблудившись во всех этих «работах», Таланов молча слушал.

– Вот я и говорю, много езжу и часто работаю по ночам, некоторым неудобно, возмущаются.

Виктор усмехнулся, ему неожиданно очень захотелось сказать смешному суетливому редактору-корректору, что работающий за полночь сосед – это ничего, это нормально. Когда веселые негры гоняли их штабной броневым автомобилем по равнине, не в состоянии попасть из трех безоткаток, – это было неудобно и возмутительно. Пушки были неплохие, французские, но в краях южнее Солсбери считалось хорошим тоном перед стрельбой дунуть добрую порцию китайской мутировавшей конопли, дескать, духи, толкающие пули, так лучше слышат.

– Нет, вы мне не мешаете, – скромно ответил он.

– Это хорошо, это хорошо! – обрадовался спутник. – Кстати, я Марк, Марк Амелякин. Вот так.

С этими словами он открыл портфель. На свет появились стопка исписанных от руки листов, стопка отпечатанных листов, пенал с набором разных канцелярских принадлежностей и наконец большая лампа с аккумулятором. Все это корректор расположил на столике и вооружился толстым красным карандашом, заложив второй за ухо.

Теперь Таланов понял, почему Марк так стеснялся: включенная лампа давала свет почти как маленький прожектор, напрочь забывая уютный свет плафона купе мертвенным сиянием лампы дневного света, модной новинки года. Но возмущаться теперь, после собственного разрешения, было как-то неудобно, ехать оставалось не более получаса, так что Виктор вспомнил услышанное где-то «сильные люди – добрые люди» и решил быть снисходительным к чужим привычкам.

– Извините, привык с детства, – сказал Марк, перехватив его взгляд, – могу работать только при ярком свете. Иначе никак.

– Да ладно, понимаю, – отозвался Виктор. – Над чем работаете?

Вопрос был риторическим, но корректор воспринял его с энтузиазмом, как, похоже, и вообще все, что делал.

– Очень интересный проект, очень любопытный! Иван Терентьев, знаете ли, наверняка доводилось слышать?

Таланов наморщил лоб, вспоминая. Имя было знакомым, но как-то ускользало, не даваясь памяти зацепиться. Помнится, чем-то подобным зачитывались ребята на «Нептуне», транспортном «ныряльщике», что вывозил их от мыса Барра.

– Ну как же, «Гибель империи», «Гражданская война» и «Двадцатые годы». Их еще называют «Страшная трилогия». Неужели вы не читали, это же самые популярные и известные книги последних лет!

– Последнее время я не очень много читал, – дипломатично заметил Таланов. – Времени все не было. Вы рекомендуете?

– Безусловно, безусловно. Это очень интересные произведения, они написаны в новом жанре, он называется «альтернативная история», слышали?

– Да, что-то такое слышал, – безразлично отозвался Виктор, теряя интерес к разговору. История, тем более альтернативная, не числилась в списке его увлечений. Но было поздно, редактор сел на любимого конька, пришпорил вовсю и слезать уже не собирался. Марк даже перестал повторяться.

– Автор описывает иную реальность, интересную, очень тщательно проработанную, но притом совершенно абсурдную, невероятную, я бы даже сказал болезненную. В его придуманном мире освоение Мирового океана ограничилось простой добычей рыбы...

Таланов удивленно скривился.

– ...а Мировая война случилась в начале нашего века, в десятых годах. Германия ее проиграла, но жестче всего Терентьев обошелся с Россией!

– Она тоже проиграла? – скептически спросил Виктор.

– Если бы! Наше богоспасаемое отечество пало в результате революции, даже двух! В стране разгорелась гражданская война, в результате к власти пришли совершенно безумные, но очень решительные люди. История трилогии заканчивается в середине двадцатых. Книги пользовались огромной популярностью, содержание было абсурдным, но автор так тщательно продумал свою реальность, что в нее поневоле верилось. Совершенно другая история, люди, техника, наконец! Одни только аппараты тяжелее воздуха чего стоят. Никаких гироскопических агрегатов и роторов, подъемная сила возникала за счет крыльев особой формы.

– Ну, это возможно, – Виктор слегка покровительственно улыбнулся улыбкой чело-века, перелетавшего на всем, от тысячетонного «Мамонта» до карликового одномоторного «Мотылька», – такие опыты давно ведутся, просто это слишком дорого, да и не нужно, никакой аппарат тяжелее воздуха не сравнится по автономности и дальности полета с дирижаблем, а для специальных задач есть гиро-машины. Так что здесь автор хватил лишнего.

Гулко, но по-своему мелодично прогудел встречный поезд, по окнам хлестнула желтая полоса его фар, в их свете Таланов увидел, что равнина уступила место густому лесу – началась пригородная зона насаждений. Еще немного, и он дома.

– Да, но как красочно и убедительно он описал это «лишнее»! В таком страшном мире не хочется жить, однако про него очень интересно читать, настолько все продумано. Например, Терентьев описал повсеместное и очень раннее развитие рельсового транспорта, который позволил перевозить гораздо больше грузов, а это, в свою очередь, сделало Мировую очень интенсивной и страшно кровопролитной.

– И, конечно же, она велась в основном на суше, – подхватил Виктор.

Но Марк не почувствовал нескрываемого сарказма и подхватил мысль:

– Да-да, на суше! Конечно, морские баталии также прописаны. Но их мало и флотоводцы очень нерешительные. Никакого размаха, почти все сражения ограничены Северным морем.

– Мне не нравится, – решительно высказался Виктор, – этот мир таков, каков он есть, и незачем придумывать другой, тем более такой... страшный и ненормальный.

– Большинство читателей с вами не согласилось, – жизнерадостно ответил корректор. – Тиражи были миллионные, и автор написал продолжение. Вот над первой книгой нового цикла я и работаю.

– «О, сколько нам открытий чудных...» – процитировал Таланов.

– Вот именно, вот именно. Теперь на первый план выходит Иосиф Джугашвили, только здесь он носит псевдоним Сталин.

– Откуда же он взялся, – удивился Виктор, – ведь если «там» прогремела революция, развернуться «дети Бориса-Реформатора» никак не могли?

– Возвысился сам. Так сказать, силой природного таланта, – в тон ему отозвался собеседник, – а теперь самое главное...

Он сделал драматическую паузу, Виктор выжидающе приподнял бровь, теперь уже не надо было изображать интерес, удивительная история захватила его.

– Во-первых, – начал корректор, польщенный вниманием, – Джугашвили-Сталин носит френч и сапоги...

Таланов фыркнул.

– Во-вторых, он усат...

Таланов ухмылялся уже открыто.

– И, в-третьих... – Марк понизил тон, и Виктор приготовился к кульминации. Убедившись, что внимание собеседника принадлежит ему целиком, корректор выдал финальное: – Он курит трубку!

Взрыв смеха сотряс купе, вплетаясь в тихую трель звонку. Автопоезд замедлял ход, слегка раскачиваясь на рессорах и поскрипывая тормозами, приближаясь к станции.

– Да, на этот раз фантазия явно изменила писателю... как его... Терентьеву, – сказал Виктор, собирая свой небогатый багаж – всего две сумки, старые и сильно потертые. – Спасибо, вы не дали мне заскучать. Хорошая поездка получилась!

– Всегда к вашим услугам!

– До свидания, может быть, еще увидимся.

С минуту, пока поезд не исчез за поворотом, Виктор просто стоял на перроне, в свете единственного фонаря, вдыхая свежий чистый воздух, из которого стремительно исчезал газойлевый «аромат».

И все-таки хорошо, что «Экологический Кодекс» запретил двигатели внутреннего сгорания в городах и прилегающих зонах, подумал он. Паромобили – это, конечно, неудобно в сравнении с авто, но с другой стороны – необходимость нажать на кнопку и ждать минут пять-семь, пока не заработает змеевик, – небольшая плата за чистый воздух и здоровье.

А теперь домой.

Он пошел вдоль перрона к спуску, ведущему к лесной тропинке, автоматические фонари включались и послушно выключались, освещая его путь до лестницы.

Виктор вновь вспомнил разговор с редактором в кабинете отца, который держал портрет покойного Железного Канцлера на рабочем столе, на самом видном месте в качестве назидательного примера – как должно работать. Самая известная фотография, черно-белая, сделанная в начале пятидесятых. На ней Джугашвили чуть исподлбья, склонив голову, смотрел в объектив из-за рабочего стола – с неизменным хитрым прищуром, в неизменном костюме-тройке, со щегольской бородкой («под козла», как ерничали многочисленные недоброжелатели). И, конечно же, без глупой трубки, но с мундштуком из слоновой кости с серебряными накладками – подарком президента Конфедерации.

Виктор добрался домой быстро и без приключений. Впрочем, приключениям здесь взяться было неоткуда, район был застроен еще в двадцатых, во время «великой Ульяновской стройки», сейчас двух- и трехэтажные дома были заселены главным образом «средним классом», руководителями среднего звена и высокопоставленным земским чиновничеством.

Виктор не ждал, что в половине пятого утра кто-то еще будет бдеть, и собирался тихо прилечь хотя бы на пару часов на диване в гостиной. Но отец еще не спал, свет в его кабинете в мансарде Виктор заметил издали.

Савелий Сергеевич, председатель правления «Таланов и партнеры», встретил его как обычно – со сдержанным радушием, которое постороннему могло бы показаться холодным. Но Виктор хорошо знал отца, в его глазах он прочитал не только радость, но и тяготы. Старик попытался было отнекиваться. Но Виктор сел в кресло и заявил, что не сдвинется с места, пока не получит ответ, потому что семья они или где?

– Вот смотри, сын... – Отец потер ладони, собираясь с мыслями. В свете лампы черты его лица заострились, придав сходство с ястребом. – Ситуация получается следующая...

Он вновь умолк на мгновение, собираясь с мыслями. Виктор терпеливо ждал, наконец Таланов-старший заговорил, и на этот раз речь его лилась быстро, но четко и ясно.

– Когда только начиналась кампания по освоению мелководных промыслов, мы сильно пролетели, решив, что это все преходяще и несерьезно. Мы вложились в рыболовство и комбинированные суда «парус-дизель». Впрочем, ты это наверняка помнишь...

Виктор молча качнул головой в утвердительном жесте. Да, это время он помнил хорошо. Отец тогда летал, словно на крыльях, воплощая в жизнь свою давнюю мечту, на которую откладывал и копил едва ли не с детства.

– ...и таким образом мы упустили момент, когда можно было просочиться на развивающийся рынок за копейку. Уже через три года промыслы моллюсков показали себя очень перспективными в коммерческом плане, мы также кое-что заработали и хотели расширить вложения, но к тому времени Фонтейн уже фактически монополизировал отрасль.

– Я слышал, у «Трех Ф»³ сейчас большие проблемы, – аккуратно вставил Виктор, – на них насажена Межконтинентальная Комиссия.

– Да, антимонополисты-пищевики плотно занялись старым пиратом. Он все-таки человек из прошлого, и там, где «Тагарты» вывернулись, Фонтейн сядет на мель. Но это время, такие расследования ведутся годами. – Савелий Сергеевич помолчал и закончил резко, жестко. – А у нас этих «годов» нет.

– И куда же они делись? – полюбопытствовал сын. – Я не член правления, но понял, что все идет вроде бы неплохо... Или ты стал подделывать отчетность на старости лет?

Лицо Таланова-старшего исказилось, и сын понял, что сморозил глупость.

– Прости, пап, прости, – виновато и неловко сказал он.

Привстав, Виктор перегнулся через стол и неловко, с грубоватой нежностью хлопнул отца по плечу.

– Да ладно, – сказал отец, накрывая сыновью ладонь своей. Высохшие узловатые пальцы на мгновение соприкоснулись с мощной дланью Виктора, сжали в коротком, но не по возрасту сильном пожатии. – Садись.

– Нет, отчетность я не подделывал, – продолжил он, дождавшись, пока Виктор сядет вновь. – Все проще и сложнее. Азиаты с их «объединением»⁴ наконец-то доросли до серьезных

³ «Fountain's Fish and Food».

⁴ Имеется в виду «Трехстороннее экономическое объединение», организованное в 1954-м Японией, Китаем и Австралией с целью комплексного освоения природных богатств Тихого океана, в первую очередь рыболовства.

флотов. И, что самое печальное, они намерены вывести в океан суда на дизельном ходу, без комбинированных установок с парусами.

– Дорого, – скептически заметил Виктор.

– Вот и мы так же думали, – ответил Савелий Сергеевич. – Но оказалось, что азиаты умеют считать деньги лучше нас. Большие расходы на топливо они намерены покрыть и перекрыть за счет большей оборачиваемости походов. И, судя по всему, они не прогадали.

– Что из этого следует? – по-военному кратко спросил Виктор.

– Ничего хорошего. Сейчас их верфи полностью загружены, кроме того, китайцы сделали очень большой заказ британцам. Морские дизели, ступенчатый контракт на семь лет, страховка в «Ллойд-Петров», серия поставок с ремонтом и прочий набор. Повезло англичанам, учитывая, как их трясет все последнее десятилетие, когда «Таггарт» вытеснили «Королевское минеральное сообщество» с рынка «мокрых» металлов.

Он потер виски, собираясь с мыслями, сын терпеливо ждал, понимая, как тяжело говорить отцу на такую болезненную тему.

– В общем, в ближайшие годы рынок океанического рыбопромысла для таких, как мы, закроется. Конкурировать с американцами и траулерами Демидовых-Корсаковых мы еще могли, но теперь конкуренция вышибет всех малых и скромных. Пора сворачивать дело.

– Есть мысли, куда уходить?

– В том-то и дело, сын, в том-то и дело. Есть. У меня хороший знакомый в Министерстве морского хозяйства, он с полгода назад шепнул на ухо, что наши наконец-то собрались подвинуть Фонтейна и норвежцев. Искусственные острова, моллюски в многоярусных комплексах, новые модифицированные образцы с фантастическим богатством протеина и прочих витаминов – французские генетики постарались. Что самое главное – в новом товариществе будет почти двадцать пять процентов вложений Дома.

Виктор приподнял бровь. По давно сложившейся традиции, ведущей начало еще от Константина Первого, долевое участие императорской семьи фактически означало государственную гарантию дела. Дом получал свои доходы, направляя их на «благотворительные нужды». Фактически это была еще одна форма государственного финансирования целевых программ, преимущественно образовательных. Понятно, что Дом очень тщательно отбирал проекты, достойные своего участия, и если бы Таланов-старший смог попасть в заведомо узкий круг допущенных к такому делу, это сулило бы очень хорошие перспективы.

– Да-да, – повторил Савелий Сергеевич, с видимым удовольствием отвечая на невысказанный вопрос сына, – четверть. Мы, конечно, не очень велики, но хорошая репутация, хорошая деловая история, «патриотический список» потребителей только отечественного. Все это помогло, нам удалось попасть в круг соучредителей, не в «первую очередь», конечно, но это уже не столь важно.

– Так в чем беда? Деньги?

– Да. Очень большие.

– Сколько?

– Тебе столько не собрать и не занять. Поверь мне, – невесело ответил отец. – Но мы решили и эту задачу. Договорились с исландцами о продаже практически всех наших кораблей за умеренные деньги. Остров не богат, экономичные рыболовы с парусным ходом им в самый раз, а мы не ломили цену. Даже еще немного заработали сверх установленного, потому что сделка в евромарках и прогон через Рейхсбанк позволит немного сыграть на курсе к рублю. Оплата за корабли, игра на курсе плюс небольшой заем в банке под гарантию деловой репутации и грабительские проценты от будущих доходов, вот и набралась нужная сумма.

– Так в чем беда? – искренне удивился Виктор. – Пока я вижу, как ты опять все объехал на хромой козе.

Отец против воли улыбнулся, услышав свой же любимый оборот из уст сына.

– В том-то и дело, что все складывалось удачно. До вторника, то есть до вчерашнего дня. Комиссия приняла флот, заключение более чем благоприятное, покупатель должен был перевести деньги единовременной выплатой. Но подтверждения от банка нет.

– Они оказались?

– Неизвестно. Они просто молчат.

Виктор почесал переносицу мизинцем, добросовестно осмысливая услышанное.

– А как это возможно? – спросил наконец он, не придумав ничего лучшего.

– Если бы я знал, – желчно ответил Савелий Сергеевич. – Покупатели просто молчат. Причем даже их представители в Германии и в нашем порту не смогли связаться с патронами. И если мы не проведем сделку в течение трех дней – займа не будет, соответственно не будет и участия в ракушковых фермах, чтоб их...

– Телефон, изограф, заказ радиопереговоров напрямую, – с ходу перечислил Виктор возможные варианты.

– Все пробовали, или ты меня за дурака держишь? – терпеливо разъяснил отец. – Здесь завязаны многие интересы, в том числе и того хорошего человека, который подсказал идею и лично поручился за меня перед товарищем министра морского хозяйства. И получается, здесь дело не в нас и не в какой-то прихоти, Остров вообще не отвечает на запросы и не выходит на связь. Можно, конечно, предположить, что донные кабели пострадали от какого-нибудь катаклизма, но молчит и радио.

– Мистика какая-то, – искренне удивился Таланов-младший. – Невозможно такое.

– Невозможно, – согласился старший, – но случилось. Грешат на циклон и электромагнитную бурю, там вроде шторм и какие-то странные помехи, очень мощные. Но нам от этого не легче.

– И теперь ты отправляешься лично.

– Да. У меня три дня, затем кредитное соглашение перестанет действовать, и можно будет сливать воду. Новое мы оформить просто не успеем, евробанкиры медленны на руку, товарищество закончит оформление «второй очереди» раньше. Так что гиропланом до Москвы, там на скоростной дирижабль и с пересадкой в Осло прямиком туда, в Рейкьявик. Должен успеть и еще останется время, сейчас заработала новая пассажирская линия через океан, эти новые тепловые «пузыри», которые похожи на бумеранг.

– «Летающее крыло», – подсказал Виктор.

– Да, вроде так, они делают почти четыреста километров в час. Надеюсь, что в полете меня застанет радостное известие о том, что наши проблемы решены. Иначе нам останется только привольное житье рантье.

– Ладно, пап, не грусти. – Виктор не очень понимал, какие правильные и одобряющие слова нужно говорить в такой ситуации, но искренне постарался утешить отца. – Не может такого быть, чтобы сломалось все и сразу. Три дня – это три дня, я думаю, ты услышишь хорошие новости уже в пути. Ну а если все-таки что-то пойдет не так...

– Хм... – Таланов-старший скривился. – Сын, ты меня прямо воодушевляешь!

– Пап, я же военный, нас учат, что побеждает не тот, кто планирует, как хорошо он распорядится победой, а тот, кто тщательно продумывает, что он будет делать, когда все пойдет наперекосяк.

– Вот на что идут наши кровные денежки, – через силу, но все же улыбнулся Савелий Сергеевич. – Наша доблестная армия учится проигрывать...

– Нет, она учится побеждать. – Виктор решил ковать железо, пока горячо, старательно отвлекая отца от невеселых мыслей. – Тот, кто готов к поражению – не боится его. В неспокойное время живем, с конфедератами все совсем не весело.

Савелий Сергеевич встал, чуть потянулся, покрутил кистями, разгоняя кровь.

Сумрак, заполняющий кабинет, поблек, темень за окном заиграла новыми оттенками серого и черного, разделившись на уровне горизонта тончайшей нитью алого.

– Рассвет близится, – сказал отец, по-прежнему стоя. Он смотрел в окно, и на лице его, быстро сменяя друг друга, проходили выражения усталости, печали, затаенного гнева. Словно карты, тасуемые руками опытного фокусника.

– А что там у вас? – неожиданно спросил он. – Армия стоит на страже?

– Как всегда, папа, как всегда, – дипломатично ответил Виктор. Он хорошо понимал, что на самом деле отец беспокоится о нем лично, но, понимая специфику работы сына, облекает вопрос «Как дела?» в дипломатичную форму. – В Африке неспокойно, конфедераты наращивают флот, англичане цепляются за прежние заслуги. Все как обычно.

– И какие... перспективы? – по-прежнему как бы отстраненно продолжил Савелий Сергеевич.

– Как всегда, мы всех побеждаем. – С этими словами Виктор тоже поднялся и обнял отца, чувствуя через ткань пиджака, как похудел старик.

– Ты тоже всех победишь, я знаю и верю, – очень тихо сказал он, почти прошептал. – Если тебе понадобится моя помощь – только скажи. А если не получится... У меня тоже есть пара хороших знакомых среди экономических контрразведчиков, они посоветуют, куда вложить деньги. В Южной Африке хорошие перспективы. Не все же на океане зарабатывать, на суше тоже есть много интересного.

– Спасибо, сын, спасибо. – Савелий Сергеевич так же крепко сжал сына в объятиях, все еще не по возрасту крепких. – Мне тебя не хватало.

Он решительно отстранил младшего и с пару мгновений всматривался в лицо сына. Казалось, только вчера держал на руках крошечный сверток со слабо плачущим младенцем. Но это было тридцать лет назад, и теперь сын – капитан воздушного десанта Империи, элита вооруженных сил, боевой офицер, который никогда не рассказывает, чем занимался на службе, и не имеет права хранить дома награды, а это о многом говорит понимающему человеку.

И пусть все корабли сгорят, деньги обесценятся и океан обмелеет, у него есть сын, которым можно и нужно гордиться, а значит, жизнь уже прожита не зря.

За окном в темном небе прошелестел моторами, мигая посадочными огнями, гироплан.

– Я пойду, – решительно сказал Савелий Сергеевич, – не провожай, не люблю я этого.

– Я помню, – в тон ему отозвался сын, – иди.

Виктор стоял у окна и смотрел, как высокая, подтянутая фигура отца прошла по едва освещенной дорожке, в плаще и с чемоданчиком в руках, к калитке.

Отец, папа, милый и родной человек. Тот, кто не бросил сына, болезненного и слабого, переболевшего всеми мыслимыми детскими болезнями. Тот, кто всегда находил время и любовь для мальчика, подростка, юноши.

– Я тебя жду, – тихо, одними губами сказал он. – Возвращайся скорее из своей «молчащей Исландии».

Глава 3

Прерванный отдых

«Старею», – подумал Гордей Лимасов перед зеркалом, насупив брови. Повернулся к гладкой зеркальной поверхности левой щекой, провел ладонью по намечавшейся щетине. Затем повторил те же действия с правой половиной лица. Бриться, как всегда, не хотелось, и Гордей в который раз задумался, а не отпустить ли ему бороду?

Со вздохом он раскрыл бритву, проверил остроту лезвия подушечкой большого пальца и начал священнодействовать над кисточкой и пеной. Все эти современные пасты, растворяющие щетину, здорово раздражали лицо, а от обычных бритв кожа еще и облезала, как после

обморожения. Впору было задуматься над процедурой длительной депиляции, но с его точки зрения это было как-то... не по-мужски.

Разогретое под струей горячей воды лезвие скользило легко и почти незаметно, оставляя за собой младенчески-розовую кожу без единого волоска. Нелюбимая, но привычная процедура успокаивала.

Лимасову было тревожно и непривычно. Непривычно оттого, что впервые за четыре года время близится к десяти утра, а он не на службе. Гордей настолько привык к ежедневной рутине, что сам факт отдыха воспринимал как явление необычное и в чем-то даже подозрительное. Несмотря на то что внеплановый отпуск, взятый им по настоянию начальства, длился уже третий день, он никак не мог привыкнуть к новому распорядку. Точнее, к полному отсутствию распорядка.

Протирая лицо душистыми салфетками из саморазогревающегося контейнера с вездесущей маркой «парфюм от Котляровского», он привычно еще раз прокрутил в голове события предшествующей недели. Вызов в начальственный кабинет, развернутый доклад по «Исследованию» и текущим делам, далее – как обычно, предельно краткое и деловое обсуждение. А затем неожиданное предложение наконец-то отдохнуть. Причем сделанное таким тоном, который проигнорировать никак нельзя. Он и не игнорировал, просто заказав секретарю «организовать что-нибудь». Даже не понадобилось как-то особенно перепланировать дела, Лимасов гордился, что в его конторе все работает как часы.

Словно отзываясь на его мысли, в зале гостиничного номера мелодично пропел именной «брегет» с дарственной надписью Самодержца – самая ценная вещь, что принадлежала Лимасову. Награда редкая и бесценная, не просто часы с рядовой штампованной надписью, а именной хронометр с ручной гравировкой.

Десять часов, время утреннего доклада. Но доклад сделает его первый заместитель, так же как вчера, позавчера, так же завтра и еще три дня подряд. Его же дело – выполнять указание вышестоящей инстанции и предаваться отдыху.

– Дорогой, время завтрака, – пропел из спальни женский голос, приятный и слегка тягучий, томный. Как «Сироп-экстра» Шустова, что добывается из особых глубоководных водорослей с непроизносимым названием. Стоит безумных денег, употребляется буквально «на кончик языка», потому что стоит хоть в малости не рассчитать дозу, и божественный аромат будет забит приторной сладостью, как у дешевой патоки.

– Иду, – отозвался он, снимая последнюю салфетку, придирчиво взглянул в зеркальную гладь еще раз. Из сверкающего под яркой лампой зеркала на него смотрел мужчина между сорока и пятьюдесятью, мощного сложения, но с несколько грузноватой фигурой, начинающей расплываться от долгой кабинетной работы. Щеки слегка обвисли, умные глаза по-пороссячи спрятались в узкие щели между надбровными дугами и мешками нижних век.

Лимасов прижался лбом к прохладной поверхности зеркала, стиснул ладонями края изящного умывальника, стилизованного под раковину какого-то экзотического моллюска. Сжал зубы и усилием воли постарался выбросить из головы ростки неуверенности.

«У меня все хорошо, моя карьера безоблачна, я ценю *Самим*, еще далеко не стар и относительно здоров, насколько это возможно с моей работой и образом жизни. Мой отдых вполне неплох, и я знаю, что в мое отсутствие все будет идти заведенным порядком.

Но почему мне так тревожно?..»

– Иду, – повторил он.

Накинув вышитый халат на голое тело, Лимасов вышел в зал, поводя широкими плечами – халат был самую малость тесноват для его габаритов гиревика-призера. Большая комната, обставленная в бежево-кофейных тонах, располагалась на углу гостиницы и давала отменный обзор сразу на сто восемьдесят градусов, открывая панораму чуда природы и человеческого гения.

Еще десять лет назад Малореченское было небольшим городком на побережье Черного моря, самодостаточным и в общем бесперспективным с точки зрения настоящих денежных мешков. Здесь не было ни близлежащих торговых путей, ни больших морских промыслов, ни особых достопримечательностей. Только невысокие горы, много зелени, воды, солнца и чистого воздуха, но этого добра в мире вполне хватало. Что взбрело в голову старику Корсакову, теперь уже, наверное, никто не скажет. Но неожиданно для семьи, директората и акционеров восьмидесятилетний старик, миллионщик и патриарх старшей ветви Демидовых-Корсаковых решил прибавить к традиционным занятиям семьи еще и курортное дело. Подобно своему старому товарищу и учителю, покойному министру коммуникаций и индустриального планирования Ульянову, он изрек, что «здесь будет город-сад»⁵, и на месте тридцатитысячного поселения вырос курортный комплекс мирового уровня со всей необходимой атрибутикой, включая собственный авиапорт.

«Чудит старик», – говорили скептики, акционеры требовали ревизии и смены руководства. А затем в один прекрасный день Его Императорское Величество, устав от трудов праведных на благо державы и ее многонационального народа, изволили посетить новый курорт и остаться на нем на целых три дня. Константин Второй поднимался в небо на дирижабле обзора, спускался в глубины на круизной субмарине и даже отобедал в подводном ресторане под невидимой защитой двухсотметровой сферы из армостекла. Небрежные каракули императора стали первой росписью в книге посетителей, а Малореченское – первым курортом страны. И если в начале строительства проекту предрекали скорый и неминуемый крах, то ныне это было модное место отдыха сливок общества, Малореченскому смело пророчили славу таких монстров, как испанская Валенсия, Гавана или вольный Барнумбург.

Выйдя на лоджию, Лимасов расслабленно положил широкие ладони на полированные поручни, осматривая пейзаж и планируя, чем заняться сегодня. Яркое солнце заставляло щуриться, но идти за солнцезащитными очками было откровенно лень.

Анна вышла к нему невесомыми шагами, красное платье-сари легко ниспадало вдоль ее фигуры, слегка колеблемое ветерком с моря. Она протянула ему стакан, до краев наполненный чем-то оранжевым, словно солнце искупало свой лучик в цветном стекле с соломинкой.

– А ты? – спросил Лимасов, с удовольствием потягивая напиток, какой-то непонятный сок со специфическим кисло-сладким привкусом.

Вместо ответа она провела ладонью по его груди, длинные тонкие пальцы скользили по ткани «под шкуру ската», чувственно подрагивая.

– Идем завтракать. – С этими словами она улыbnулась и покинула лоджию, тяжелая копна угольно-черных волос покачивалась в такт ее шагам.

Лимасов чертыхнулся про себя. Конечно, на дворе конец пятидесятых, время раскованности и эмансипации, женщина вполне может выйти на улицу в платье немногим выше колен и даже принять подарок не от жениха или обрученного. И все же раскованность и непосредственность его новой, скажем так, знакомой все равно достаточно регулярно ставили его в тупик. С другой стороны, так было гораздо интереснее.

Поставив стакан на широкие перила, он проследовал за ней в залу, где на низком кофейном столике дымился завтрак на одну персону, по американскому образцу – свежеподжаренный ломтик хлеба с нарезкой тунца под особым соусом из ламинарии. Сочетание немного непривычное, но вкусное. Тунец был родной, выловленный отечественными рыбаками. Помимо роскоши и комфорта Малореченский курорт славился тем, что подавал кушанья, приготовленные исключительно из продуктов, выращенных или добытых строго отечественным производителем. Поначалу это было необычно, теперь же стало престижным.

⁵ Слова, приписываемые Владимиру Ульянову при закладке первого фундамента Магнитогорского угле-металлургического комплекса 5 сентября 1918 года.

– Присоединишься? – спросил Гордей, усаживаясь на низкую банкетку.

– Нет, я не голодна, – ответила она, включая новостник. – Завтракай, у нас на сегодня много интересного.

С этими словами она растянулась прямо на ковре, положив голову на стиб локтя. Лимасов снова залюбовался ей – клубок изящных изломанных линий и контрастных цветов – черные волосы, красное платье, молочно-белая кожа. Его спутница не выносила загар, и первым подарком, что он сделал ей, была соломенная шляпа с огромными полями.

Новостник с тихим гудением разогревался – дорогая эксклюзивная модель от «В.О.Т.»⁶, ламповая, с большим прямоугольным экраном и без привычной линзы. В Малореченском стояла мощная антенна, принимающая новостные телевизионные передачи со всего северного полушария, все семь. Можно было ловить Европу и даже конфедеративные «World News» с синхронным переводом, но Анна выбрала официоз из официозов – «Мировые события» Петроградской государственной визографической станции.

Стремительно распространяющуюся моду на движущиеся картинки и новости Лимасов не одобрял, сравнивая с чумовым поветрием, а сами агрегаты называл не иначе как «дуроскопами». Главным образом потому, что по долгу службы узнавал свежие новости раньше любого визорепортера, причем в оригинальном, не кастрированном цензурой и «форматом» виде. Но подруга, во всех прочих отношениях вполне взрослая и современная (даже чересчур современная!) женщина, любила «дуроскоп», как ребенок – сладости, поэтому Гордей укрепился духом и вернулся к завтраку. Хорошо прожаренные ломтики тунца хрустели на зубах, а новостник в меру назойливо просвещал краткой сводкой, предваряющей развернутый выпуск с репортажами.

«Таланов и Партнеры» распродают корабли, готовясь уйти в промыслы моллюсков... Новый виток обострения в Африке, прямые столкновения между пророссийскими прогрессивными силами и наймитами враждебных сил. Ну, это иносказание понятно, только-только наметилось пусть слабенькое, но потепление во взаимоотношениях двух великих держав... Президент Конфедерации выступил в Конгрессе с предложением об отмене некоторых положений «Свода благонравной морали девушки из общества»... Рекордные уловы в Тихом океане... Манифестации во Франции, профсоюзы требуют сокращения рабочего дня... Японцы и австралийцы делят рыболовецкие районы восточнее Марианских островов... Значительный прорыв в исследованиях методов и приемов глубоководных погружений, дыхательные жидкостные смеси, обогащенные кислородом. Перспектива отказа от тяжелобронированных скафандров, как подключаемых, так и автономных... В Государственную Думу внесен новый законопроект о правах латифундистов и промышленников в части заключения трудовых договоров, Союз Отечественного Крестьянства и Профсоюзное Объединение выражают протест, ожидаются сложные прения по болезненному вопросу...

Лимасов закончил с тостами и с удовольствием потягивал ароматный кофе.

Так, а вот это уже интересно, опять серьезная авария на «Экстазе», третьей базе подводного комплекса, многоцелевого «осьминожника»⁷ Джейсона Райана, ныне перекупленного «Таггарт океаник». Жертв нет, график монтажа новой рудной платформы смещен на месяц.

По долгу службы Лимасов был очень хорошо осведомлен относительно этого события и был удивлен, как вообще сия новость попала на экран, учитывая обстоятельства и предысторию.

Планы консорциума под предводительством «Таггарт» были грандиозны и требовали всего самого лучшего, в том числе и новые русские батиплатформы серии «Гвоздь», способ-

⁶ «Визуальные Образы Термена».

⁷ Обиходное название подводных промышленных комплексов гражданского назначения. Происходит от эмблемы «Райан Индастриз», изображавшей осьминога, сжимающего в щупальцах молот.

ные работать на глубине до восьми километров – немыслимая еще несколько лет назад возможность, открывающая головокружительные перспективы. Многие, и Лимасов в том числе, полагали, что этот проект не только очень прибыльное мероприятие, но и последний гвоздь в крышку гроба британской подводной индустрии.

Было что-то глубоко парадоксальное и мистическое в том, что страна, провозгласившая своим девизом «Владеющий морем повелевает миром», буквально «проспала» океаническую революцию последней четверти минувшего века. Европа, объединенная вторым Бонапартом, расколотая третьим, вновь собранная Бисмарком и Айзенштайном. Конфедерация, окончательно освободившаяся от колониального статуса. Россия, подстегиваемая суровыми реформами Андрея Первого, Жестокого. Люди этих стран словно открыли глаза после долгого сна и увидели новый мир, океан – кладовую минерального сырья, углеводородов и продовольствия. Это был опасный, но вместе с тем притягательный мир, безжалостный к неосторожным, но обещающий сказочные богатства и возможности. Тонули первые субмарины, штормы уничтожали буровые вышки, гибли исследовательские станции, затопленные из-за просчетов и ошибок.

Море ничего не давало даром, но щедро вознаградило упорных.

Получив новый импульс, промышленные машины Большой Тройки двинулись вперед семимильными шагами, понемногу обгоняя упустивших свой шанс англичан. И никакие усилия уже не могли сократить отставание – слишком велик оказался разрыв. Репутация и престиж Альбиона покатались под откос с головокружительной скоростью.

Десять лет назад «Пар и газойль» Держинского-младшего, крупнейший в Империи производитель транспортных паро- и дизелевозов, объединился со «Сталепрокатными мануфактурами» Гогенцоллернов в проектировании и строительстве единой транспортной сети, связывающей континент. И вытеснил британцев с рынка тяжелого машиностроения. А в минувшем году англичане полностью потеряли позиции в мировой добыче шельфовых руд.

Закат британского величия был близок и обещал стать безрадостным. Поэтому сообщения о серии странных происшествий и катастроф на подводных объектах Конфедерации, России и Пангерманского Союза, удивительно похожих на тщательно подготовленные диверсии, фильтровались цензорами по обе стороны Атлантики. И события эти привлекали самое пристальное внимание многих организаций, как государственных, так и частных.

Резкий звук вырвал его из раздумий. Анна снова хлопнула в ладоши, озорно глядя на него сквозь прядь, выбившуюся из прически и изящным завитком опустившуюся на щеку.

– Не спи!

– Я не сплю, я просто задумался, – улыбнулся он в ответ. – Твой новостник навевает на меня скуку и апатию.

– Так долгой нечестивый механизм!

Щелкнул выключенный аппарат.

– Идем? – весело спросила она. – Я хочу купаться и веселиться!

– Безусловно. Купаться, веселиться, а вечер мы встретим в «Гроте», – подхватил он. – Когда там включают внешние прожектора, подводный мир становится просто невероятным. Ты увидишь сама, купол как будто заключен в огромный изумруд, так преломляется свет. А еще мы завтра закажем автобатисферу и ночную экскурсию на глубине...

Телефонный звонок прервал их, небольшой подвесной аппарат, замаскированный под панцирь фантазийного краба, разразился мелодичным перезвоном колокольчиков: раз, другой – и замолк.

Анна капризно надула губы.

– Надеюсь, это ошибка, – совершенно искренне сказал Лимасов. Снедающая его тревога потускнела, отодвинулась на второй план, теперь ему действительно хотелось отдыхать. Веселиться беззаботно и безмятежно, пусть всего пару дней, но от всей души.

Телефон снова зазвонил, Лимасов снял трубку.

– Срочные дела, – произнес безликий мужской голос, Гордей узнал своего секретаря. – Не терпит отлагательства. Транспорт на стоянке номер три. Руководство товарищества ждет вас, необходим срочный анализ финансовых потерь из-за событий, связанных с «Экстазом». Я позабочусь обо всех местных счетах и формальностях, связанных с вашим убытием.

– Да, – кратко ответил Лимасов и положил трубку.

От Анны не укрылась резкая перемена в лице и всем облике друга и любовника. Он сдвинул брови, крепко сжал челюсти, энергично махнул рукой.

– Вот и конец моему отпуску, – печально-сдержанно сообщил он.

– Ты обещал! – Разочарованная женщина отвернулась от него, совершенно мужским жестом заложив руки за спину.

«Черт с ним, – подумал Лимасов, – одну минуту я могу потратить на личное, но только минуту». Он подошел к ней почти вплотную и нежно, но вместе с тем крепко обнял за плечи, прижал лицо к ее душистым волосам, вдыхая едва ощутимый аромат хороших духов.

– Милая, я ведь говорил, есть я и есть моя работа. Работа дает мне высокое положение, без которого мы вряд ли встретились бы. И мое свободное время и желания заканчиваются там, где начинается служебный долг. Я должен вернуться, руководство нашей фирмы нуждается во мне. Обещаю, что как только закончу, мы уедем в настоящий отпуск без телефонов, службы и неуместных вызовов. Честное-пречестное слово.

Она повернулась к нему быстрым, гибким движением.

– Я понимаю... – голос ее был тих и печален. – Но ведь от этого сейчас не легче...

Лимасову хватило пяти минут, чтобы полностью собраться и покинуть отель. Неразговорчивый водитель вел служебный авто, ловко и быстро, но без ненужного лихачества обгоняя разноцветные паромобили на широкой ленте дороги к аэропорту.

Гордей сидел на заднем сиденье, сохраняя привычную маску сосредоточенной сдержанности, но чувствуя, как вновь проснувшаяся тревога все шире заполняет душу. «Руководство товарищества», «срочный анализ», «финансовые потери» – знакомые кодовые выражения.

Должно было случиться что-то невероятное, сверхважное и крайне опасное, чтобы Император личным приказом вызвал из первого за три года отпуска самого молодого в истории России начальника Особого Департамента при канцелярии Его Императорского Величества⁸.

* * *

– Все идет успешно. Дифазер работает в штатном режиме.

Координатор задумчиво устремил взор вдаль, поверх зданий комплекса Земельных Управлений. Красивые шестиугольники Управлений, похожие на пчелиные соты, высились среди зеленого моря Национального Парка. Лишь легкая усмешка слегка тронула его губы, но трое, сидевшие за очень узким, вытянутым столом в его кабинете, этого видеть не могли.

– Дифазер работает, – повторил начальник проекта «Прорыв», словно сам не верил в сказанное. – Расход энергии... – он запнулся, не решаясь говорить далее, но все же собрался с силами и закончил, – как мы и предполагали, огромный, превышает ожидаемый порог почти в два раза. Цикличность также гораздо длиннее, но единожды открытый канал на всей верхней амплитуде устойчив и предсказуем. Сбои имеются, но они просчитываемы и укладываются в допустимую погрешность.

– Ударная группа номер один прошла без потерь, – коротко дополнил начальник Военно-морского штаба. – Весь запланированный объем заданий первого этапа выполнен, комплексный радиоперехват подтверждает, что нас не ждали. К сожалению, полное инкогнито сохра-

⁸ Контрразведка.

нить не удалось, точка перехода оказалась в опасной близости от их морских трасс. Но это уже не имеет значения. Внезапность полностью достигнута, ненужные свидетели оперативно уничтожаются в установленном порядке.

– Перспективы? – негромко спросил Координатор.

– В точности согласно утвержденной директиве, – сказал третий, человек в черной форме Братьев По Оружью, без знаков различия и наград. Лишь Крест Чести и Верности на алой ленте переливался бриллиантовым блеском у высокого воротника мундира. – Нечистая раса, низшие народы. В соответствии с заветами Первого Вождя, внутренняя, природная отсталость и патология находят отражение и в отсталом техническом развитии. Им нечего противопоставить нам.

– А наши... – губы Координатора скривились в тонкой брезгливой усмешке, – ...друзья?

– Выполняют свои обязательства в полном объеме.

Ученый и Брат синхронно улыбнулись, шутка Вождя Нации и в самом деле была весьма оригинальной – предположить, что представитель низшей расы может стать «другом»...

Лишь Морской штабист сдержал гримасу недовольства. Неужели снова все достанется Объединенному Командованию Вооруженных Сил? Или, что еще хуже, Собратьям, нерасчетливым мясникам в черном? Черт возьми, как это несправедливо! Ведь именно Флот стал тем самым всепобеждающим инструментом, что увенчал победой многолетний и невероятно тяжелый очистительный поход Нации по земному шару. Именно Флот сокрушил заокеанских врагов, самых упорных, самых опасных из всех, что осмеливались бросить вызов Нации. И если пришло время новых свершений, именно Флот должен идти в авангарде нового Похода, разве не так? Определенную надежду внушал тот факт, что здесь, перед Координатором, сидит именно он, а не начальник ОКВС⁹. Но с тем же успехом глава Державы мог просто вести очередной раунд межведомственной борьбы, демонстративно приближая, а затем отталкивая фракции и группировки.

Координатор все так же смотрел вдаль, теперь уже на Арку Победителя, крупнейший в мире архитектурный ансамбль, последнее творение великого Губерта Цахеса. Еще в детстве, лишь мечтая о будущих свершениях, приличествующих юному воспитаннику «Замков чести и верности», он любил смотреть на Арку, особенно на скульптурную группу, венчающую монументальное сооружение. Разумеется, он отдавал должное исполинской силе и мощи Истинного Человека, но, в отличие от сверстников, более всего ему нравилась фигура антагониста. Цахес совершил невозможное, то, что было не под силу смертному: в пятидесятиметровой фигуре повергнутого на колени недочеловека он собрал воедино в законченной, гармоничной композиции все пороки низших рас. Косматые волосы, почти животная грива, падающие спутанными прядями у висков на кованый ошейник, скуластое лицо вырожденной формы с узкими косящими глазами, отчетливо выражающими дегенеративную пародию на разум. Слабые мускулы, впалая грудь и деформированный торс. Недочеловек был отвратителен, но в его убожестве и уродстве была своя красота, красота вырождения и безобразия, которая придавала истинную законченность, подлинное совершенство Человеку.

Да, каждому истинному нужен свой кривой образ, порочное зеркало, в котором будут наиболее полно отражены достоинства и свершения. Такие были у его предшественников, превозмогших все преграды. Такое будет и у него, занявшего почетное место в ряду Координаторов Нации.

– Я доволен, – сказал он наконец. – Я в высшей степени доволен!

Его собеседники замерли в ожидании.

И после долгой паузы Координатор произнес лишь одно короткое слово.

– Продолжайте.

⁹ Объединенное Командование Вооруженных Сил.

Глава 4

Семейный человек

Таланов не спал, за пару предрассветных часов он успел подремать и даже потихоньку умыться, но сейчас старательно делал вид, что покоемся крепким сном, завернувшись с головой в тонкий шерстяной плед. Он терпеливо ждал, вслушиваясь в шумы пробуждающегося дома.

– Папа...

Ну наконец-то. Это Дима. Судя по голосу, мальчик прокрался в гостиную и занял стратегически выгодную позицию за спинкой дивана, которая позволяла и будить отца, и избежать суровой подушечной кары.

– Папочка...

На этот раз детский голос послышался совсем близко. Виктор затаил дыхание.

– Папа! – Дима явно потерял терпение и подкрался ближе к изголовью.

Виктор чуть приоткрыл один глаз и сквозь ресницы увидел родную рожицу шестилетнего сына – сплошные веснушки, непослушные вихры и темные глаза, внимательно наблюдавшие за «спящим» отцом.

Еще немного, еще чуть-чуть...

Сброшенный плед взметнулся вверх ярким лоскутом, словно подхваченный порывом ветра. Приподнявшись на локте правой руки, Виктор быстрым движением выбросил вперед левую и, конечно же, промахнулся. Привычные рефлексy не подвели, ему стоило немалых усилий удержаться от того, чтобы не сомкнуть хватку на тонком мальчишечьем плече и позволить сыну выскользнуть из захвата.

– Поймаю, пополам переломаю! – трубно провозгласил он, бросаясь в погоню за ускользающей добычей. Добыча с радостным воплем пустилась вскачь вокруг дивана, но была поймана, крепко схвачена и торжественно пронесена на вытянутых руках по всей гостиной.

– Боевой гиросплан пошел на взлет! Экстренный набор высоты! – сообщил отец, подбросив хохочущего во весь голос сына к самому потолку и ловко поймав.

– Здравствуй, – сказала жена, она незаметно вошла в комнату и теперь с мягкой улыбкой наблюдала за родными людьми. С той самой тихой улыбкой, едва обозначенной краешками губ, что выдает очень счастливых и очень добрых людей. И, увидев эту улыбку, прижав к себе сына и чувствуя сквозь тонкую рубашку биение его сердца, Виктор окончательно почувствовал, что он вернулся домой.

Таланов-младший женился рано, вопреки воле семьи, рассчитывавшей породниться с какой-нибудь семьей «старой аристократии». Желательно из тех, что сумели перейти в стан новой финансовой олигархии после реформации Андрея Первого и упразднения сословий. Но Виктор имел совершенно иные планы на собственное будущее, и удовлетворение матримониальных комплексов старшего поколения в них никоим образом не входило. Предчувствуя грядущую бурю, он запланировал краткую, сугубо светскую церемонию без всяких венчаний и празднований, все очень скромно, строго и в окружении только самых близких друзей.

Венчание должно было пройти через неделю после окончания Московского Аэродесантного офицерского училища, в ожидании первичного назначения. Он выбрал момент и сообщил родителям радостную новость накануне свадьбы.

Отец понял, так до конца и не простил, но понял. Мать не поняла, не простила и оставшиеся ей годы жизни посвятила злословию и безуспешным попыткам разрушить брак.

Даже после ее смерти Марина, ожидавшая второго ребенка, категорически отказалась переселяться в дом, где ее так скверно приняли, и Виктор не нашелся, что ей возразить. Они жили в Подмоскoвье, снимая меблированную квартиру, пока однажды тихим летним вечером

к ним в дом не пришел Таланов-старший, один, без предупреждения. Он подарил трехлетней внучке леденец и попросил сына оставить его наедине с Мариной.

Виктор так и не узнал, о чем Савелий Сергеевич говорил с невесткой почти час. Но после разговора жена изменила отношение к свекру и со временем даже согласилась переехать в семейную резиденцию Талановых. Теперь двухэтажный дом красного кирпича стал оплотом сразу трех поколений семьи, возрастом от шести до шестидесяти.

– Я рада, что ты вернулся. – Марина всегда была немногословна, но в ее глазах Виктор читал гораздо больше, чем слышал в словах.

– А теперь – на посадку! – сообщил он Диме.

«Боевой гириплан» окончательно приземлился и сразу же начал рассказывать о том, что соседский кот залез на дерево и пришлось вызывать пожарных, в подаренной на прошлый день рождения машинке сломалась пружинка, и игрушка перестала ездить, что в новом выпуске «Механики для самых маленьких» есть чертежи парового двигателя из консервной банки для самодельных корабликов, и его можно сделать, а еще соседский Витя сказал, что подключаемый скаф гораздо лучше автономного, и пришлось с ним подраться, потому что...

– Рядовой Дмитрий! – сурово провозгласил Виктор.

Сын замолчал и подтянулся, поддерживая их старую игру.

– Что говорит Устав Семьи относительно ведения военных действий против сопредельных соседских государств? – грозно спросил Виктор особым командирским голосом.

– Допускается только по особо значимым поводам... – понуро протянул Дима, глядя в пол.

– Является ли вопрос скафандров таковым?

Самым трудным было не рассмеяться, сохраняя в голосе металл, а во взгляде орлиную строгость. Марине было проще, она стояла за спиной сына, и в ее зоре плясали веселые чертики.

– Да! – воскликнул Дима, даже притоптывая ногой для большей убедительности. При этом он был до смешного похож на маленького бодливого барашка из известной сказки. – Является! Потому что его папа сказал так, а ты говорил совсем по-другому. А мой папа самый паповый!

Виктор нахмурился, стараясь скрыть за этим жестом некоторую растерянность. В самом деле, что здесь можно ответить? И капитан предпочел отступление.

– К этому вопросу мы еще вернемся, – строго пообещал он и взерошил непослушные вихры сына, чтобы сгладить суровость тона.

– Идемте завтракать, – сказала Марина, – мальчишки... – И в одном этом слове была вся мудрость женщин всех времен, твердо знающих, что самый-пресамый суровый и могучий воин – в душе такой же мальчишка, как его шестилетний сын.

Таланов слегка удивился, обычно дочь всегда встречала отца вместе с братом, но гадать пришлось недолго. Мария корпела на кухне над праздничным завтраком. Ее Виктор обнимать не стал, памятуя, что его девочке уже девять, она вошла в возраст обостренного чувства «я» и болезненной самоуверенности. Ограничился приветствием, постаравшись вложить во взгляд всю отцовскую любовь, и с удовлетворением прочитал в ответном взгляде понимание и радость.

– Садись, папа, будем есть, – сказала Мария, стараясь держаться степенно, с достоинством хозяйки семейства и повелительницы завтраков.

Столовая издавна была главным местом в доме Талановых, командным пунктом, залом совещаний и игровой комнатой. Хотя это было очень серьезным нарушением традиций, архитектор спланировал первый этаж по новой в ту пору европейской моде – объединив обеденную залу и кухню. Получилось непривычно, необычно, нетрадиционно, но на удивление удачно и хорошо.

Именно в этой большой комнате с огромным окном во всю стену было как-то по-особому уютно и по-домашнему тепло. Здесь собирались за совместными обедами и проводили праздники, играли в настольную игру «Захват колоний» и читали по вечерам. Даже Таланов-старший, который предпочитал работать в своем большом кабинете, обставленном по последнему слову техники, включая частный изограф, вечером спускался в столовую. Там он зажигал маленький газовый камин, садился в любимое кресло-качалку, раскрывал «Вечерние ведомости» или «Бюллетень Мореводства» и пытался читать. Ему, конечно, не давали, требуя рассказать сказку, вспомнить какую-нибудь уж-ж-жасную морскую легенду или историю. Он возмущался и грозно требовал от младших Талановых порядка, призывая громы и молнии на головы неслухов и обормотов. Но Виктор хорошо знал, каким по-настоящему грозным мог быть отец, и понимал, что старик счастлив.

Жаль, что сегодня старшего нет с ними, но это поправимо. Всего несколько дней, и за столом соберется семья Талановых уже в полном составе, и это будет славно.

– Чем сегодня кормят голодных мужчин? – осведомился он.

– За стол. – Мария строго указала поварешкой, Виктор невероятным усилием подавил улыбку, настолько комично смотрелась его девочка в роли суровой домоправительницы.

Жена незаметно для дочери подмигнула Виктору, легким наклоном головы указывая на плиту и тумбу у плиты, заставленные кастрюлями, баночками со специями и прочей атрибутикой вкусной и здоровой пищи. И Марию, колдующую над этим невероятным кавардаком.

– Кто же это сегодня кухарничает? – показательно удивился Виктор.

– Я! Я! Я скажу! Я знаю! – Дима, конечно, был тут как тут, зная ответы на все вопросы, даже те, которые еще даже не пришли на ум этим тугодумным взрослым. – Машка вскочила ни свет ни заря, увидела, что ты вернулся, и сразу как начала рецепты искать и готовить...

Разъяренная Мария развернулась, подобно фурии, все с той же поварешкой наперевес, и быть бы беде, если бы мать семейства не вступила в свои права.

– Маша, тише. – С этими словами Марина опустила руку на плечо дочери, умиряя порыв негодования. – А вы, молодой человек, ищите неприятностей, – негромко, но очень внушительно сказала она сыну.

Восстановив несколькими словами мир и любовь в кругу семьи, Марина рассадилла мужчин по разные стороны стола и, накинув поварской фартук, сделанный ею собственноручно из старой скатерти, помогла Марии накрыть завтрак.

Стол был хороший, знатный, Савелий Сергеевич сделал его собственноручно, когда женился и построил дом. Брак оказался неудачным, а вот стол верой и правдой служил уже много-много лет.

Виктор ощутил укол совести. Время идет, дети растут, а он видит их так редко, слишком редко... Ему повезло с семьей, особенно в наш прогрессивный век, когда рушатся старые традиции и распадается каждый десятый брак. Далеко не каждая современная девушка согласится терпеливо ждать мужа, который бывает дома от силы пять-шесть месяцев в году, а все остальное время – непонятно где, отговариваясь служебным долгом. Но изображать гарнизонную крысу у него не очень получалось. И однажды, когда Марина заметила тонкую нить шрама на пояснице, она перестала задавать вопросы о работе.

Впрочем, и он заслужил семейное счастье, когда десять лет назад не позволил родным отговорить его от женитьбы. Когда осмелился пойти против отцовской воли, и даже обещание лишить наследства не остановило его решимости связать жизнь с этой женщиной.

– Готово! – в один голос провозгласили женщины, старшая и младшая.

Виктор любовался женой и дочкой, такими красивыми и такими похожими, даже именами. Хотя Марии было всего девять, в ней уже проглядывало то, что Таланов-старший снобистски называл «породой», а родня по линии жены – результатом хорошего воспитания.

Мария, надев ватные варежки-прихватки, с некоторым усилием водрузила на стол огромную супницу нижегородского фарфора, расписанную красными петухами и почему-то синими лягушками. К традициям в доме Талановых относились весьма вольно, подавая в страшной трехцветной посудине все что угодно, от любимого дедова борща до сладких пирожков с ревенем, что готовила изредка навещавшая теща.

Всем видом Виктор изобразил немой вопрос, притворяться не пришлось, потому что пахло и в самом деле невероятно вкусно.

– Расстегай, – сказала Марина, открывая крышку. Густой мясной аромат, как разъяренный пират, вырвался на свободу и распространился по столовой, вызывая скрежет зубовный.

– Я дома, – снова повторил про себя Виктор. – Как же хорошо быть дома...

* * *

– Итак, господа, не будем тратить наше ценное время...

С этими словами Константин Второй посмотрел на массивные наручные часы, словно желая подчеркнуть важность своего времени и недопустимость его нецелевого использования. Четверо мужчин, сидевших за круглым столом в личном совещательном кабинете императорской резиденции, невольно проследили за его взглядом.

Часы и в самом деле были необычны и знамениты, пожалуй, так же знамениты, как Шестерня и Колос¹⁰, – настоящие «Budimoff» первой серии. Молва гласила, что Андрей Первый, прозванный Жестоким за суровые крестьянские реформы и расправы с нигилистами, заказал их через два года после Большой Смуты и аристократического мятежа. К чести Будимова, тот выполнил заказ, изготовив изящные, классической формы часы в серебряном корпусе с гравировкой.

Естественно, Будимов не был бы самим собой, если бы не вложил в свое изделие долю едкой насмешки. При определенном угле зрения в сплетении узора на крышке часов можно было прочесть одно слово – «разрушителю». Ведь князь был одним из вождей консервативного мятежа и в свое время чудом избежал казни, бежав в Европу. Там Будимов и организовал часовую мануфактуру.

Также Андрей не был бы самим собой, отказавшись от вызова, пусть даже в такой форме. Часы были с ним до самой смерти, и, умирая от раны, на смертном одре император передал их по наследству. Так начался долгий путь служения «Будимова» императорскому Дому. В начале нового, двадцатого века часы вставили в кожаный ложемент на ремешке, и из карманных они стали наручными. Это было единственное украшение, которое традиционно позволяли себе монархи Российского Правящего Дома.

Император слегка шевельнул кистью, поправляя чуть сбившийся рукав рубашки, зацепившийся краем запонки за колесико «Будимова». Как обычно, он был в темно-синем костюме в полоску, без всяких наград и знаков.

Константин сложил пальцы домиком и поощрительно посмотрел на четверых сегодняшних гостей.

Начальник Главного управления Генерального штаба Империи¹¹ Устин Корчевский, лысый, подтянутый, в старомодном пенсне, неуместном в век отмирающих очков и доступной склеропластики. Глава Особого Департамента при канцелярии Его Императорского Вели-

¹⁰ Имперские регалии, сменившие скипетр и державу в ходе реформ Андрея Жестоким. Шестерня из легированной стали марки «СБ экстра» – первая выпущенная на заводе Казенного Металлургического Объединения, а также первое изделие, полностью отвечающее требованиям «государственного стандарта металлопромышленности». Золотой колос отлит в 1879 году в память рекордного урожая, спасшего страну от голода на пике Семилетнего Промышленного Плана.

¹¹ Начальник ГУГШ в числе прочего традиционно является «шефом» военной разведки.

чества Лимасов. Начальник Особого делопроизводства при Генеральном Штабе Большев. Министр обороны Агашев.

Корчевский поправил спадающее с тонкой переносицы пенсне, пригладил гладкую лысину с отдельными редкими пучками старческого пуха, хрустнул артритными пальцами. Константин терпеливо ждал – старый штабист всегда предварял любое сообщение некими ритуальными жестами, как бы готовясь к важной речи.

– Вести весьма тревожны... – В противовес внешности старого и уставшего от жизни человека, голос Устина Тихоновича был могуч и басист. – Перечислю кратко в порядке очередности то, что касается моего ведомства. Во-первых, со вчерашнего дня, точнее с пятнадцати часов пополудни, прервана всякая связь с Исландией. Не работают проводные системы, радиопрослушивание дает «белый шум» во всем диапазоне. Это весьма похоже на крайне мощные помехи, но мы затрудняемся определить, какой аппаратурой и какой мощностью нужно обладать, чтобы так забить эфир. Строго говоря, насколько нам известно, такой аппаратуры в природе вообще не существует.

– Природный катаклизм? – деловито спросил император.

– Невозможно, – отозвался разведчик, – различные стихийные возмущения могут влиять на радиосвязь, но никакой природный эффект не может так качественно ее прервать. Чудо сие есть, однако оно должно иметь природу сугубо человеческую и техничную.

– Ясно. Что во-вторых? – Кратким вопросом Константин вернул разговор в прежнее русло.

– Во-вторых, – Корчевский вновь поправил стеклышки на носу, – в северной части Атлантики, у южной оконечности хребта Рейкъянес исчезли «Гинденбург» и крейсер Конфедерации «Аннаполис». Корабль совершал переход во французский Брест, официально для монтажа новых элементов бронепалубы по договору с Гогенцоллернами. Неофициально крейсер вез золотые слитки североамериканского стандарта на сумму около тридцати миллионов долларов. Авансовый платеж на поставки французской аппаратуры ДРЛО для дирижаблей серии «Купер».

– Наличие?.. – слегка удивился император.

– Это закрытая сделка, в обход пятой поправки к Доктрине Майкрофта. Поставки высокотехнологического оружия, а равно приравненных к таковому материалов и инструментов, – пояснил Большев. – Балансирует на грани законного, поэтому американский минобр старается обойтись без лишних свидетельств.

– Крейсер шел без сопровождения, – продолжил Корчевский. – Но маршрут и график были составлены так, что по ходу постоянно появлялись патрульные дирижабли, попарно обеспечивающие воздушное охранение. Последняя пара также исчезла вместе с кораблем. Никаких призывов о помощи, сигналов бедствия эт цетера. Американцы спешно стягивают в указанную точку свободные корабли, но стараются действовать тихо и незаметно. Понятная предосторожность...

Корчевский умолк, переводя дух, с видом крайней задумчивости снова пригладил отсутствующие волосы и продолжил.

– Это все были сплошные исчезновения, явления суть иллюзорные и эфемерные. Теперь перейдем к событиям материальным и, так сказать, осязаемым. В-третьих, очень резко, очень необычно начали действовать наши английские «коллеги». И... э-э-э... я испытываю некоторое затруднение, описывая их действия.

– Ближе к делу, – подтолкнул Константин.

– Видите ли, как бы ни загадочно и невероятно это звучало, но... британцы бросают свои базы в Средиземном море, в Индийском океане и на Южнокитайском направлении. Мы получаем массовые сообщения о выходе со стоянок боевых кораблей всех типов и их передвижении

в западном направлении. Также сворачиваются воздушные патрули, дирижабли подивизионно перемещаются вдоль границ. Насколько мы можем судить, они все идут, так сказать, домой.

– Домой? – не понял Константин.

– Домой, – повторил разведчик. – Движение в самом разгаре, и все суда, водные и воздушные, поодиночке и группами движутся в одном направлении – к Острову. Как это понимать... – Корчевский чуть развел руками в жесте недоумения, – ...мы не знаем. Аналитический аппарат Генерального штаба перебрал все возможные варианты, включая внезапное нападение без объявления войны, но ни один не объясняет происходящее. Единственное возможное объяснение – Британия готовится отразить массированное нападение на Метрополию. Но поскольку никто не собирается на нее нападать, постольку их действия необъяснимы.

– Может быть, англичане знают больше, чем вы, господа разведчики? – спросил Константин.

– Ни одна значимая и масштабная военная операция не может быть подготовлена незаметно и тайно, Ваше Величество, следы остаются всегда, – степенно, с чувством собственного достоинства ответил Корчевский. – Тем более операция такого размаха, для отражения которой понадобилось собирать весь британский военно-морской и воздушный флот. Мы бы знали.

– Ясно. Кто скажет следующий?

Большев кашлянул, показывая, что готов. Константин утвердительно кивнул, и начальник разведывательного департамента заговорил.

– В дополнение к сказанному добавлю, что вчера ровно в пять часов вечера по Гринвичу англичане начали масштабное изъятие ценностей и депозитов по всему миру. По всей банковской сети России, Конфедерации и Объединенной Европы. При этом они забирают только драгоценные металлы и камни, никакой валюты, никаких переводов.

– Что преимущественно, частные вклады, государственные и корпоративные размещения? – спросил император, хмурясь все больше и больше. Военные могут сколько угодно греметь своими игрушками, но если речь заходит о финансовых операциях такого масштаба – дело и в самом деле крайне серьезно.

Большев на мгновение замялся и продолжил с явным усилием:

– Мы подняли доступную статистику и выяснили, что в последний год объемы частных вкладов и хранений британских граждан постепенно переводились в британские банки и хранилища. Разница составила более семидесяти процентов. Понятно, что далеко не каждый может позволить себе слиток золота или банковский счет «под металл», поэтому мы можем говорить о запланированном финансовом бегстве истеблишмента Англии.

– И вы проморгали это... бегство, – жестко закончил Константин.

– В общем, да. – Большев смотрел в сторону, словно ему было стыдно выдержать тяжелый взгляд императора.

Самодержец встал и прошелся вокруг стола, затем подошел к окну и минуту-другую просто стоял, скрестив руки на груди, до крайности похожий на свои парадные изображения – уже немолодой, но крепкий кряжистый мужчина лет пятидесяти, гладко выбритый, с мощной гривой пепельных волос, тронутых инеем седины.

– И что же все это значит? – С этими словами он вернулся к столу и оперся на него костяшками пальцев. Из глубин полированной поверхности на императора глянуло его собственное отражение – бледное лицо, резко и четко прорезанное морщинами, внимательные черные глаза. – Я жду от вас квалифицированного мнения.

Он повернул голову к военному министру, одновременно приподнимая правую бровь в вопросительном жесте.

– Ваше Величество... – Агашев выдержал его взгляд. – Мы не знаем. Действия британцев могут иметь только одно непротиворечивое и разумное объяснение – они готовятся отразить атаку на остров всеми имеющимися средствами. А банковские операции показывают, что

в дополнение к военным действиям они готовы и к серьезным потрясениям мировой финансовой системы. Но в мире нет противника, который готовился бы к войне против «львиной короны». Просто нет.

Министр откашлялся, оттянул тесный воротник мундира, словно тот мешал ему дышать.

– С вашего одобрения, мы намерены начать соответствующие... мероприятия. На тот случай, если действительно имеет место быть... – Он окончательно сбился, пожевал губами и закончил резко, как отрубив: – На всякий случай, потому что это явная чертовщина.

– Чертовщина... – протянул Константин.

Он снова занял свое место и словно только сейчас вспомнил о существовании Лимасова.

– Гордей Витальевич, как это может быть связано с «Исследованием»? – прямо спросил император.

– Напрямую, – так же прямо ответил Лимасов.

Взоры всех присутствующих сошлись на бодром и подтянутом главе Особого Департамента, словно и не он сорвался несколько часов назад из отпуска, последовательно сменив паромобиль, скоростной гироплан и снова паромобиль.

Лимасов был самым молодым из присутствующих, он занял свое место не карабкаясь год за годом по всем ступеням служебной лестницы, как остальные. И в дополнение ко всему не обладал длинной родословной, которая, несмотря на Акт об упразднении сословий, все еще считалась неременным условием занятия значимой государственной должности. «Зубры» старой закалки его не любили, считая выскочкой и парвеню, но не могли не отдавать должное профессионализму и цепкости ума.

– Очень мало информации, – четко произнес Лимасов. – Очень быстро развиваются события. Но я смог оперативно навести справки относительно гравиметрических наблюдений по методу Сингаевского-Гроффа. Мои люди напрямую получили данные со станций в Петропавловске-Камчатском, Мурманске и на Таймыре. Кроме того, удалось связаться с аналогичными американскими станциями в Худвилле, на острове Банкс и Ньюфаундленде. От европейских ученых пока ничего получить не удалось, но имеющихся данных достаточно, чтобы сказать – полностью повторяется картина трехлетней давности. Вчера в девять часов утра по Гринвичу аппаратура сошла с ума, показывая хаотические скачки всех физических величин в точке с приблизительными координатами... – Лимасов глянул в потолок, словно надеялся прочесть числа на нем, – примерно шестьдесят градусов северной широты и тридцать градусов западной долготы. То есть примерно в том же районе, где исчез «Аннаполис».

– Это все? – отрывисто спросил Константин.

– На данный момент – да.

Император думал не дольше четверти минуты.

– Василий Павлович, – обратился он к военному министру, – ваши намерения одобряю. Планируйте ваши мероприятия относительно готовности к... чертовщине. Планируйте и будьте готовы к использованию военной силы в любое время и в любом месте. Завтра в восемь часов утра собрание Государственного Совета. В полном составе.

Константин обвел тяжелым взглядом всех присутствующих.

– Ищите, узнавайте, планируйте. До завтрашнего полудня у нас должна быть внятная картина происходящего и конкретный вменяемый план действий. Встреча окончена.

Глава 5

Das Luftwaffenkommando «0»

6 августа, день третий

Ночь понемногу уступала свои права, небо над Хабнарфьордуром посерело. Яркие, очень крупные на этих широтах звезды поблекли.

Близилось утро.

Стационарные прожекторы и временные светильники, запитанные от переносных генераторов, делили все пространство «объекта ААА» на четкие, изломанные линии в двух цветах – угольно-черном и пронзительно-белом. Слаженная деятельность аэродромной команды достигла апогея – график операции неумолимо отмерял часы и минуты, не допуская даже мысли о возможности сбоя.

Chef der Luftflotte, ранее командующий третьим воздушным флотом, ныне – специальной тяжелой авиадивизией, неспешно вышагивал вдоль взлетно-посадочной полосы, проверяя ход работ самолично. Увиденное радовало, несмотря на крайнюю сложность задачи и жесткий цейтнот, Das Luftwaffenkommando «0» в целом укладывалась в расписание.

Chef неосознанно поежился, вспоминая последние трое суток. Он видел многое, участвовал практически во всех значимых кампаниях минувшей четверти века. Юношей, только-только оперившимся выпускником waffenschule он вылетал на газовые зачистки партизан в бывшей России. Когда он повзрослел, а держава урегулировала свои дела на востоке, очищал застоявшуюся Европу от глубоко укоренившейся расовой гнили. Командиром авиадивизии громил в Атлантике флоты заокеанских врагов. В неполные пятьдесят, командуя всей тяжелой авиацией Державы, он видел капитуляцию Штатов, закат вековой истории мировой плутократии и твердо уверился, что это наивысший момент его жизни и карьеры. На планете больше не было врагов, достойных его bombenschlepper'ов, разве что таковые спустятся с Великого Ледяного Пояса, который ранее, во времена господства плутократов от науки, ошибочно называли Млечным Путем.

Как же он ошибался!

Даже сейчас, спустя почти пять лет, Chef до мельчайших подробностей помнил тот день, точнее тот душный летний вечер, когда он был вызван на приватную беседу с Координатором. Когда этот великий человек, опора нации, верховный арбитр, счел его, хоть и заслуженного, но всего лишь авиационного генерала достойным тайного знания. Но, несмотря на великую честь и доверие, генерал не любил вспоминать о тех событиях, потому что к гордости примешивалась изрядная доля горечи и стыда.

Окрыленный своими знаниями и опытом, польщенный и воодушевленный доверием, он разработал план, посильный только его «тяжеловозам», предусматривающий предельно интенсивное использование времени и ресурса. Согласно его расчетам, «дивизия ноль» поднималась со стационарных аэродромов в Ирландии и, дозаправившись в воздухе непосредственно перед точкой перехода дифазера, сразу же отправлялась по заданным маршрутам, нанося запланированные удары без потерь времени. Лишь после этого самолеты брали курс на Исландию и новую базу, заранее подготовленную «друзьями». Таким образом, дивизия выигрывала самое меньшее – целые сутки активных действий. В условиях жесточайших массогабаритных ограничений, висевших дамокловым мечом над всей операцией, в условиях огромной роли и ответственности, возложенных на авиацию, лишние часы и дополнительный налет тяжелых бомбардировщиков не имели цены. Это было по силам ему, его штабу, его самолетам и летчикам – лучшим из лучших.

Но именно Координатор, всесторонне оценив предложение и расчеты, своей личной волей приказал изменить план операции и сосредоточиться на перелете к Хабнарфьордуру. Слова лидера нации были однозначны и не допускали двойного толкования – никаких воздушных операций «с колес». Флот, десантный корпус и армия могут и должны будут действовать на пределе и за пределами человеческих сил и возможного. Но военно-воздушные силы рисковать не будут.

Все остальные потери можно перетерпеть или оперативно восполнить переброской подкреплений или же эксплуатацией местных ресурсов. Потери авиации – и новейших легких сверхзвуковых машин, и консервативных, надежных турбовинтовых бомбовозов «десятитонников» – на первом этапе операции будут невозможными.

Тогда его вера, искренняя и чистая, дала трещину. Генерал впервые усомнился в Координаторе и подумал – а так ли велик этот человек? Действительно ли его ум столь изощрен, чтобы вести Nation вперед? Это сомнение Chef задушил, задавил волевым усилием, но оно не исчезло, затаившись в дальнем уголке сознания. Чем дальше Военно-Воздушный Штаб считал, тем тяжелее становилось генералу превозмогать точившего его душу червя сомнения.

Так было до вчерашнего утра.

До перехода.

Пятьдесят пять машин особой тяжелой авиадивизии прошли через переход. Как и положено настоящему командиру, он находился на борту флагмана. И ничего страшнее ему еще не доводилось испытывать.

На сверхмалой высоте эскадрильи перестраивались в растянутую колонну, выдерживая максимальный интервал между машинами. Мерк солнечный свет, хотя на небе не было ни облачка. Мерк ровно, словно там, в небесах, кто-то быстро, но равномерно выкручивал солнечный реостат. На несколько томительных минут воцарилась тьма, отгоняемая лишь габаритными сигналами на корпусах и внутренним освещением. По матовому металлу крыльев заплясали потусторонние огоньки святого Эльма.

А затем во тьме возник новый свет, призрачное сиреневое свечение заполнило кабины «Гортенов». Словно некое туманное существо плотными узкими щупальцами ощупывало самолеты, проникало внутрь.

Приборы отказывали один за другим, альтиметры показывали то космические высоты, то нулевой уровень. Остановились бортовые хронометры, а наручные часы дружно отсчитывали время в обратном направлении. Лишь индикаторы расхода топлива по-прежнему отмеряли литры и тонны.

Исчезло все, мир прекратил существование, остался лишь страшный туманный свет, самолет и его экипаж наедине с ужасом вне времени.

В каждом самолете был дополнительный член экипажа – «собрат» высшей пробы, опытный, испытанный. Прощедший все мыслимые проверки на родословную, психическую устойчивость, чистоту крови и преданность делу. «Последний рубеж безопасности», как их называли в штабах. Его задачей было контролировать поведение пилотов и при необходимости пресечь их неадекватные действия. На самолете генерала его «услуги» не понадобились. На семи, увы,годились. На семи из тех, что благополучно миновали точку перехода, потому что из пятидесяти пяти бомбардировщиков два потеряли ориентацию и столкнулись уже на границе перехода, когда солнце нового мира пронзило первыми робкими лучиками вселенский мрак. И еще четыре исчезли бесследно, не оставив ни малейшего следа.

Судя по расходу топлива и контрольным фитильным лампам, переход занял не более получаса, но субъективно всем казалось, что они провели в железных коробках своих машин бесчисленные дни. Люди были безмерно утомлены и надломлены, если бы не заботливо подготовленные «друзьями» маяки и дирижабли-проводники, дивизия не досчиталась бы еще многих. Только искусство и опыт испытанных мастеров не дополнили печальный мартиролог смертями

на посадке. Дивизия успешно провела перебазирование, потери оказались в пределах допустимого, но соединение было небоеспособно.

Тогда то Chef вспомнил свои сомнения и пережил истинный катарсис стыда. Он представлял, что могло бы произойти, если бы гений лидера Нации не позволил ему отринуть расчеты опытных и самоуверенных авиаторов. Если бы Координатор не приказал заканчивать с экспериментами и действовать с запасом времени.

Что произошло бы с его дивизией, если бы измученные пилоты немедленно повели свои машины на выполнение многочасовых боевых миссий. Скольких самолетов и искусных экипажей не досчитались бы военно-воздушные силы? Сколько задач было бы сорвано, сколько кораблей и соединений было бы потеряно из-за провала воздушного наступления?

Переход состоялся вчера, пятого августа, на второй день операции. Генерал был в мельчайших подробностях ознакомлен с новым аэродромом, он досконально изучил его рисунки, чертежи, фотографии, на закрытом полигоне близ Эсгарта был даже выстроен подробный макет всего комплекса. И все же, увидев воочию объект «ААА», он был поражен, хотя и сумел скрыть это недостойное чувство.

Не пристало выражать одобрение, тем более восхищение, действиям тех, кто стоит ниже по лестнице принадлежности к роду человеческому. Но самому себе, увидев воочию свой новый аэродром, он мог признать – «друзья» провели титаническую работу.

Почти сто квадратных километров были плотно застроены современной инфраструктурой, способной обеспечить полноценное обслуживание целого флота местных дирижаблей и аэрокранов. Или при минимальных переделках – полноценной дивизии тяжелых бомбардировщиков, приравненной по уровню задач и штабной структуре к воздушному флоту.

Десантники и местные помощники уже очистили объект от нежелательных и бесполезных аборигенов. Местные были подавлены, ошеломлены и не оказали даже символического сопротивления. Десантники утилизировали негодный материал, оставив только персонал, необходимый для поддержания работы в новом авральном режиме. Ну и, конечно, заложников, которых согнали в отдельный специальный ангар – очень затратная мера в условиях дефицита необходимых сооружений, но все же необходимая для достижения полной лояльности местного персонала.

Генерал слегка поморщился. Словно иллюстрируя его мысли, на пути встретилось высохшее кровавое пятно. В свете прожекторов оно казалось почти черным на белом бетоне – несколько смазанных полос, словно кто-то щедро размазывал краску большой кистью. Или пытался уползти с полосы, выбраться на траву, истекая кровью. Генерал покачал головой в молчаливом осуждении. Разводить беспорядок не стоило, в конце концов, для такого рода работы есть машины Гезенка. Но звать ответственного и устраивать взбучку не стал – сегодня следовало с пониманием отнестись к людям, которые полностью отдавали себя невероятному напряжению и высочайшей ответственности.

Сдали у кого-то нервы. Бывает.

Выстроенный «друзьями» за несколько лет крупнейший авиапорт Исландии, по сообщениям разведки, вызвал у местных немало вопросов, на которые, разумеется, не нашлось вразумительных ответов. Тогда он считался грандиозной коммерческой ошибкой, нездоровым экспериментом с архитектурными формами, бросанием денег на ветер. Теперь, расчищенный от чужой техники, он кипел деятельностью, энергией и резкими командами.

Генерал обошел бригаду инженеров, с помощью бронебульдозера сворачивающих причальную вышку. Ажурное сооружение на трех «ногах»-фермах откатали по рельсовым направляющим подальше от гигантского эллинга, в дальний угол причального прогона. Эллинг должен был стать приютом для последнего «Гортена», а бетонированный прогон – взлетно-посадочной полосой. Но вышка упорно не поддавалась, а взяться за нее как следует не позволяло строжайшее требование сохранить ВПП в полной неприкосновенности.

Командир оценил на глаз перспективы инженеров и вновь кивнул, на этот раз одобрительно. Он продолжил свой путь, и через минуту, не более, грохот падения, дрожь земли и радостные возгласы возвестили об удачном завершении эпопеи. Последняя из пятнадцати полос была расчищена.

При подготовке операции и на подлете к конечному пункту более всего его волновал вопрос с посадкой. Разведка гарантировала, что как минимум пять полос будут свободны, причальные мачты дирижаблей уберут для «профилактических ремонтных работ». Десантный корпус в свою очередь обещал, что в случае непредвиденных осложнений саперы просто аккуратно, с минимальными повреждениями, взорвут все лишнее.

Разведка сработала четко и правильно, помощь саперов не понадобилась. Самолеты садились один за другим по отработанной месяцами тренировок схеме и последовательности, с интервалом в считанные минуты. Тягачи под управлением специально обученных команд, переделанные из местных паровых буксировщиков, немедленно растаскивали бомбардировщики по заранее обозначенным площадкам.

Формально сейчас, ранним утром третьего дня операции, дивизия уже могла приступить к выполнению боевых задач. Однако план жестко регламентировал последовательность действий – третий день должен был быть отдан профилактике техники, распределению боезапаса и ГСМ и окончательному доведению до штатного режима всего авиакомплекса Хабнарфьордура. Больше всего проблем обещала электротехника.

Казалось бы, при подготовке операции были учтены все мыслимые нюансы, но уже в Исландии, при синхронизации нового оборудования с местной инфраструктурой, десантники обнаружили, что электрика авиапорта запитана по толстому коаксиальному кабелю, зачем-то заземленному, с которого не удавалось нормально заряжать аккумуляторы самолётов. На кабеле не получилось даже измерить напряжение, по несколько раз в секунду прыгающее от нуля до каких-то совершенно невозможных значений. Срочно привлеченные аборигены говорили что-то про «однопроводную импульсную статику» и «электростатический кабель с местной атмосферной электростанции», а при виде аппаратуры под нормальный двухпроводной постоянный ток впали в ступор.

Помимо проблем с электропитанием следовало разобраться со снабжением, проконтролировать перекачку в подземные суперцистерны драгоценного авиабензина со швартующихся в порту танкеров. Слава Мировому Огню и десанникам, которые сохранили в полной целости и работоспособности топливный терминал, а также систему топливопроводов между портом и аэродромом. Еще нужно было решить вопрос с боеприпасами, частично доставленными по воздуху, но главным образом складированными на транспортах, которые также еще только предстояло разгрузить. И еще множество разных задач и заданий, больших и малых, но всех – строго необходимых для того, чтобы «объект ААА» в кратчайшие сроки обрел полную готовность.

Полчаса, что он отвел себе на обход главного узла посадки-развоза, истекали. Небо еще больше посерело, контраст между ночной тьмой и искусственным светом смягчился.

Генерал остановился, вдохнул полной грудью воздух. Ноздри защекотала острая, терпкая смесь запахов металла, масла, бензина и перегретого пара местной техники. Запах работы. Запах войны.

Он не спал уже двое суток и смертельно устал, а впереди были еще как минимум сутки изматывающей работы в том же безумном ритме. Он сможет позволить себе небольшой отдых только после того, как последний «Гортен» оттолкнется от ВПП счетверенными шасси и ляжет на боевой курс в первом многочасовом боевом вылете этой кампании.

Но это была всего лишь усталость тела, полностью подвластного его разуму. Генерал был счастлив. После падения последнего заокеанского врага его жизнь стала предсказуемой, стабильной, расписанной на годы вперед... и бессмысленной.

Сейчас он снова жил, он творил историю и определял судьбы миллионов. Он пил жизнь полной чашей, наслаждаясь каждой минутой, каждым поступком, и перед этим полным, всеобъемлющим счастьем телесная усталость была ничем, бесплотным прахом.

Ему хотелось разделить эту радость, это счастье со всем миром, со всей вселенной! Как тридцать лет назад, во время «окуривания» Москвы, когда они, молодые, полные сил и надежд, возвращались с вылетов и веселились, радовались, перебрасывались шутками прямо на грунтовых полосах у еще не остывших поршневых «Лоттеров».

Но это было тридцать лет назад.

Теперь же генерал лишь улыбнулся миру сдержанной улыбкой, едва затронувшей уголки губ.

Завтра, подумал он, завтра...

* * *

Солнечный луч ловко проник в окно, прокраившись в щель между шторами, скакнул на спинку кровати и тонкой спицей уколол спящую. Тихое пощелкивание таймера электрочасов громко отозвалось в тишине квартиры. Повинуясь сигналу, включилась электрокофеварка на кухне, забулькала нагреваемая вода.

Семь часов утра, время вставать.

Ютта Карлссон затуманенным сном взором бездумно смотрела в потолок, задрапированный паутиной тканью, балансируя на грани между подъемом и сонным забытием. Еще со времен школьного детства она была твердо уверена, что вся мировая история – это эпическая битва «жаворонков» с «совами». С однозначным результатом.

Надо было вставать.

Вставать категорически не хотелось. Работа, важные мероприятия сегодняшнего дня, все это казалось совершенной мелочью в сравнении с еще часом, может быть даже двумя, утреннего – самого сладкого – сна.

Однако Ютта вечерняя, собранная, деловая женщина двадцати пяти лет, прекрасно знала, что Ютта утренняя будет совершенно иным человеком, поэтому подготовилась заранее. В пять минут восьмого свирепо залаял армейский казарменный будильник, предусмотрительно поставленный в ванной. Он также был подключен к сети и мог гавкать часами напролет. Игнорировать эту сатанинскую машину было уже невозможно.

Встаем.

Быть деловой женщиной нелегко в век господства мужчин. Быть одинокой деловой женщиной-юристом и переводчиком, выходцем из Скандинавского Содружества, в Барнумбурге – нелегко вдвойне. Но Ютта справлялась, и справлялась неплохо. Впрочем, настоящее испытание ее деловых качеств было еще впереди.

Личным примером Ютта опровергла расхожее среди мужчин мнение, что утренний туалет женщин по времени стремится к бесконечности, и без четверти восемь села на своей маленькой кухоньке, пить кофе.

Она любила зеркала, во-первых, потому что эти чудесные изобретения зрительно увеличивали объем ее жилища, маленькой однокомнатной меблированной квартиры в доходном квартале северного округа. Во-вторых, она не без оснований считала себя красивой женщиной и просто любила смотреться в зеркало. И сейчас, отпивая мелкими глотками ароматный напиток из «наперсточника», Ютта придиричиво вглядывалась в свое отражение, отвечавшее ей взаимностью из прямоугольной дубовой рамки. Отражение безмолвно подтвердило, что она молода, красива, рыжеволоса и, несомненно, очарует этого Айвена Тайрента, чтоб его Фенрир съел.

Еще один глоток, и кофе, прекрасный и чудовищно дорогой, с африканских плантаций Шустова, закончился. Ютта с сожалением отставила чашку. В ее доме было не так много красивых вещей – доход был неплох, но и жизнь в вольном городе печатников и финансистов стоила дорого. Кофейный набор из лакированных раковин очень редких глубоководных моллюсков стоил почти триста европейских марок и был самым ценным предметом в ее жизни. Она доставала его тончайшие, невесомые чашечки редко, только в особенные дни, когда необходимо было проникнуться достоинством и толикой осязаемого снобизма.

Потому что сегодня она будет представлять права самого Айвена Тайрента.

На самом деле он не был ни Айвеном, ни Тайрентом. Звали этого человека Иваном Терентьевым, но такая сложная комбинация звуков оказалась труднопроизносимой для нерусскоговорящего. Иван не возражал, за время партнерства с «Гуттенберг и юридическое сопровождение» он вообще зарекомендовал себя как натура весьма эксцентричная, безразличная ко множеству условностей, но весьма нетерпимая к, казалось бы, суетным мелочам.

Месяц назад умер старый опытный юрист, бессленно ведущий все литературные дела Айвена-Ивана. Увы, сердце.

Руководство «Гуттенберга» после долгих дебатов и совещаний выбрало новую смену, по общему мнению – идеальную кандидатуру, готовую достойно представить одного из известнейших фантастов мира. Айвен отверг его с ходу, даже не дослушав резюме, ограничившись кратким «он мне не нравится». И в ответ на немой вопрос ведущих партнеров «Гуттенберга» указал в сторону приемной, где томилась недавно принятая на работу девушка-ассоциат¹² с толстой стопкой документов, требующих подписи и визирования.

Желание клиента – закон, и сегодня Ютте предстояло сопровождать Айвена на переговоры в «Фалькенштейн и полиграфические услуги».

Восемь часов. Как опытный бухгалтер, она перебрала в уме основные пункты предстоящего дня. Полчаса на сборы, выбор достойного гардероба, макияж. Полчаса на такси, с запасом времени, до отеля. В половине десятого сама встреча.

Придирчиво выбирая украшения, она задумалась – а что же оденет Айвен? Вопрос был интересный. Около двух десятилетий назад начался закат эпохи мундиров и строжайшего этикета одежды, который в Центральной Европе называли «Le code vestimentaire». Наследие Мировой войны и всеобщего милитаризма конца минувшего века не сдавалось без боя, но новое неумолимо теснило старое. Считалось, что авангардная мода расходится по всему миру из Европы, рождаясь в соперничестве Парижа и Берлина. Но в начале пятидесятых свою могучую ноту в симфонию модельного бизнеса вплела Североамериканская Конфедерация. И вот уже не первый год на улицах мировых столиц строгая мужественность заокеанского стиля не на жизнь, а на смерть боролась с легкомысленной феерией беззаботной «европейскости».

Айвен был из России, это все-таки континент, следовательно, от него можно было ожидать пиджака «колокола» в мелкую клетку и галстука в форме очень широкого ромба. Ну и, конечно, рубашка прозрачного шелка, почти полностью закрытая галстуком. С другой стороны, может быть, в душе он ближе к американцам с их деловой назойливостью и расчетом? Тогда следует ожидать классических форм, серых и коричневых оттенков, узкого черного галстука и плотную белую рубашку.

Проблема была в том, что от этого напрямую зависел и ее выбор. Спутница должна соответствовать спутнику, даже если их отношения никогда не выйдут за рамки строго деловых. Нет ничего смешнее и несуразнее делового человека и его правоведа-консультанта, одетых не в унисон.

Наконец после долгих колебаний и придирчивого подхода она выбрала комбинацию, которая гармонировала бы с любым образом Айвена, даже одень он русскую косоворотку или

¹² От «associate» (англ.) – юрист (не партнер) в юридической фирме.

как там называется их одеяние. Жаль, от украшений пришлось отказаться вовсе. Искушение сделать свой образ совершенным и законченным, прибавив нить настоящего жемчуга, было очень велико, но Ютта сурово превозмогла его.

Строгость и сдержанность во всем, черное платье с чуть зауженной фигурой, рукавами и высоким воротником под горло. Нельзя прослыть легкомысленной даже в малости, потому что то, что легко сойдет с рук мужчине – никогда не спустят женщине. В конце концов, право голосования женщинам в Священном Пангерманском Союзе было дано только двадцать лет назад, а на ее родине и того позже.

Немного помады, еще один критический взгляд в зеркало у входной двери, не забыть сумочку, последний писк моды, объединяющий симпатичный деловой портфельчик и небольшой, но вместительный дамский несессер.

Она слегка замешкалась, запирая дверь, и не заметила, как от лестничной площадки мягким, неслышным шагом подошел мужчина, темноволосый, среднего роста и неприметной внешности. Когда непослушный механизм наконец послушно щелкнул, мужчина уже стоял рядом, сзади и чуть правее.

– Добрый день, – чуть хриловатым баритоном сказал он. – Простите, я решил, что встречу вас сам.

Ютта даже успела на мгновение испугаться, раньше она видела этого человека лишь мельком, через полупрозрачное стекло кабинета партнеров «Гуттенберга». Это был Айвен, тот самый Айвен, сверхновая звезда мировой фантастики. Человек миллионных тиражей и скандальной известности, избегавший, тем не менее, светских мероприятий, фотографий, интервью и вообще публичности в любых формах.

– Ютта Карлссон? – спросил Айвен, вероятно, засомневавшись. Его немецкий был хорош, но с сильно смягченными гласными, придававшими речи некую плавность, почти интимность.

– Да, это я, – с достоинством ответила она. – Позволю себе заметить, что мы должны были встретиться у вас в отеле, чтобы всесторонне оценить все аспекты будущего договора.

Ее наставник по риторике из Датского Высшего Колледжа Правоведения был бы доволен. Сказано было на одном дыхании, но без спешки, с должной внушительностью и легкой ноткой укора. Произнося эти слова, она даже успела внимательно рассмотреть и оценить собеседника.

Айвен Тайрент был очень... обыкновенным. Пожалуй, это было бы самым лучшим определением. Не красив, но и отнюдь не безобразен. Средний рост, среднее сложение, неопределенный цвет глаз, не то темно-карий, не то черный. Вместо ярких красочных европейских или строгих деловых американских тонов он был одет в простой пиджак- «френч» с воротником-стойкой. Подстрижен аккуратно, немного короче общепринятого, без всяких модельных изысков и лаков, гладко выбрит. Ютта быстрым незаметным взглядом оценила его ботинки – предмет одежды, который, подобно зеркалу, отражает скрытую сущность мужчины. Обувь соответствовала прочему – несколько консервативные поношенные туфли, без стильных шнурков, но безукоризненно вычищенные.

– Ох уж эти условности, – сказал он, делая неопределенный жест левой рукой, не то отметая означенные условности, не то предлагая ей пройти к лестнице. Правую же подал ей в галантном жесте. Движение получилось очень слитным, плавным, фазы действия перетекали одна в другую, как у опытного спортсмена. – Прошу, окажите мне честь сопровождать вас, госпожа... Карлссон.

Ютте показалось, что когда он произносил ее фамилию, в его темных непроницаемых глазах прыгнули чертики затаенного веселья. Не насмешки, а именно веселья, словно одна из самых распространенных на севере фамилий пробудила у него некие смешные воспоминания.

– Извольте. – С этими словами она с истинно царской грацией (по крайней мере ей так казалось) протянула ему свою тонкую руку, натянутую в темную перчатку.

Мужчина и женщина спустились по лестнице и окунулись в напряженную и легкомысленную, одновременно деловую и беззаботную жизнь вольного города Барнумбурга.

Глава 6

Тревога и смерть

День заканчивался, он был долгим, очень долгим.

Константин закрыл глаза, потер широкие ладони, быстро, сильно, до жжения, сложил их, словно в молитве, и резким движением пригладил пепельно-седую гриву, ото лба к затылку. Откинулся на спинку «представительского» кресла, раскинув руки на подлокотники. Глаза словно опалило горячим ветром, роговицу жгло, несмотря на плотно сомкнутые веки. Последние двое суток ему пришлось слишком много читать, слишком много работать с документами.

Пятьдесят пять лет – хороший возраст для мужчины. Золотая осень, когда эмоции и увлечения уже не столь властны, как во времена шальной юности, а рассудочность и опыт достигают вершины. Это время, когда человеку еще хватает сил, телесных и душевных, чтобы радоваться жизни, но уже пришло понимание, как мало ее осталось в запасе. И каждый день становится по-особенному запоминающимся, приобретает свой, неповторимый вкус и колорит.

Но не для него.

Сколько он себя помнил, император всегда работал. Даже детство его прошло под знаком ежедневной учебы с тщательно подобранными наставниками. Играя в солдатики, он выслушивал рекомендации по правильной стратегии. Обстреливая каре оловянной французской пехоты из игрушечных пружинных пушек, между делом узнавал основы баллистики. Школа, Офицерский Корпус. Смерть отца.

Жесткий ритм жизни, заданный в далеком детстве, еще на заре века, остался с ним на всю жизнь. И даже на символическом отдыхе, который он позволял себе раз или два в год, его разум непрерывно анализировал и вычислял. Баланс политических сил Империи, экономическое состояние, непрерывная борьба между буржуазией и профсоюзами, аграрные проблемы, внешние отношения...

Иногда Константин Второй чувствовал себя не человеком, а сложнейшим функциометром, очеловеченной машиной принятия решений. В такие моменты он думал, каково это – не тащить на себе ежедневное, ежечасное бремя решений и ответственности. Каково принадлежать работе и служебному долгу только в определенные трудовым законодательством десять часов в день – ограничение, вырванное с боем и кровью у промышленников Империи после четвертьвековой борьбы.

Последнюю пару лет он стал чувствовать, что явно перерабатывает. Всю жизнь его сопровождали качественное питание по рецептам квалифицированных диетологов, просчитанные физические нагрузки и наблюдение лучших врачей страны. Но все же организм понемногу сдавал, жалуюсь о своих проблемах повышенной утомляемостью и трудностями со вниманием и концентрацией.

Константин вновь и вновь задумывался о наследнике, которого у него не было. Задумывался с тех пор, как его жена умерла от скоротечного менингита, унеся с собой в иной, лучший мир их нерожденного ребенка. Вакцину от страшной болезни сумели избавить от побочных эффектов в тот же год, но было уже поздно.

Он резко встряхнул руками, потряс кончиками пальцев над головой, разгоняя застоявшуюся кровь, давая отдых кистям. Пальцы правой все равно сами собой складывались в щепоть, готовые принять стилос – столько ему пришлось сегодня писать. Он потянулся, ощущая спиной твердость «представительского» кресла, более смахивающего на трон, вырезанного из цельного новгородского дуба. Подарок отцу от министра коммуникаций и индустриального планирования Ульянова, «градостроителя».

Я слишком много работаю, подумал он, мне нужен преемник... Как у римских принцев, которые выбирали себе соправителя при жизни, терпеливо вводя его во все тонкости правления государством.

События последних двух дней сильно выбили императора, впрочем, как и весь военный и административный аппарат Империи, из колеи. Утром состоялось назначенное собрание Государственного Совета с участием всех министров, Лимасова и руководства Генштаба. Государственная машина Империи была неплохо смазана и вполне бодро крутилась, несмотря на разнообразные испытания и сбои, щедро предъявляемые жизнью. Но она была рассчитана на обычные, приземленные проблемы наподобие экономических кризисов, стихийных бедствий, «военных тревог», народных возмущений, правовых коллизий. Администраторы, собранные его волей в зале совещаний при Дворце Министров, не умели бороться с мистикой и бесовщиной. А события последних двух суток поневоле заставляли задуматься о происках нечистого.

Около четверти всего морского грузооборота планеты приходилось на Атлантический океан, связывающий Евразию и обе Америки мириадами нитей торговых путей и годовым товарооборотом почти на семьсот миллиардов марок.

Конфедеративный Восток с центрами в Нью-Йорке и Чарльстоне, Южноамериканский Анклав с его портами в Порт-оф-Спейне, Джорджтауне и Натале, Британские острова, север Европы и «русское море»¹³. Все они составляли символический квинтет, играющий отлаженную экономическую симфонию, в которой место нот занимали тысячи кораблей, день и ночь, год за годом неумоимо отмеряющих миллионы морских миль. Даже когда великие державы становились на грань нового вооруженного конфликта, бег неумоимых морских тружеников не останавливался ни на мгновение. У этого мира было три сердца – Атлантика, Индийский океан, Южнокитайский регион, и с восьмидесятих годов минувшего века никакие разногласия между мировыми титанами не нарушали их слаженной работы, питавшей мировую экономику.

До этой недели, когда Северная Атлантика и Исландия просто исчезли с карты, превратившись в «место, где водятся тигры»¹⁴ – зону ровного «белого шума» радиоэфира и черную дыру, в которой бесследно исчезали корабли и дирижабли.

Нельзя сказать, что Кабинет провел время в бездействии. Ведомство внешних сношений связалось с конфедератами и Пангерманским Союзом, организовав прямую, «горячую» радио- и проводную трехстороннюю линию. Военная и гражданская разведки подняли весь свой аппарат, вспомнив все мыслимые теории и шаблоны угроз, вплоть до «сумасшедшие ученые захватывают мир». Но происходившее не укладывалось ни в одну схему, не имело никаких precedентов. Министры, военные, все государственные люди были готовы переворачивать небо и землю, если бы только знали, с чем им предстоит встретиться. Но этого знания у них не было.

Не следовало также сбрасывать со счетов и возможность некой очень хитрой, сложной и многоходовой комбинации планетарных противников Империи. Теоретически по отдельности все звенья цепи можно было объяснить какими-то целенаправленными действиями и применением новейших технических средств. Но никакие «кунштюки» не могли объяснить главного – масштаба событий и полного отсутствия каких-либо знаков и предупреждений.

Тайна, *Magna Misteria*.

Впрочем, все сходились в едином мнении – если кто-то и может приоткрыть завесу тайны, то это англичане. Данные разведки, радиоперехват, внешние наблюдения – все источники информации, все «глаза и уши» Империи рисовали картину глобального, всеобъемлющего исхода британских вооруженных сил, стягивавшихся со всего мира в одну точку – к метрополии. Исход этот совпадал с появлением «зоны тигра», как ее уже стихийно называли в штабах, и в случайное совпадение, разумеется, никто не верил.

¹³ Расхожее название Баренцева и Норвежского морей, обеспечивающих выход Российской империи в Атлантику.

¹⁴ На старинных картах так зачастую обозначали неисследованные и вероятно опасные территории.

Константин не зря назначил совещание на восемь часов утра. Первым его порывом было собрать всех «государевых людей» ни свет ни заря, но он специально выделил время на предварительную беседу с британским послом.

Сложный дипломатический этикет и в документальной части, и в неписаных, но не менее строгих положениях не запрещал прямо ранние утренние беседы, но и не одобрял их. Предполагалось, что такого рода вопросы слишком ответственны, слишком многозначны, поэтому не терпят суеты и спешки. Обсуждать их должно только после тщательной подготовки, с перерывами на осмысление и консультации, и уж конечно не спозаранку.

Принимая это решение накануне, Константин колебался, наверное, с четверть часа, а может и чуть дольше – огромный срок для самодержца, чье время бесценно. И все же поздним вечером он снял телефонную трубку и передал секретариату указание уведомить британское посольство о желательности лицезрения сэра Кристофера Уильяма Бейтмана, полномочного представителя Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии в Российской империи и прилегающих, а равно союзных землях. Шестого августа, в семь часов утра.

Формально сэр Кристофер вполне мог проигнорировать такого рода приглашение, «желание лицезрения» было устаревшей формой протокола, которая стояла несколько ниже «аудиенции по уведомлению». Но британский дипломат уведомил о своей готовности оказать достойное почтение сиятельному монарху и уважить его потребность в беседе, каковых бы вопросов она ни коснулась.

Это утро началось для Константина в половине шестого с новых сводок и новостей. Британские посольства, консульства и дипмиссии по всему свету уничтожали бумаги. Англичане либо что-то знали, либо были напрямую причастны к происходившему в «зоне тигра», теперь это было однозначно, и император был твердо намерен, как сказал бы канцлер Джугашвили, «поставить вопрос ребром».

Бейтман не заставил себя ждать, классический бритт, аристократ в тридцатом колене и прирожденный дипломат с ложью в сердце и сахарным языком. Британец сослался на ограниченность полномочий, непостоянность связи с родиной, помянул некоторый *консерватизм* Короны в вопросах своевременного оповещения своих верных слуг относительно новых векторов внешней политики. Не обошел вниманием *сложности* во взаимоотношениях с Конфедерацией, а также прошлогодний скандал в имперском генеральном штабе Метрополии, связанный с вопиющим пренебрежением боевой подготовкой войск. Из этой сложной конструкции велеречивых намеков и предположений посол извлек тезис о военных учениях небывалого масштаба, о которых в силу некой прискорбной ошибки его просто забыли уведомить. Но посол обещал всемерно способствовать тому, чтобы неведение было рассеяно, истина восторжествовала, а инструкции и точные ответы из Foreign Office¹⁵ были получены без промедления. Может быть, даже завтра.

На протяжении всей беседы император боролся с искушением вспомнить старые уроки футбола, которым он увлекался в юности, и «зарядить с ноги» в постную физиономию Кристофера – желание со всех сторон недостойное, но от этого не менее крепкое. Константин не сразу понял, что этот порыв на самом деле скрывает совершенно иное чувство...

Страх.

Поняв, что ответа он не получит в любом случае, монарх закончил встречу и отпустил посла с миром. Затем было долгое совещание Совета, сменившееся многочасовыми совещаниями с вызываемыми специалистами и советниками по выработке частных нюансов большой стратегии.

Данные разведки, сводки о перемещениях войск, приведение в боевую готовность приграничных соединений и объединений, повышенная готовность гражданских учреждений, отве-

¹⁵ Министерство иностранных дел Великобритании.

чающих за чрезвычайные ситуации, личная телефонная беседа с президентом Конфедерации. Документы, встречи, звонки.

Сейчас, когда «Будимов» отсчитывал последние минуты уходящего дня, Константин признался самому себе, что ему страшно.

Он никогда не боялся, правитель благополучной, богатой, сильной державы, воздвигнутой неустанными трудами предшественников, был избавлен от этого чувства. Неудачи – да, он знал их горький привкус. Провалы, поражения – все это было ему ведомо. Но ему всегда было куда отступить, в казне были средства на крайний случай, советники всегда спешили с советами, а почти миллионная армия стояла на страже государственных интересов. Всякую ошибку можно было со временем исправить, любой провал можно было постараться обернуть в победу.

Но именно теперь, на шестом десятке, он чувствовал страх. Не от несуразности происходящего, не от странных, необъяснимых действий Британии, даже не от «зоны тигра», к которой с двух континентов сразу отправлялись дивизионы тяжелых дирижаблей для разведки и разрешения проблемы.

Послы могут угрожать, оправдываться, договариваться, лебезить, наконец. Но англичанин ничего этого не делал. Он говорил правильным тоном правильные слова, приносил извинения, обещал разобраться, потребовать инструкций и сообщить. Но в каждом его слове, в каждом жесте Константин видел, читал изощренным чутьем старого политика *знание*.

Бейтман *знал*, что стоит за всеми действиями Острова. Он *знал*, что скрывает «зона тигра». И это *знание* делало бессмысленными все прежние правила, условности, порядки. Оно превращало в пыль межгосударственный этикет и избавляло от необходимости объяснять, что стоит за невозможными доселе маневрами британского флота и сворачиванием всей дипломатической сети.

Император в одиночестве сидел в «ульяновском» кресле, стискивая резные подлокотники. Голова была словно стянута железным обручем, а глаза горели, но он не чувствовал боли. Он старался побороть чувство холодных коготков безрассудного страха, царапавших спину.

Чувство неведомой беды.

* * *

Савелий Таланов был деловым человеком, поэтому терпения и сдержанности ему было не занимать. Но сейчас он с трудом сдерживал раздражение и гнев, меряя шагами каюту, подобно тигру в клетке.

По четко расписанному графику он должен был оказаться в Рейкьявике не позднее вечера минувшего дня. Савелий привык к постоянным перемещениям по всему свету и к транспорту, работающему как часы, по крайней мере в местах, отмеченных печатью цивилизации. Перелет в столицу прошел как и положено, в срок и без накладок, но в московском аэропорту начались проблемы. Воздухоплавательная сеть на северо-западном направлении ощутило сбоила, рейсы откладывались и отменялись. Пассажиры возмущались, грозили судом и комиссией по коммуникациям, персонал обещал разъяснений и компенсаций.

Понаблюдав это тягостное зрелище минут пять Савелий понял, что, в соответствии с заветами основателя профсоюзного движения Льва Троцкого, не следует ждать милостей от бюрократии, нужно брать их самим. Знание вопроса и наличность (Таланов-путешественник по-старинке не верил в чеки и дорожные денежные билеты) решили вопрос, хотя и с большой потерей времени.

Путь удлинился почти на сутки и оброс пересадками: Москва – Таллин – Стокгольм – Норвежский Берген. Сейчас дирижабль миновал Фарерские острова и, обходя небольшой грозовой фронт, двигался вдоль магистрали Копенгаген – Рейкьявик.

В отличие от фешенебельного аэрокрана, скоростного и комфортабельного, лететь пришлось на машинах экономического класса и даже, как сейчас, на списанной из ВВС многоцелевой платформе-«сардельке», переоборудованной под пятидесятиместный пассажировоз. Таланов был далеко не единственным, кто оказался достаточно расчетливым и состоятельным, поэтому свободное место удалось купить в последний момент и только в крошечную одноместную каюту. Макушкой он доставал металлический потолок, а улегшись на откидывающуюся койку, упирался ногами в стену, все сантехнические удобства были в коридоре, прямо как в купейных вагонах или автопоездах.

Ноги устали, Савелий с вздохом присел на койку и подумал, что вот она – верная примета старости. Ее неслышную поступь слышишь тогда, когда путешествия превращаются из приключения в тягостную обязанность, а бытовые неудобства из острой приправы к приключениям становятся занозой в сидении. Болели суставы, рубашка настоятельно требовала смены, туфли – чистки, а костюм – глажки. Старый верный портфель испанской кожи, порывшийся от времени, не требовал ничего, но забыть о себе также не позволял – он был до упора набит оригиналами документов по продаже судов и техническими заключениями. Таланов не любил риск, но еще больше не любил сделок, срывающихся из-за нехватки пустяковой, казалось бы, бумажки. Старческая щетина непривычно и неприятно кололась.

«Черт с ним, с бытом, – подумал он, – отскрипел шесть десятков с гаком, продержусь еще несколько часов». Савелий прилег на койку, сложил тощую подушку едва ли не вдвое, подложил под голову. Почему-то вспомнилось, как в далекие двадцать пять он, тогда еще только владелец первого судна, маленького лихтера, мылся в крошечной душевой корабля, раза в два меньшей, чем эта каюта. Тепловая спираль снова сломалась, вода шла холоднющая, но он лишь фырчал, яростно растирая горящую кожу, разбрасывая ледяные брызги. Сейчас от такого приключения сердце с ходу бы обиделось и ушло.

Старость – это плохо.

Но с другой стороны – как посмотреть. Старость можно ведь воспринимать не как закат жизни, а как ее золотую осень. Дело, деньги – как сказал бы покойный Джугашвили, «все это прах в контексте мировой экономической динамики». Дети и внуки – вот, что действительно имеет значение. Новая жизнь, взращиваемая трудами старой, готовая сменить ее и повторить тот же самый цикл. Вечный круговорот жизни в природе – новое всегда берет в долг у предшественника, чтобы затем выплатить этот кредит тем, кто придет после. Такова природа вещей, единая и для огромных сообществ, и для отдельной семьи...

Савелий Сергеевич женился поздно, уже после тридцати. В этом возрасте многие его сверстники уже начинали задумываться о возможных в будущем внуках, но он все никак не встречал ту, что смогла бы пленить непостоянное сердце моряка и дельца. До тех пор, пока не встретил Екатерину... Так она требовала себя называть – никаких плебейских «Кать» и тем более «Катюш», только и исключительно «Екатерина Валентиновна». Красивая, утонченная, преисполненная природной грации и изящества. Недобрая, эгоистичная, высокомерная, отравленная болезненным аристократизмом и чувством превосходства, тщательно выращенным бабкой, последней представительницей старинного княжеского рода, разорившегося и опустившегося еще в прошлом веке после Указа «Об упразднении сословий».

Екатерина с детства росла «в неподходящем окружении», уверенная, что где-то там, «в столицах», есть другая жизнь, яркая, сверкающая, идеальная. Там мыслят и говорят исключительно о высоком, не знают бранных слов, пьют французское шампанское из наперстков. Там Рай, которого она была лишена по несправедливости жизни и заговору плебейского окружения, но ждущий, готовый принять ее.

Этот брак не был счастливым, да и не мог таковым стать. Таланов был для своей жены слишком прост, слишком груб, слишком приземлен. В свою очередь Савелий достаточно быстро понял, что женился на невзрачной, нетерпимой, жестокой, болезненно агрессивной

ко всему, что противоречило ее представлениям о «приличном» и «достойной жизни». Но он любил ее, даже несмотря на то, что, в конце концов, она возненавидела его за «нищету», за то, что Рай, украденный у ее семьи реформацией Жестокого, все время оказывался где-то дальше, близкий, но всегда ускользающий. Когда жена умерла, он искренне оплакивал ее, но его скорбь осталась неразделенной – сын ненавидел мать, с безумным упорством стремившуюся сделать из него «интеллигентного человека, будущего дипломата».

Грустная ирония судьбы. Он, «миллионщик», делец или, как их называют в Новом Свете, «бизнесмен», председатель правления далеко не последнего товарищества, владеющего маленьким, но очень доходным траулерным флотом. И он же по превратностям слепого чувства на годы оказался гостем в собственном доме и едва не потерял любовь сына. Как хорошо, что это «едва» таким и осталось. Сын, внук и внучка – вот достойный итог его жизни.

Но и про дело забывать не след. Сначала – сделка, затем – приятные думы о семейном.

Таланов сел на койке, резко, насколько позволяло постаревшее тело. Что-то случилось, что-то такое, чего разум в первые мгновения не осознал, но в один момент изгнавшее демонов прошлого. Савелий Сергеевич приложил ладонь к стене, «прислушался» к собственному вестибулярному аппарату. С близоруким прищуром всмотрелся в полупустую бутылку с водой, стоящую на крошечном алюминиевом столике, таком же откидном, как и койка.

Так и есть, чутье и многолетний опыт моряка не обманули его, даже несмотря на годы кабинетной работы. Судя по вибрации корпуса, ходовые машины резко увеличили мощность, выйдя на режим форсажа, одновременно дирижабль заложил крутой поворот на правый борт – уровень воды в бутылке уже не составлял прямого угла с ее стеклянными стенками. Перед вылетом Савелий специально изучил погодные сводки – впереди не было ничего, что заставило бы менять курс. Значит, либо поломка, либо что-то еще... И у него больше нет времени, чтобы тратить его, пытаясь добраться до исландских партнеров до истечения банковского срока.

Он встал, накинул плащ и решительно вышел.

Списанные военные машины пользовались стабильной популярностью в гражданском воздухоплавательном флоте. Как правило, они были уже достаточно изношены и требовали ремонта. Если машина предназначалась для пассажирских рейсов, к ремонту добавлялись немалые расходы по серьезной перепланировке и перестройке сугубо военной машины под гражданские нужды, демонтаж оружейных палуб, пусковых установок и прочей убийственной машинерии. Но надежность военной техники вполне окупала расходы – списанный дирижабль ВВС мог отслужить без проблем еще минимум лет десять-пятнадцать, а затем продолжить службу в Южной Америке и Африке, где эксплуатационные нормы и технический регламент воспринимали как причуды слишком богатых белых людей.

Этот дирижабль не имел даже собственного названия, лишь бортовой номер, и подвергся минимальным переделкам. Вероятно, владелец линии рискнул поставить на рейс только-только выкупленную машину, рассчитывая неплохо заработать на внеплановом рейсе и таких же, как Таланов, бизнесменах, рвущихся в Исландию. Не напрасно рассчитывал, прямо скажем: если обычно подобный перелет обходился примерно в сотню марок, то теперь Таланов заплатил почти тысячу.

У двери капитанской рубки стоял матрос, невооруженный, но с очень решительным видом. Когда Савелий появился из-за угла, он приосанился и стал еще решительнее, наглядно показывая, что не пустит и пресечет. Впрочем, не на того напал, Таланов-старший командовал людьми сорок лет и прекрасно умел «включать начальника». И, что было самым существенным, корабль принадлежал норвежской компании, а норвежский Таланов знал прекрасно. Как и любой человек, занимавшийся рыболовством в «русском море».

– Матрос! – низким голосом прорычал он, подойдя вплотную к охраннику, приподнявшись на носках и угрожающе уставившись ему в переносицу. – Представься! Я – член правления компании, и я тебя уволью к троллям и акулам! С дороги!

И матрос сломался, сразу и бесповоротно.

В рубке Таланов использовал тот же прием, но с меньшей напористостью, разыграв вежливое недоумение делового человека, который очень, ну просто очень сильно спешит и обладает паем в «Воздушных перевозках Бйорссонов». Пая у него, конечно, не было, но Таланов здраво рассудил, что если все в порядке, его просто выставят, а если не в порядке, то до проверки не дойдет.

Капитан, здоровенный северянин под два метра ростом, в щегольской белой форме, кратко разъяснил, что десять минут назад радар засек пять боевых термoplanов английской приписки, полный дивизион многоцелевых тяжелых платформ класса «Пальмерстон». Британцы растянулись широкой цепью по вектору норд-норд-ост с интервалом примерно пятнадцать-двадцать миль. Командующий дивизионом вышел на связь, уточнил класс и цель «пассажира» и потребовал немедленно вернуться обратно, дальше путь закрыт. При сохранении прежнего курса «пассажир» будет сбит.

– Я знаю этого человека, – с истинно нордической краткостью пояснял капитан Таланову, – совместная учеба. Мало говорит, много делает, напрасно не предупреждает.

– Я теряю деньги, – попробовал было протестовать Таланов, но одного взгляда в глаза капитана было достаточно, чтобы понять – здесь угрозы и уговоры уже не помогут. Неизвестно, что связывало в прошлом англичанина и норвежца, но капитан был серьезно напуган и не собирался искушать судьбу. Даже ради «члена правления».

Таланов присел на маленький стульчик в углу рубки, прямо у двери, сцепил пальцы в попытке вернуть самообладание. Он столько сделал в этот день, столько сложностей победил, и теперь все планы рушились по какой-то злой прихоти судьбы и тронувшихся умом англичан... И без того тесная кабина словно сжималась, физически сдавливая его, мешая дышать. В горле запершило, воротник перехватил горло, как удавка. Таланов дернул ворот, крепкая ткань, настоящий «морской шелк», не поддавалась с первого раза, Савелий с проклятием рванул снова, пуговицы с дробным перестуком посыпались по металлическому полу.

Он резко встал, собирая в кулак всю волю, подсчитывая, сколько личных средств может мобилизовать – если не удалось надавить, следовало подкупить.

Но Савелий опоздал.

За тридцать морских миль от дирижабля некто, скрывавшийся в ночной тьме, решил, что англичане слишком нерешительно, даже nepoзвoлитeльнo мягко отнеслись к своим обязательствам, и отдал короткий приказ. Исполнители попытались его саботировать, ссылаясь на требования экономии, их короткий обмен приказами и отзывами подарил «норвежцу» почти десять минут.

Сейчас они истекли.

– Воздух! Воздух! – истошно завопил оператор радара. Все присутствующие в рубке закричали разом. Таланов перестал понимать резкие, почти панические команды. Единственное, что он сообразил – англичане запустили ракеты.

Савелий, действуя как во сне, вновь сел и крепко ухватился за сиденье. Инстинкт самосохранения требовал бежать, кричать, в общем, действовать. Но здравый смысл, пробиваясь сквозь волны паники, захлестывающей разум, подсказывал, что сейчас он не властен над своей судьбой и следует не мешать тем, кто хоть что-то понимает и может.

Капитан был опытен и умен, он все делал правильно.

Если бы это был новейший аэрокран типа «летающее крыло», способный «прижаться» к уровню моря и сделать более трехсот километров в час, если бы на нем не демонтировали узел постановки помех, возможно, все могло бы обойтись совершенно иначе. Но старенький дирижабль, списанный из войск ПВО Пангерманского Союза, представлял собой устаревшую «сардельку» со слабой вертикальной маневренностью, максимальной скоростью менее двухсот километров и был беззащитен перед ракетами с внешним наведением.

Два реактивных управляемых снаряда поразили машину одновременно. Это были вполне современные ракеты, рассчитанные на уничтожение объемных секционных машин, но «норвежец» не сдавался. Его корпус был разделен на десятки ячеек-секций с подачей газа по системе трубопроводов. Кроме того, после большой модернизации в сороковых ячейки сделали двухслойными, с пластификатором, мгновенно застывающим под воздействием воздуха. При падении давления через пробоины автомат-функциометр перекрыл подачу газа в поврежденные секции, а пластификатор «заварил» пробоины. Потеряв не более одной пятой грузоподъемной силы, дирижабль со снижением уходил на юго-запад.

И некто в темноте решил, что это очень хороший момент для проведения небольших стрельб.

Линкор под невиданным в этом мире трехцветным, черно-белым вымпелом, теряющемся во мраке, распарывал морскую гладь в полном затемнении. Мощнейшие электромоторы вращали передачи, многотонные механизмы разворачивали трехорудийную башню. Баллистические ЭВМ, сопряженные для дополнительной точности и контроля со старыми проверенными шестереночными СУАО, считали, делая поправку на дальность, упреждение, температуру воздуха, влажность, то есть на все, что, так или иначе, меняет траекторию полета снаряда.

Сквозь мутное, подернувшееся паутиной трещин стекло узкого иллюминатора рубки Савелий увидел мгновенную вспышку во тьме. Он сразу же подумал, что это орудийный залп, и инстинктивно сжался, ожидая нового взрыва. Но ничего не произошло – первый залп холодным зарядом лишь прогрел ствол.

Металлические когти транспортера захватили новую болванку, поршень вдвинул ее в зарядную камору.

«Сынок», – неожиданно спокойно подумал Савелий Таланов.

Вокруг него кричали люди, пронзительно заливались сирены. Судовые машины оглушительно завывали, надрываясь в попытке вынести «пассажира» из-под огня. За дверью, перекосившейся в поведенном взрывом косяке, кто-то надсадно, монотонно вопил от боли. Но шестидесятилетний старик был спокоен, отчетливо понимая, что это конец.

«Сынок, пожалуй, мы больше не увидимся...»

Первый же стандартный снаряд 36.dm с радарным взрывателем точно поразил мишень, обрушив в море пылающие останки пассажирского дирижабля и похоронив в холодной пучине всех, кому выпала несчастливая судьба оказаться на его борту.

Глава 7

Айвен и Ютта

Барнумбург, самоуправляющийся вольный город на границе между Священным Пангерманским Союзом и Францией, раскинулся почти правильной окружностью в излучине реки Нид, на западном берегу. Его история насчитывала более шестисот лет, и если у городов есть свои божества, то они, несомненно, благоволили «вольному городу печатников, шпионов и золота». Расположившийся между голландским Саарбрюкеном и Люксембургом, севернее французского Бузонвиля, он счастливо избег многочисленных европейских войн и усобиц. Исторически, еще с семнадцатого века, город стал центром европейского книгопечатания. В веке девятнадцатом, на фоне длительных франко-англо-германских усобиц, сюда стали стягиваться и финансы, ищущие тихой гавани посреди бурного моря большой политики и разрушительных войн. Окончательно статус одного из мировых финансовых центров за Барнумбургом закрепила общеевропейская война тысяча восемьсот семидесятых годов, положившая конец французской гегемонии, возвысившая союз германских земель и сильно подрубившая мощь Британии.

Деньги и печатные услуги – вот что предлагал Барнумбург миру. Десять процентов финансового оборота и половина всей печатной продукции Западной Европы приходились на город с населением в неполных два миллиона. Вольный город стал Меккой отделений крупнейших банков и известнейших издательств, в том числе «Фалькенштейн и полиграфические услуги», которое издавало книги Айвена Тайрента.

Ютта ожидала, что они возьмут такси, возможно, поедут на машине из проката, но небольшая парковочная площадка перед домом была пуста – обитатели уже разъехались по работе, остался лишь трехцветный микрофургон службы быта.

– Господин Айвен? – Она слегка повернулась к нему, выразительно приподняв бровь.

– Я подумал, а почему бы нам не полюбоваться красотами города? – безмятежно ответил он, вежливо, но твердо увлекая ее к калитке, отделяющей небольшой, поросший карликовыми акациями дворик от улицы. – Заодно мы с вами несколько познакомимся.

– Немного познакомимся, – автоматически поправила она.

– Да, мой немецкий нуждается в улучшении, – с той же безмятежностью продолжил он. – В самом деле, госпожа... Карлссон, вы давно последний раз проходили по утреннему городу? Ведь он очень красив, оглянитесь вокруг!

Ютта жила в Барнумбурге уже четвертый год, понемногу, маленькими шажками перемещаясь снизу вверх по лестнице дохода и географически – от окраин к центру. Начав мелким референтом в небольшом литературном агентстве, она в конечном итоге стала ассоциатом в одном из крупнейших издательских домов мира. Пусть и очень маленьким юристом, на подхвате у настоящих мастеров дела, но все же это был очень хороший старт, обещавший большие перспективы. Однако правоведов много, а доходных мест мало, и множество не менее, а положила руку на сердце, и более грамотных специалистов так и не смогли перешагнуть этот порог. Айвен Тайрент обратил на нее внимание, повинувшись неким своим причудам, и, соответственно, заставил и старших партнеров «Фалькенштейна» заметить молодую и перспективную работницу. Это был шанс, который нельзя было упустить и который целиком зависел от сумасбродства Тайрента.

– Да, конечно, вы правы, – ответила она, стараясь правильно смешать необходимую вежливость и проявление любопытства. Полчаса назад она представляла себе будущие карьерные успехи, к которым приведет ее работа с самим Тайрентом, теперь же назойливо вспоминался отвод ее предшественнику.

«Он мне не нравится» – так, кажется, он тогда сказал?

– Да, Айвен, очень красивый город, я с вами согласна! – попробовала она снова и почувствовала, как невыносимо фальшиво это прозвучало. Ютта окончательно смутилась и закусила губу, совсем как в детстве, когда долго, мучительно зазубриваемое стихотворение неожиданно забывалось. Обида охватила ее – на Айвена, сумасброда, который лишь парой действий полностью выбил ее из колеи, и еще больше – на себя. Она отвернулась, стараясь сдержать невольно навернувшиеся на глаза слезы.

– Ютта... – Айвен крепко, но в то же время как-то очень легко, очень мягко взял ее под руку.

Она посмотрела ему прямо в глаза и увидела, как легкая, очень доброжелательная улыбка осветила его простоватое лицо.

– Ютта, – повторил он. – Наверное, мне следовало объясниться сразу, чтобы не вводить вас в смущение.

Он сделал паузу и сбавил шаг. Теперь они неспешно шли, почти брели по улице, окаймленной каштанами. По бокам трех- и четырехэтажными коробками поднимались доходные дома, типовые строения, но каждое было украшено по-своему, где-то вимперги и ажурные окна, где-то мансардные крыши с фронтонами. И, конечно же, зелень, много зелени. Дворы, окаймленные традиционными тонкими решетками «под бронзу», были декорированы в соот-

ветствии со вкусами и возможностями владельцев и жильцов – аккуратно подстриженные деревца, красивые экзотические кустарники – детища французских генетиков от ботаники. Много цветов и разного выюна. Всемирный «Экологический кодекс» очень строго ограничивал промышленное загрязнение жилых зон и прямо запрещал в городах любой автотранспорт кроме общественного. Он же поощрял всевозможное озеленение. Городской совет Барнумбурга, управлявший городскими делами, ревностно соблюдал положения «Кодекса», дополняя собственными нормами, благодаря которым «город печатников» был самым чистым и «зеленым» в Европе.

– Должно быть, мне следовало сразу предупредить вас о двух вещах, – продолжал Айвен. – Во-первых, я не сумасброд с туго набитым бумажником, которому нравится унижать людей...

Ютта вздрогнула, он словно читал ее мысли.

– ...во-вторых, вам не следует меня бояться. Я могу показаться эксцентричным, но это оттого, что я долгое время прожил в достаточно дальних краях, в совершенно иной культуре. Поэтому многое из того, что кажется вам естественным, для меня до сих пор необычно. И наоборот – привычные мне вещи иногда кажутся... странными для окружающих. Вас испугал мой отказ работать с тем законником?

Ютта молча склонила голову, едва-едва, но он понял.

– Дело в том, – серьезно продолжал Айвен, – что его имя – Генрих Гиммлер, оно будит у меня очень неприятные воспоминания, которые мне не хотелось бы вспоминать. Не очень радует работать с человеком, который каждый раз заставляет вспоминать... скверное.

Вероятно, тема и в самом деле была ему неприятна, немецкий Тайрента ухудшался с каждым словом. И Ютта решила, что следует перевести разговор с этой темы, неприятной и болезненной для них обоих.

– А мое имя ничего вам не напоминает? – уже смелее спросила она.

– Нет, – Айвен вновь улыбнулся, – только фамилия. Но с ней связаны хорошие вещи, поэтому вам нечего опасаться.

– И что же это?

– Позвольте, пока я оставлю в тайне. – С этими словами Айвен подмигнул ей, снова выбив из равновесия, настолько несерьезным выглядел его поступок. Не давая опомниться, он продолжил уже совершенно иным тоном, задумчивым и чуть отстраненным. – Лучше посмотрите на этот прекрасный город новым взглядом, так, как его вижу я. Представьте, что вы проделали очень долгий, трудный путь, на котором вас поджидало немало опасностей. Вы устали, одежда износилась, и вот перед вами открывается... он.

Они как раз вышли на бульвар имени Вильгельма Айзенштайна, второго канцлера Пангерманского Союза, который в свое время отстаивал независимость Барнумбурга в сложной политической игре с французами, действуя по принципу – «если не мне, так никому». Городские банкиры, уже тогда оперировавшие немалыми средствами, отблагодарили канцлера очень выгодными займами, которые немало поспособствовали послевоенному подъему объединенной Германии. А спустя десять лет после «грамоты вольности», когда город пережил самую большую и капитальную перестройку, один из красивейших бульваров «новой планировки» обрел имя немецкого реформатора.

Порыв Айвена, искренность его слов поневоле захватили Ютту, как будто некто сильный и добрый убрал стекло ежедневной суеты, забот и тревог, сквозь которое она привыкла созерцать окружающий мир. И она действительно увидела тот самый Барнумбург, что так восхитил четыре года назад молодую выпускницу Датского Колледжа Правоведения, приехавшую покорять Европу и мир.

Город поднимался от окраин, подобно волне или пирамиде, от маленьких одно- и двухэтажных зданий к многоярусным небоскреbam делового центра. В Барнумбурге осталось не

так много по-настоящему старинных зданий, Городской Совет всегда стремился идти в ногу со временем и прогрессом. Но при этом архитекторы, определяющие лицо города, приложили немало усилий, чтобы здания и комплексы, входящие в список «тысячи памятников», были органично вписаны в общий архитектурный ансамбль. Публичная Библиотека, одна из первых в мире, первая печатная фабрика, здание Товарных Договоров – памятник тому времени, когда Барнумбург был, помимо прочего, еще и торговыми воротами между Францией и германскими княжествами. Эти памятники старины, солидные, капитальные постройки из тесаного камня и потемневшего от времени кирпича, соседствовали с устремляющимися ввысь многоэтажными центрами и жилыми домами. Высокие, хрупкие на вид, но невероятно прочные и стойкие конструкции из супернапряженной арматуры были еще одним подарком моря, точнее металлургии глубоководных аппаратов. Здесь можно было увидеть современнейший монорельс, бесшумно скользящий бесконечной металлической струной мимо скромного домика девятнадцатого века под стрельчатым сводом, и маленький скверик, скромно уместившийся между громадами корпоративных зданий. Огромные дирижабли, подобно грузным жукам, с царственной неспешностью проплывали в небесной глади, переноса тонны грузов и тысячи человек. И, словно механические кузнечики, пассажирские гиропланы стремительно прыгали ввысь с посадочных площадок на крышах небоскребов.

Это соседство старого и нового, приземисто-широкого и ажурно-высотного, мрачных, древних тонов и всевозможных оттенков белого, небесно-голубого и зеленого создавало тот неповторимый ансамбль, ту ауру волшебства, которая принесла Барнумбургу славу красивейшего города мире.

На планете хватало мегаполисов больше, богаче, населеннее. Гигантские города Старого и Нового Света, восточной части Южноамериканского анклава, Азиатского объединения и Российской империи кипели деловой активностью, стройками, миллионами жителей. Они захлебывались богатством, стягивали регионы и целые страны серыми нитями автодорог и сверкающими нитями стремительно развивающегося железнодорожного транспорта.

Но второго Барнумбурга не было на свете.

– Айвен, откуда вы? – повинувшись внезапному порыву, спросила она. Молва, слухи, подогреваемые бульварными журналами, глянцевыми собраниями грязных сплетен давно приписывали Тайренту темное и преступное прошлое. Недаром, писали они, русский по происхождению обосновался в европейском вольном городе, наверняка на родине или в ином месте его ожидали большие проблемы с законом и охраной правопорядка. Как юрист, притом хороший, со знанием криминологии, Ютта понимала, что настоящий злодей таким и должен быть – обаятельным, вызывающим расположение, умеющим быстро раскрыть внутренний мир собеседника и войти в доверие.

Но сдержанный, чуть старомодный человек, равномерно вышагивающий рядом с ней, немного ироничный, но с некой печалью, скрытой глубоко в душе, никак не походил на злодея, бандита и афериста, скрывающегося от правосудия на территории самоуправляющегося города со своей полицией.

– Из очень далеких мест, – произнес он наконец, когда она уже решила, что ответа не будет. – Простите, госпожа Карлссон, я не очень люблю говорить об этом...

Они шагали дальше, в тени зеленых насаждений бульвара. Прохожих было немного – рабочий день уже начался, и большая часть горожан покинула свои дома и улицы. По проезжей части в обоих направлениях двигались частные паромобили, в основном открытые легковые машины. Изредка проезжал громахающий двигателем общественный автобус, оставляя после себя неприятный запах. Ютта каждый раз морщилась и про себя молилась, чтобы Городской Совет наконец-то запретил эти самобеглые вонючки, воплощенное оскорбление «Экологического Кодекса». Впрочем, оскорбление, увы, пока необходимое. А вот Айвен слегка кивал, словно провожая шумного и вонючего монстра как доброго знакомого.

– Надо спешить, – как ни в чем не бывало сказал Айвен, когда стрелки часов отмерили пять минут десятого, словно это и не он предложил пешую прогулку. – Здесь рядом поезд, давайте проедем пару остановок? Как раз будем вовремя.

Электропоезд с котлом, нагреваемым от контактной сети, бесшумно скользил по сверкающей в солнечных лучах стальной струне. В вагоне было непривычно малоллюдно, они сели, и Айвен снова углубился в созерцание городской панорамы, так, словно видел ее первый раз.

Монорельс поднялся на опорах, выбежал на верхний уровень череды приземистых офисных зданий, скрывающих множество крупных и мелких фирм, ищущих в Барнумбурге богатой клиентуры и прибежища от налогов. Солнце атаковало широкие окна состава, запрыгало шаловливыми зайчиками, отражаясь от полированных поверхностей, пряжки на портфеле-несессере Ютты и больших часов Айвена, непривычной прямоугольной формы, с очень сильно исцарапанным стеклом.

Несколько минут состав двигался вдоль дорожной магистрали – шестиполосная скоростная трасса пронизывала город и предместья насквозь, от французской до германской границы, а в пределах городской черты она была еще и закрыта армстеклом. Под ней, в тоннеле на глубине десяти метров, пролегла дорога-близнец для тяжелого автотранспорта, обеспечивающая транзит и снабжение самого города. По причудам экономических законов тоннель с вентиляционными системами и углепоглотителями оказался проще и экономнее, чем длинный объезд по границе черты «природной безопасности».

Монорельс выпустил их на станции в деловом центре, у «башен-близнецов». Собственно, «близнецами» Банковский Консорциум Барнумбурга и Издательский Дом Фалькенштейна не были. В обоих было по восемьдесят этажей, на уровне шестидесятого оба небоскреба соединялись крытой галереей, на этом сходство заканчивалось. Банкиры обосновались в здании, представлявшем в поперечном разрезе правильный равносторонний крест. Сам по себе «консорциум» был белым, но этот цвет терялся под напором мозаики синих стекол, похожих на чешую небесного дракона. Сверкающие армстеклом капсулы внешних лифтов сновали вверх-вниз, как маленькие жемчужины.

Издатели же в свое время прибегли к услугам знаменитого Августа Перре, который спроектировал небоскреб по принципу «восьмерик на четверике» – четыре последовательно сужающихся уровня, каждый из которых представлял собой параллелепипед, развернутый на несколько градусов относительно основания. Спица «Фалькенштейна» лучилась изумрудным цветом морской волны, узкие, но высокие окна от пола до потолка внутренних помещений были забраны зелеными стеклами, сливающимися со стенами из дорогого известкового пенобетона.

Парадные «врата» обоих небоскребов располагались друг против друга, разделенные относительно не крупной, примерно двадцать на сорок метров, площадкой, мощенной грубо обработанным камнем по образу площади перед московским Кремлем. Прямо по центру высился скульптурный ансамбль – небольшой памятник трем великим людям, создавшим этот мир таким, каков он был.

Айвен задержался почти на три-четыре минуты, рассматривая памятный комплекс так, словно видел его впервые, хотя писатель явно не единожды бывал здесь и должен был выучить мельчайшие подробности ландшафта наизусть.

Карл Маркс и его сподвижники – голландец немецкого происхождения Зеус де Рейтер и американец Харли Таккетман. Первый – доктор экономических наук, «врачеватель мировой экономики», посвятивший десятилетия подробнейшему анатомированию экономического механизма, вскрывший его недостатки и предсказавший мрачное будущее. Второй – создатель теории «национального социального капитализма». И третий – автор доктрины «равновесной экономики сглаженного цикла».

Диагност, определивший симптомы, фармацевт, выписавший лекарство, хирург, удаливший язву.

– Айвен, нам пора. – Ютта хотела тронуть его за плечо, но не решилась. Некое родство душ, то, что казалось естественным в минуты их уединения, на тенистых улицах, было неуместным и даже непозволительно фривольным здесь, в окружении деловых людей, в деловом сердце города.

– Да, конечно... – Айвен сделал движение, словно стряхивал морок. – Каждый раз, когда бываю здесь, смотрю на них. Все-таки удивительно это...

– Удивительно? – не поняла Ютта.

– Да, – коротко ответил Айвен, определенно не собираясь развивать тему дальше. Он шагнул к «Фалькенштейну» и добавил, не то в шутку, не то серьезно. – Ну что же, вот и пришло время вам встать на страже моих интересов...

На входе из большой «вертушки» вращающейся двери на них вылетел некий заполошенный человек, сжимавший стопку бумаг. Ютта чуть замешкалась, но Айвен быстрым ловким жестом подхватил ее под руку и увел от столкновения. Человек споткнулся и, потеряв равновесие, взмахнул руками, бумаги разлетелись по ступеням. Он бросился поднимать их, одновременно рассыпаясь в извинениях на немецком с сильным акцентом уроженца южных земель. Идущие мимо ловко обходили его, все как один – с выражением крайней занятости на лицах.

– Поможем, – произнес Айвен, не спрашивая, но сообщая.

Пока Ютта прикидывала, как же она может помочь, не роняя достоинства и портфеля, Тайрент быстро собрал оставшиеся документы, в два движения подровнял стопку и отдал их уронившему. При внимательном рассмотрении тот оказался низеньким, полным, слегка кривоногим человеком, возрастом где-то за пятьдесят.

– Спасибо, спасибо... – как заведенный повторял он, явно чувствуя себя очень неловко. – Спасибо и извините, я вас едва не сбил с ног... я был так невнимателен!

– Ничего страшного, – сдержанно, но доброжелательно ответил Тайрент.

– Айвен! – уже с легкой тревогой повторила Ютта, времени оставалось в обрез.

– Губерт, Губерт Цахес, – представился меж тем толстяк. Одной рукой прижимая к груди так и норовившую рассыпаться стопку своих документов, другой он порылся в кармане и протянул Айвену небольшой прямоугольник тонкого белого картона. – Заходите, будем рады.

– Спасибо и до свидания, – сдержанно поблагодарил Айвен. Губерт Цахес засеменил на своих коротких ножках далее, поминутно оглядываясь, его дальнейшие «спасибо» и «до свидания» тонули в городском шуме.

– Станный человек, – пожал плечами Айвен. – «Приют для слепых детей имени Густава Рюгена», – прочитал он на карточке. – При чем здесь дети?.. Впрочем, идемте.

Внутри издательский дом Фалькенштейна был так же современен и внушителен, как и снаружи. Пышный, помпезный стиль сороковых, раскрашенных в темно-красные и багровые цвета, с гнутыми ножками и спинками мебели, обилием полированного дерева, тяжелых штор и драпировки стен тканью канул в Лету. Ныне баловали легкость, модерн и строгий минимализм – столы со стеклянными панелями, металлические стулья анатомической формы, тонкие формы со сглаженными углами. Огромный зал первого этажа был выдержан в той же изумрудно-зеленой гамме, что и все здание снаружи, и Ютте казалось, что они попали в какой-то аквариум, заполненный рыбами-клерками и рыбами-посетителями.

Писатель и адвокат прошли к лифтам, миновав новую статую, на сей раз основателя дома – Исаака Фалькенштейна, по легенде первым пригласившего Иоанна Гуттенберга в Барнумбург, который до того времени был лишь одним из многих европейских городков. Мраморный Исаак приглашающе простирает к посетителям руки, сжимавшие мраморную же инкунабулу.

Весь модерн закончился в лифте, старомодном, обитом изнутри красным бархатом и позолоченными гвоздиками, с массивными металлическими решетками в виде хитро изогну-

тых растительных орнаментов. Здесь был даже «гарсон»-консьерж вместо привычной панели с кнопками.

«Гарсон» повернул рычаг, и кабина вознеслась на тридцать пятый этаж, целиком занятый под резиденцию Саула Фалькенштейна, патриарха дома. Легендарный издатель, занимавшийся своим делом еще на заре века, почтил самого доходного из своей когорты писателей личной аудиенцией. Старик крайне редко снисходил до общения с кем-либо кроме представителей департамента по сбору податей или таких же древних, как он, коллег из Городского Совета. Его желание лицезреть господина Тайрента лично говорило об очень высоком статусе писателя и значимости вопросов, подлежащих обсуждению.

И о статусе его адвоката, понадеялась Ютта.

Она была далеко не новичком в разного рода деловых переговорах, но подобного ей видеть еще не доводилось.

Резиденция патриарха занимала почти четверть этажа, но из-за обилия вещей походила на нечто среднее между лавкой старьевщика и забытым семейным складом. Бюро красного дерева соседствовало со вполне современного вида шкафом-каталогизатором, старый изограф небрежно громоздился на ветхой книжной этажерке, забитой старинными книгами. По-видимому, хозяин придерживался стратегии – если бумаги начинают мешать, следует завести для них дополнительный стол. Таковых Ютта насчитала не менее пяти, и все как один погребены под горами папок и бумаг. Широкий дубовый стол, покрытый потертым зеленым сукном, высокое председательское кресло и несколько резных стульев располагались на единственном свободном от вещей пяталке. Портьеры, пыльные даже на вид, стоически отражали атаки солнечного света, и в зале царил полумрак, скрадывавший черты лица маленького сухонького старичка, сидевшего в кресле. Фалькенштейн был похож на ростовщика, собирающего фунты христианской плоти, но никак не на преуспевающего бизнесмена.

В первые минуты Ютта удивилась и даже слегка обрадовалась – Саул принял их единолично, без сопровождения команды вышколенных помощников. Но это была самонадеянность юности и неопытности, в чем она очень быстро убедилась. Старый пират издательского бизнеса давным-давно не нуждался в советах, консультациях и подсказках. Но точно так же в оных не нуждался и Тайрент. Предполагалось, что писатель должен молчаливо присутствовать и символизировать, однако Айвен с легкой, небрежной властью, мягко, но решительно отсек ее от переговоров. Старый прожженный еврей французского происхождения и средних лет русский сидели в одинаковых позах ложной расслабленности, разделенные столом, буравя друг друга внимательными острыми взглядами.

Писатель и издатель общались безукоризненно ровно и вежливо, ни на йоту не повышая голос, на хорошем немецком, но воздух между ними, казалось, вибрировал от скрытого напряжения, искрился от столкновения непреклонных волей.

Господин Тайрент должен понимать, в каком сложном и неловком положении оказывается дом Фалькенштейнов, терпеливо объяснял Саул. Предыдущие три книги разошлись огромными тиражами и привлекли внимание миллионов на пяти континентах, но не следует забывать, что основная доля читателей приходится на Старый Свет. Новая книга, предоставленная на редакторское рассмотрение, так же как и синопсис запланированных продолжений, носят очень специфический характер. «Страшная трилогия» вызвала скандальный, но стабильный интерес, однако описание новых историй этого «альтернативного» мира породит настоящую бурю. Минимум на что следует рассчитывать – волну возмущений общественного мнения Пангерманского Союза за описание крайне неблагоприятного развития этого... национал-социализма. Далее – возмущение Франции за описание стремительного разгрома страны германскими войсками и общего пораженческого духа, охватившего нацию. Конечно, в Конфедерации и России читательский интерес, наоборот, пойдет на подъем по вполне понятным причинам, но это никак не компенсирует потерь европейской аудитории и многочисленных исков,

совершенно неизбежных в такого рода ситуации... Разумеется, издательский дом никоим образом не намерен вмешиваться в творческий процесс, но все же... Не задумается ли господин Тайрент относительно некоторого пересмотра основных идей и сюжетных линий своих новых книг? На благо светлого коммерческого будущего проекта. А для того, чтобы муза творческого вдохновения не покинула автора в самый неподходящий момент, «Фалькенштейн» готов приманить это эфемерное создание, усладив его слух звоном достойного аванса в той валюте, которую господин Тайрент сочтет наиболее соответствующей моменту.

Безусловно, отвечал господин Тайрент, пожелания господина Фалькенштейна разумны и продиктованы отеческой заботой о судьбе общего проекта, объединившего скромные творческие способности самого Айвена и издательский гений Саула. Он, Айвен, прекрасно понимает мотивацию старого доброго партнера и разделяет его опасения.

Но...

«Мне кажется, так будет лучше», – с обезоруживающей простотой сказал писатель, и в его глазах снова прыгнули веселые чертенья, как в тот момент, когда он впервые услышал ее фамилию. Добрый друг Саул должен понять, что логика развития альтернативного мира уже живет собственной жизнью и диктует именно такой ход событий, каким бы невероятным и невозможным он ни казался.

Добрый друг Саул понимал, но тем не менее считал необходимым высказать определенные пожелания. Почтенный автор Айвен проникался их точностью и справедливостью, но никак не мог переступить свое творческое «Я».

Когда цикл закончил третий круг, Саул сменил тактику, решив рубить гордиев узел в один прием.

– Айвен, – с отеческой улыбкой сказал он, слегка потирая сухонькие ладошки. – Давайте начистоту и прямо. Первые три книги описывали немыслимое, но пошли на ура. Мы рискнули, выиграли, и результат приятно зазвенел в наших карманах. То, что вы предлагаете сейчас, как литература – выше всяких похвал. Но как источник дохода – никуда не годится, проблем и расходов будет гораздо больше, чем профита. Перепишите их, и вы озолотитесь. Я сделаю вам ставку с экземпляра, которую не получал никто и никогда, плюс процент с общего дохода. Соглашайтесь, или вы огорчите меня до полной потери душевного равновесия, а я старый человек, я не могу без него работать.

Айвен думал не дольше минуты, слегка шевеля губами, словно проговаривая ответ. И наконец ответил.

– Саул, я ценю вашу откровенность и отвечу тем же. Видите ли... Во-первых, я совершенно не умею торговаться. С детства. Я всегда заранее отмеряю приемлемый для меня потолок условий и следую ему. А во-вторых, вопрос максимальной прибыли никогда не был для меня определяющим.

На лице издателя, до сего момента вежливо-бесстрастным, отразилось выражение священного ужаса, сменившееся стоической безнадежностью. Фалькенштейн откинулся на высокую спинку кресла и слегка всплеснул руками, словно признавая бессилие разума и здравого рассудка перед хтонической мощью пренебрежения *прибылью*.

– Видите ли, – продолжал писатель, – я уже вполне состоятельный человек, поэтому могу себе позволить пренебречь некоторой недополученной суммой. Сейчас для меня важнее издать мои новые истории именно в таком виде, в каком они написаны. Я берегу ваше душевное равновесие, поэтому, чтобы не лишать дом Фалькенштейнов вашего мудрого руководства, я могу обратиться в одно из американских или русских издательств. Как вы совершенно справедливо заметили, там новый поворот повествования не воспримут столь болезненно.

– Вас засудят немцы и французы, – констатировал Саул. – И возмущенная общественность, и официальная цензура. Айвен, с такой манерой ведения дел вы пойдете по миру.

– Отнюдь, – усмехнулся русский. – Поскольку на самом деле я никуда не обращаюсь. А юристов наймете вы.

– Неужели? – приподнял бровь Фалькенштейн.

– Саул, – улыбка Айвена стала еще шире, – вы ведь издаете прямо и через подставные фирмы три четверти европейских таблоидов и наверняка знаете – нет *плохой* известности, больше скандала – больше продаж. Более половины вложений в любую книгу составляет ее реклама, а в этом случае рекламировать нас будут целых две страны, причем за свой счет. То, что ваше издательство потеряет на евторынке, оно доберет на общемировом.

– А моя репутация?

– Саул, вы удивитесь, если узнаете, как много можно почерпнуть из внимательного чтения газет и ведомственных бюллетеней, таких как, скажем, «Вестник книжных новинок». У «Фалькенштейна» как минимум три подставных издательских фирмы, которые выполняют заказы, не соответствующие репутации «лица» консорциума. Причем одна – в Конфедерации. Вы уже подумали, какое из двух других будет разгромлено... э-э-э... *возмущенной общественностью*, как это будет подано в прессе и сколько можно будет списать на это вопиющее деяние?

Фалькенштейн ушел в свое кресло как подводная лодка на глубину, посверкивая маленькими умными глазками, сложив пальцы «домиком».

– Господин Тайрент... – Он сделал паузу, и Ютта подумала, что на том беседа и закончится. – ...А чем вы занимались ранее, так сказать, в прошлой жизни? – неожиданно спросил издатель. – Ваше умение зреть в корень и вести жесткие переговоры выдают человека делового склада ума. И опытного...

– Разными вещами, – скромно ответил Айвен. – Весьма разными.

– Понимаю. Если надумаете расширить сферу деятельности, обращайтесь ко мне, мы договоримся, – сказал Саул и решительно закончил. – По рукам. Я тоже не люблю торговаться сверх необходимого. Первый тираж – сто тысяч совокупно, далее допечатки по результатам продаж. Полторы марки с экземпляра плюс три процента с общей выручки после выплаты городских налогов. Больше не дам, идите к американцам или русским.

– Договорились, – сказал Тайрент, вставая и протягивая издателю руку, тонкие старческие пальцы Саула с распухшими суставами утонули в его широкой ладони.

Глава 8

Семейный кризис

7 августа, день четвертый

Первый день отпуска Таланова-младшего начался и развивался в точности так, как он надеялся, шагая в жаре и пыли далеких южных стран – в кругу любящей семьи, беззаботно и радужно. Солидный сытный завтрак сменился чаем с вареньем и легкой, добродушной беседой ни о чем. На волне всеобщего хорошего настроения даже мытье посуды из тягостной обязанности превратилось в очень увлекательный процесс, почти что игру на четверых. Мужчины, большой и маленький, мыли, женщины вытирали посуду, вилки, ложки и расставляли по положенным местам. Хлопья пены, веселые замечания, смех и шутки летали по всей кухне, на пике веселья едва не разбили супницу «с петухами и лягушками», но все обошлось.

Завтрак закончился, кухня сияла чистотой как в первый день ее сотворения, стрелки часов незаметно подкрались к десяти утра. Настало время составления Плана – чем же заняться дальше...

«Когда Аллах создавал время, он создал его достаточно», – вспомнил Виктор одну старую поговорку. Эти мудрые слова в полной мере относились ко дню сегодняшнему, а также распространялись на три следующие недели.

Можно было пойти на Ярмарку ремесел, что проводилась в Муроме каждый год в августе, собирая множество людей со всей губернии. Можно было сходить в кинограф, что не так давно открылся после капитальной реставрации. Можно было просто гулять, заходить в разные общественные места, есть вкусные вещи и вообще радоваться жизни. После недолгого совещания объединенным решением Талановы постановили отдаться на волю случая и настроения.

В этот момент и прозвенел первый звоночек, на который Виктору следовало обратить внимание. Марина всегда исповедовала стратегию дозирования удовольствий. Если, допустим, на семью покупалось по десять яблок на каждого, Виктор предпочитал выдавать каждому его долю сразу, а там уже как хозяин решит. Жена, наоборот, стремилась к целевому распределению по определенному графику. Так и сейчас, в силу естественной природы вещей, Марина должна была предложить составить некое расписание, так, чтобы на каждый день приходилось какое-нибудь развлечение, существенное, но одно. Однако на этот раз привычный ход событий сломался, и жена не выступила против лозунга «Все и сразу!».

День оказался однозначно перегружен событиями. Хронологически он включил в себя поход на Ярмарку, посещение двух кафе, одной кондитерской и одной мороженой лавки, катание на почти десятке разнообразных аттракционов, закупку бесконечного ассортимента безделушек и сувениров. И, конечно же, поход на кинографическое зрелище.

Таланов заколебался перед кассой – день клонился к вечеру, накормленные, напоенные, накатанные на каруселях и «чертовых колесах», навьюченные пакетами с подарками и сладостями дети откровенно устали.

Но...

Это был «Челюскин»! Самый дорогой фильм в истории отечественного кинографа, самый скандальный фильм года, запрещенный к прокату в Британии, самый зрелищный фильм десятилетия, что скрипя зубами признали даже в Лос-Анджелесском кинографическом консорциуме.

Разве можно было пройти мимо кассы?

Дети – очень ловкие и хитрые манипуляторы, за редкими исключениями тонко чувствующие психическое состояние родителей. Пакеты и подарки совершенно не мешали Диме и Маше сковать отца в объятиях, зацеловать и утопить в искренних «папочка, ты такой замечательный, ну пожа-а-а-алуйста!».

И здесь прозвенел второй звоночек, который Виктор должен был услышать, но, расслабленный долгожданным спокойствием мирной жизни, не услышал. Жена не сказала ни слова, лишь неодобрительно сдвинула брови. А Марина, при всей любви к детям, всегда стремилась пресекать корыстные детские манипуляции на святых родительских чувствах.

К их большой удаче, фильм шел в прокате почти месяц, поэтому билеты удалось купить без проблем и на хорошие места. И «Челюскин» однозначно того стоил!

Действие фильма двигалось к финалу, Матусевич и Колесниченко пытались открыть заклиненный замок на переходнике в «Британник». Машинное отделение английского «ныряльщика» уже было затоплено, вода хлынула на капитанский мостик и в жилой отсек. Пылинки танцевали в конусе света кинографического проектора. Виктор скосил глаза – Дима сидел выпрямившись, сдвинувшись на самый краешек кресла, казалось, ловя происходящее не только глазами и ушами, но всем телом. Таланов-старший поневоле вспомнил свое не такое уж и далекое детство, когда кинограф еще назывался синематографом, к огромным катушкам с пленками прилагались пластинки со звуковым сопровождением, а стрекот проекторов по громкости мог посоперничать с пулеметной очередью. Быстро бежит время – вот киноделы

уже обещают скорое пришествие объемного звука, а черно-белая картинка стала анахронизмом, как и сопроводительные пластинки.

На экране штурман Марков резал междутсечный люк «мокрой сваркой», еще не зная, что его подключаемый скафандр поврежден и быстро теряет кислород через «сбрую». Ляпидевский, ориентируясь по командам Аркадия Шафрана, ловко оперировал маневровыми своего «водомера», стараясь удержаться над рубкой «Британника» – затонувшей английской субмарины. Решетников и Кренкель спешно облачали механика Филиппова в новейший экспериментальный автономный скафандр «больших глубин».

«Вот ведь какие были времена, – подумал Виктор, – даже две-три сотни метров уже считались солидной глубиной, а подлодка, способная опуститься на километр и далее, – чудом технической мысли, делом далекого будущего. И всего каких-то тридцать лет назад, даже меньше...»

В темноте он накрыл рукой ладонь жены и слегка сжал ее пальцы в нежном прикосновении, она склонилась к нему и по-кошачьи потерлась щекой о его плечо. Виктор удовлетворенно вздохнул и обнял ее, прижав крепче.

Среди морпехов, с которыми аэродесантнику неоднократно доводилось сталкиваться по роду службы, циркулировали давние и устойчивые слухи том, что эпопея «Челюскина» и «Британника» на самом деле довольно сильно отличалась от общепринятой версии. Молва скупо упоминала жестокую схватку в глубинах моря за некие стратегические секреты, торпедные атаки неведомых субмарин и эпизодические «огневые контакты» между британскими крейсерами и кораблями Первой Ударной группы Северного Флота. Но на то она и молва, чтобы умалчивать, недоговаривать и напускать туман.

Хотя то, что Шафран стал одним из первых операторов телеуправляемых военных автоматов-минеров, было объективным фактом. Таланов-старший пару раз привлекал старого ветерана подводных батальонов как частного консультанта – после «военных тревог» и очередного передела морских просторов в сороковых годах некоторые районы Атлантического океана стали довольно опасным для рыболовства местом из-за обилия разнокалиберных мин и донных мино-торпед.

Фильм закончился вполне официально – счастливым концом с некоторой долей умеренно-пафосной грусти по двум погибшим «челюскинцам». Возбужденная толпа зрителей высыпала на улицу, в ее потоке Дима едва не потерялся, но Виктор вовремя поймал его за хлястик легкой летней курточки.

Было еще не слишком поздно, но день уже клонился к закату, дети совсем устали, и отец скомандовал сигнал к отступлению в родную гавань.

Слово за словом, дело за делом – возвращение, разбор подарков и покупок, ужин, умывание детей, укладывание их в постели и неперменные сказки, каждому свою, по возрасту и полу. За этой милой суетой Виктор потерял счет времени. Вечер властно вступил в свои права, укрыв дом и сад пологом сумерек, когда он наконец вымолвил:

– И вот так Морской Дракон остался без обезьяньей печени! Вот и сказке конец.

И подмигнул сыну. Дима укрылся одеялом выше некуда, как бы испугавшись стр-р-рашной истории о Драконе, Обезьяне и Черепахе, но над ворсинками одеяла задорно и совсем без страха поблескивали восторженные глазенки.

– Пап, а ты завтра еще расскажешь сказку? – произнес он вроде бы вопросительно, но чуткий отцовский слух уловил скорее утверждение-указание.

– Расскажу. А теперь спи, – тепло улыбнулся Виктор, еще раз поцеловал сына в лоб и, заботливо поправив край одеяла, вышел из детской, не забыв оставить ночник включенным. Дима всегда боялся темноты.

Детская располагалась на втором этаже и уже больше года находилась в полном распоряжении самого младшего. Маше, как человеку уже, безусловно, взрослому, на ее прошедшем

дне рождения семейный совет постановил выделить собственную комнату, которую девочка обживала неторопливо и основательно.

Таланов спустился по старой скрипучей лестнице, как обычно сделав себе зарок – сменить часть ступенек. Для гарантии решил обязательно записать задание, прямо сейчас, чтобы не забыть – благое устремление регулярно посещало его уже лет пять, благополучно забываясь за прочими хлопотами.

Записать в блокноте про лестницу, затем легкий ужин, далее – по обстоятельствам. Улыбаясь фривольным мыслям, Виктор прошел в кухню и понял, что ужин отменяется.

Таланов достаточно сильно устал морально от тягот далеких южных приключений и ослабился в теплой домашней атмосфере, но тем не менее в наблюдательности ему отказать было нельзя. С порога он отметил напряженную позу жены, сидящей за столом, лицом ко входу, ее сцепленные пальцы и строго-решительное выражение лица. Несообразности дня, не осознаваемые разумом, но откладывающиеся в копилку подсознания, мгновенно всплыли на поверхность, объединились с видимым и сложились в законченную картину. Таланов понял, что насчет безмятежного отдыха он немного поторопился. Оценил ее новую прическу, которую жена соорудила, пока он читал детям, вместо распущенных по плечам черных локонов – строгий зачес назад, закрепленный массивным гребнем. Понял, что поторопился не «немного», а весьма сильно.

– Виктор, надо поговорить, – произнесла она решительно, словно давно отрепетировав.

– Давай, поговорим, – осторожно согласился он, присаживаясь на стул, гадая, что же могло стать поводом для такого поворота событий.

Она смотрела в стол, постукивая по столешнице костяшками сцепленных в замок пальцев. Лицо ее было внешне спокойным, лишь поджатые губы и сосредоточенно нахмуренные брови выдавали не то душевное смятение, не то напряженную работу мысли.

Таланов терпеливо ждал, смиряя некоторую растерянность.

– Виктор, – решила она наконец. – Скажи, я была хорошей женой?

– Да, – односложно ответил Виктор. Хотел было добавить несколько совершенно искренних комплиментов, но одумался. Нельзя сказать, чтобы в их семейной жизни вообще не было ссор, но Виктор и Марина любили друг друга и проводили в обществе друг друга не так много времени, чтобы тратить его на затяжные конфликты. Происходившее ныне, на его глазах, радикально отличалось от всех прежних неурядиц, временами раскачивавших семейный корабль.

– Я долго думала, не один даже месяц, – продолжала она решительным тоном и с очень собранным видом. «Однозначно, эту речь она весьма долго репетировала», – подумал он. – Витя... Виктор. Я не могу так больше.

Она мгновение помолчала, вздохнула, словно собираясь с силами, пальцы побелели от напряжения.

– Когда я выходила за тебя замуж, мы оба были романтичны и наивны. Но с тех пор прошло время... много времени. Почти десять лет жизни... И ничего не изменилось.

– Милая... – С этими словами Таланов протянул руку, чтобы накрыть ее ладони, как давеча в кинографе, но Марина резко отдернула их, убрала под стол, словно его прикосновение было ей физически неприятно. Рука Виктора повисла над столом.

– Нет, – коротко и жестко сказала она, словно хлестнула кнутом. – Нет. Слушай.

Виктор убрал руку, кивнул, молча соглашаясь. На душу словно плеснули чернильной кляксой.

– Ты был военным, уезжал «в командировку» на недели, иногда месяцы, – продолжала она, все так же устремив неподвижный сфокусированный взгляд в стол, словно проговаривая старательно заученный текст, да так оно наверняка и было. – Потом возвращался, отшучивался, иногда долечивал раны. Я ведь не дура, я смотрю новости, читаю газеты, я знаю, где стреляют и ранят. Военная тайна? Знаю. Но это все равно оскорбительно – видеть свежий

шрам от пули и слышать сказку о том, как тебе случайно «засаживали картечину» на генеральской охоте.

Таланов в замешательстве потер лоб. Да, та отговорка и в самом деле была не очень удачной, но Марина выбрала очень уж неподходящий момент для расспросов. Все придуманные заранее объяснения выветрились из головы, он сказал первое, что пришло в голову. Сказал и почти сразу же забыл, а она, получается, не забыла...

– Я устала, – вымолвила она и наконец посмотрела ему в глаза. – Я устала оттого, что все идет по одному и тому же кругу, год за годом. Ты понемногу растешь в званиях, но от этого ничего не меняется.

Предупреждая его порыв, замершие на кончике языка слова, она резко подняла руку, выставила вперед ладонь, словно ставя невидимую преграду.

– Нет! – повторила она все с той же интонацией хлещущего кнута. – Я все знаю. Ведь я твоя жена. Я знаю все, что ты скажешь. Про долг, честь офицера, патриотизм, будущее с чинами и званиями... Но я не хочу этого слышать. Уже не хочу.

– Неожиданный... разговор. – Виктор воспользовался ее паузой и вставил наконец свое слово. – Марин, может быть, стоило все обсудить немного пораньше? Или, давай, позже?.. Сейчас не очень хороший момент...

– Да, конечно, – с горечью произнесла она и с неожиданной едкой злостью повторила. – *Не очень хороший.* А какой хороший? Сколько раз я пыталась завести с тобой разговор на эту... об этом? Первый раз – три года назад, когда Савелий Сергеевич предложил тебе оставить службу и продолжить семейное дело, помнишь?..

– Я думал, мы все обсудили, ты все поняла, согласилась... – с растерянностью сказал Виктор, стараясь собраться с мыслями.

– Да, я все поняла... – все с той же горечью и с тем же сарказмом протянула она. – Я ведь всегда все понимала. Но с тех пор прошло время, тебе не один раз предлагали разные другие вещи! – От сдерживаемого волнения ее речь стала чуть сбивчивой. – И снова твои отговорки, шутки и... командировки. Я устала. Я больше не могу.

Она замолчала, молчал и он, не находя слов. Виктор был смелым человеком, решительным командиром, которому не раз и не два доводилось видеть смерть и делать ей козью морду. Но всегда он знал, чувствовал, что за спиной у него дом, семья и любящая жена. То, что он сейчас чувствовал, было схоже с внезапным ударом волны, которая напором миллионов тонн воды сносит прочнейшую плотину. Он видел такое во времена пикового противостояния с бриттами вокруг Родезии.

Было – и в одночасье не стало. Лишь мутная вода и жадные водовороты на месте прочной и надежной постройки.

– Я не хотела откладывать этот разговор, думала, что мы все обсудим еще утром, но дети... – Она полностью вернула себе душевное равновесие или хотя бы его видимость. – ... Они были так рады, так ждали тебя. Я отложила на вечер. Виктор...

Он видел, что она запнулась, словно потеряв нить рассуждений, заколебалась, подбирая ускользающие слова. Он хотел было воспользоваться моментом, вставить слово, постараться разубедить ее, отложить грядущий ультиматум, который уже предчувствовал. Но какой-то древний инстинкт подсказал ему, что Марина слишком долго обдумывала этот разговор, слишком много вложила в него. Если сейчас муж перебьет ее, сломает выстроенный порядок слов, она возненавидит его. И он промолчал, просто слушая.

– Виктор, – повторила она, – завтра мы уедем на два дня в Оренбург, я и дети. К моим родителям. Когда мы вернемся, ты скажешь... скажешь, что решил. Если ты выберешь свою службу... – Она умолкла, обхватила виски, словно выжимая из головы все сомнения, и решительно закончила. – Тогда мы расстанемся. Я готова быть с тобой всегда, во всех испытаниях,

пойдешь ты к отцу или начнешь новую жизнь. Пусть даже мелким служащим. Кем угодно. Но я не хочу... Я не буду делить тебя с войной.

Таланов-младший включил газовую плиту и набрал полный чайник воды. Поставил чайник на огонь, по привычке приготовил заварку. Мода на африканско-шустовский кофе шагала по стране семимильной поступью, но в доме Талановых оставались верны традиционному «семейному» чаю. Готовили его тоже традиционно – сам чай, щепоть бергамота и немного разных полезных и ароматных трав, в первую очередь мяты.

Таланов-старший едва ли не плевался от такой смеси, объявляя ее мерзостью пред чайным этикетом и традициями, но дети обожали, называя «бегемотовым чаем», и старик со временем смирился с неизбежностью.

Травы и чай были в наличии, но бергамот куда-то запропастился. Пока Виктор искал жестяную баночку на дальних полках, чайник закипел. В конце концов Таланов решил обойтись без «бегемота». Он залил заварку кипятком, как обычно – доверху, оставив лишь чуть-чуть свободного места под крышкой, для паровой «подушки». И уже накрыв крышкой, подумал – а зачем так много?... В этом доме чайник всегда наполнялся доверху, на четверых или пятерых, иногда на троих, когда оба мужчины были в отъезде, и в доме оставались только женщина и дети.

Но теперь он один, время пересматривать привычки.

Переживать крушения планов ему доводилось не в первой, в конце концов каждый военный действующей армии знает, что такое сломавшийся порядок операции, но здесь случилось нечто совершенно иное. Как и большинство военных, Виктор был консерватором и не любил неожиданных перемен.

Позавчера, утром среды, в его жизни все было замечательно и пасторально. Сегодня, утром пятницы, все... стало иным. Независимо от решения, которое ему суждено было принять, его жизнь уже необратимо изменилась.

Виктор отхлебнул чай. Ароматный напиток пился, как болотная жижа, оставляя во рту вяжущий мерзкий привкус, липким комом проваливаясь в желудок. С каким-то детским недоверием Виктор вслушался в тишину опустевшего дома.

Эту ночь Таланов провел все на том же диване в гостевой, который стал уже почти привычным. Утром Марина собрала детей, и они уехали. Маша и Дима сначала повозмущались, но, соблазненные обещанием оренбургских приключений, быстро сдались. Виктор через силу благословил родных, наказал детям слушаться маму, деда с бабушкой и возвращаться поскорее. Он почти не спал ночью, до конца надеясь, что Марина передумает, что все происшедшее минувшим вечером – лишь досадное недоразумение, обидная, но преходящая шутка судьбы. Но он ошибался, во всем облике жены, в каждом ее слове и жесте сквозила непреклонная решимость. Женщины редко идут до конца, всегда стараясь оставить путь к отступлению, но на этот раз Марина, совсем как бывалый воин, сожгла все мосты.

Он проводил их и посадил на автопоезд. Когда солидный тягач, порывивая мощным дизелем, тронулся, вытягивая за собой короткую вереницу вагончиков, Виктор, в нарушение всех правил безопасности, шел рядом с их вагоном. Шел, не слушая визгливого пересвиста сигнала, пока тягач набирал скорость, всматриваясь в родные лица. Марина терялась в глубине купе, ее он не видел, но две улыбающиеся, смеющиеся детские рожицы прилипли к широкому окну, расплющив носы о стекло. Веснушки, растрепанные волосы, милые, любимые лица.

Таковыми Виктор запомнил своих детей навсегда. Таковыми вспомнил, когда пришел его страшный смертный час.

Глава 9

Сигнальный огонь

В нарушение давным-давно установившегося распорядка дня, в нарушение собственной природы Ютта проснулась очень рано.

Первые мгновения она не понимала, где находится, – затуманенный сном разум отказывался воспринимать действительность. Одно было ясно – она дома. Но почему она так рано проснулась? Часы тихо-тихо отстукивали секунды, их панно, едва освещенное бледно-синим свечением «морского фосфора», показывало половину четвертого. Легкий шорох, исходящий от окна, привлек ее внимание. Прижимая к груди простыню, Ютта повернулась и увидела Айвена.

Писатель сидел в пол-оборота у приоткрытого окна и курил. Красная точка тлеющей сигареты и неяркий уличный фонарь освещали его лицо смешанным светом, превращая в подобие странной африканской маски, которые она видела в Городском Музее – со скорбно опущенными уголками губ, гротескными чертами и темными провалами вокруг глаз. Он обернул вокруг бедер полотенце, игра света и ночных теней четко выделяли рельефный торс, который более подошел бы атлету нежели человеку творческого труда.

Он снова затянулся, алый огонек, венчающий сигарету, вспыхнул яркой точкой. Айвен смотрел прямо на нее.

– Вот ведь как странно получается, – негромко сказал он, – одиннадцать часов – это еще вечер, но три часа – это уже утро, пусть и очень раннее. Сколько же остается той ночи?.. Доброе утро, Ютта.

Он произносил ее имя немного непривычно, как бы с одним «т», а «Ю» более походило на «У». В сочетании с его смягченными гласными выходило очень мягко, почти нежно.

Женщина закрылась простыней, надеясь, что тьма скроет густую краску, залившую ее по самые брови. Она вспомнила все.

После достаточно короткого, но крайне жесткого «поединка» между Тайрентом и Фалькенштейном Айвен как-то сразу потерял зримый интерес к происходящему, отдалился, полностью уйдя в свои мысли. Годы опыта не прошли даром – Ютта, напряженно следившая за ходом переговоров, все поняла правильно и практически без паузы вступила в игру. Беседа перешла на сугубо профессиональную тему, в которой она, ассоциат-«переговорщик», чувствовала себя вполне уверенно. Если принципиальные моменты издатель и писатель урегулировали от силы за три четверти часа, то разнообразные мелочи, касающиеся тонкостей перевода денег, комиссионных посредника, разнообразных неустоек и регламента предоставления следующих двух частей новой трилогии затянули встречу сильно за полдень. Стилизованная под перо авторучка порхала в тонких пальцах Ютты, покрывая белоснежные листы блокнота вязью чернильных заметок. Фалькенштейн занудно, с мировой тоской в голосе жаловался на неприкрытый грабеж и беспутную молодежь, готовую пустить по миру доверчивого старика. Айвен неприкрыто скучал, лишь однажды процитировал: «дьявол в мелочах».

Наконец встреча закончилась. Адвокат и издатель еще раз кратко просмотрели весь список обсуждаемых тезисов. Неожиданно пробудившийся от летаргии писатель задал два точных вопроса относительно срочности прав издателя и согласования художественного оформления. Тайрент особо оговорил и потребовал включения в текст договора, что все рисунки и символика обрисовываются строго по его наброскам, приложенным к тексту, и принимаются только после одобрения в письменной форме.

На этом встреча закончилась.

– Теперь нам необходимо посетить «Гуттенберг», – сказала Ютта, когда они покинули «Фалькенштейн». – Все оговоренное следует надлежащим образом зафиксировать.

– Фиксировать, так фиксировать, – отозвался Айвен. Он снова унесся мыслями куда-то очень далеко и совершенно не проявлял интереса к самому, с точки зрения адвоката, интересному – юридическому сопровождению дела.

– Давайте поступим следующим образом, – внезапно предложил он. – Займитесь этим самостоятельно, тем более что в вашем профессионализме я уже убедился.

От неожиданности она остановилась, прямо в центре площади между небоскребами. Медный Маркс, казалось, ухмыляется прямо ей в лицо.

– Айвен, вы все-таки решили погубить мою карьеру? – просто спросила она.

– Нет, на самом деле я даю ей сокрушительный толчок, – произнес Айвен, слегка щурясь от солнца. Слово «сокрушительный» в контексте прозвучало весьма угрожающе. – Я настолько доверяю вам, что оставляю на ваше полное попечение все важнейшие вопросы. Соответственно, я в высшей степени доверяю конторе, которая мудро и прозорливо подбирает таких достойных сотрудников. Уверяю, старшие партнеры все оценят правильно.

– Если вы настаиваете... – неуверенно начала она.

– Настаиваю, – веско сказал он и, со значением подняв ладонь, продолжил. – Но эта услуга будет вам стоить весьма дорого! В качестве компенсации я хотел бы вас куда-нибудь пригласить.

Ютта вздохнула, крепко перехватила ручку портфеля. Еще раз вздохнула, прогоняя в уме вежливый отказ.

– Господин Тайрент, вы человек эксцентричный и необычный, – твердо сказала она. – Но мне надоело угадывать порывы вашего настроения и подстраиваться под них. Пожалуйста, давайте сядем на поезд или такси, проедем к «Гуттенбергу», завершим все формальности. Завтра мы вернемся сюда, пройдем в здание напротив, оформим банковский перевод и на том завершим.

– Наличные, – рассеянно отозвался он. Писатель, казалось, напряженно думал.

– Что? – не поняла она.

– Наличные, – повторил он, – я не верю в банковские переводы. Я верю в наличные, лучше золотом. Но я понял вас, – сказал он, упреждая ее новую тираду. – Наверное, опять проявил себя не с лучшей стороны, поэтому я объяснюсь. Давайте присядем здесь, неподалеку. За углом слева есть очень симпатичное кафе.

Женщина колебалась.

– Пожалуйста, – попросил он.

Кафе и в самом деле оказалось вполне приличным, впрочем, иного в деловом центре ожидать и не приходилось. Оно было выдержано в средиземноморских традициях и декорировано виноградной лозой. Время обеденного перерыва еще не наступило, поэтому писатель и адвокат были почти в одиночестве, не считая пары старичков в старомодных жилетах и галстуках-бабочках.

Айвен предупредительно отодвинул плетеный стул, принял ее портфель, поставив его на стул рядом. Принесли кофе, ее любимый, шустовско-африканский. Пользуясь случаем, она закурила, как обычно, короткую «безвредную» папироску с длинным мундштуком. Айвен коротко взглянул на папироску с непонятым выражением лица, не то скрыто не одобряя, не то завидуя.

Откинувшись на плетеную спинку, он сделал глоток и отставил чашку. Ютта выжидательно смотрела на него, ароматный дым хорошего табака щекотал нос, легкой дымкой завиваясь над поверхностью стола, покрытого скатертью из нарочито грубой, «домашней» ткани.

В его облике вновь произошла неуловимая перемена. За несколько часов, минувших с момента их знакомства, Ютта уже видела веселого эксцентрика, созерцательного лирика, жесткого делового человека, рассеянного делового человека и, наконец, на краткий миг, напористого ухажера. Ей казалось, что набор социальных масок Тайрента исчерпан, но это оказалось ошибкой.

Лицо Айвена было лишено эмоций, лишь в уголках глаз прятались лучики морщинок, придавая выражение легкой печали с оттенком столь же легкой иронии. Он смотрел на нее прямо, открыто и совсем не так, как обычно мужчина смотрит на понравившуюся ему женщину. Было в его взгляде что-то непонятное, что-то, чего ей видеть еще не доводилось.

– Ютта, – начал он, и в голосе его не было ни вкрадчивости, ни прочих уловок, которые, казалось, были бы здесь вполне уместны. – Понимаете, какая штука... Я рос достаточно далеко отсюда, в местах довольно суровых. Ведь я родился в тысяча девятьсот четырнадцатом...

– Вы поэтому описали этот год как год начала Мировой войны? – вежливо спросила она, сделав затяжку. Все вставало на свои места, напористость не прошла, теперь будет история о трудном детстве.

– Хм-м-м... – Он на мгновение заколебался, словно не понимая, о чем она. – Да, поэтому. Первый праздник, который я помню, пришелся на мой шестой день рождения... Двадцатый год, страшное время...

Ютта быстро перебрала в памяти все значимые события двадцатого, те, что смогла вспомнить из школьного и институтского курса. Вроде бы ничего особенного, русский «Челюскин» спасает залегший на дно со сломанным двигателем «Британник» (или это было в тридцатом?), американцы запускают первый настоящий стратосферный дирижабль, первый автономный скафандр высоких глубин, еще что-то... Память услужливо подсказала услышанное где-то «кавитационный инструментарий». Впрочем, ходили слухи, что Айвен – выходец из русскоязычной колонии в Южной Африке, потомок аристократов-беглецов от русской реформации прошлого века. Кто знает, что творилось в тех диких местах сорок лет назад.

– У нас была большая семья, – продолжал меж тем Айвен, – я был самым младшим. Отец что-то продал, что-то ценное, из прошлой жизни, и все устроили мне праздник. Понимаете, я тогда просто не знал, что это такое – «праздник». И вот... Мне даже подарили подарок – три карандаша и несколько листов бумаги, не оберточной. Настоящей... Я неплохо рисовал.

Он замолчал, сделал глоток кофе.

– ...Это был лучший день в моей жизни, – рассказывал Айвен. – Я был по-настоящему счастлив. Как будто открылась какая-то дверца, и я попал в совсем другой мир, счастливый и солнечный. Но... Но каждую минуту я помнил, что эта дверца скоро закроется. Пройдет день, придет другой. И сказка закончится.

Он смотрел сквозь нее куда-то вдаль, захваченный в плен давно минувшим. Забытая папироска источала синий дымок, и Ютте казалось, что в танце его невесомых частиц вновь рождаются призрачные демоны прошлого.

– Прошло много времени, – продолжил он наконец. – У меня было много праздников и хороших воспоминаний, но я всегда помнил, что они преходящи. Когда я попал сюда... Ну, когда я приехал в Барнумбург и начал писать книги, все сложилось удивительно удачно. Но...

Он посмотрел ей прямо в глаза.

– ...Но мне все время кажется, что сказка вот-вот закончится. Пройдет день, праздник уйдет. И снова будет холодно, голодно и страшно. Как на следующий день после моего шестилетия.

Ютта слушала, против воли захваченная историей. Ей уже доводилось видеть в действии эту старую-старую уловку соблазнения – жалостливая сказка о трудном прошлом с легким, но вполне однозначным намеком на «пожалей и утешь меня». Но Айвен жалости не просил.

– Ютта, вы мне понравились, очень. И я хотел бы пригласить вас куда-нибудь сегодня. Пожалуйста, подарите мне ваш вечер, без всяких обязательств. Для моей... сказки.

Она согласилась.

И это был хороший вечер, лучший в ее жизни. Стрелки часов исправно отмеряли ход времени, но этот вечер никак не кончался, словно сам старик Хронос милостиво позволил людям насладиться жизнью.

Они ходили по ярко освещенным улицам вечернего Барнумбурга, Айвен покупал ей мороженое и рассказывал разные смешные истории про своего старого друга Харитоныча, женатого на сварливой жене и любившего выпить. Старики жили «как кошка с собакой», он постоянно прятал от нее «самогон», а она искала его «заначки», чтобы вылить. Но при этом они очень любили друг друга и умерли в один день.

Еще Айвен рассказывал про кота, который жил у него во дворе, лютого черного разбойника, ставшего ужасом окрестных домов, злостным убийцей домашней птицы. Однажды животное все-таки попало в силос и приползло домой, оставляя широкий кровавый след из распоротого проволокой живота. Отец, выругавшись, вооружился суровой нитью, иглой и зашивал рану «наживую», а кот смотрел на него совсем не по-кошачьи умным взглядом, словно благодаря. И выжил, а когда стало совсем голодно, исхудавший черный пират таскал из леса разных птиц, оставляя их у порога.

Айвен смутился, поняв, что эта история как-то не очень подходит моменту, и Ютта положила свою узкую ладонь на его руку. Но сразу же отдернула ее, словно ее ударило током.

Они поднялись высоко в небо на колесе обозрения и оттуда, сверху, смотрели на залитый разноцветным светом вечерний Барнумбург, так, словно никого более не было во всем свете. «Башни-близнецы» сияли неоном, словно замки волшебников, но их затмевал огромный куб «Обители Посейдона», крупнейшего в мире океанариума.

А затем Айвен и Ютта ужинали в «Пацифиде», небольшом, но стильном и чудовищно дорогом ресторане. Рядом с их столиком располагался цилиндр здорового аквариума, в котором важно парил почти метровый *Ceratias holboelli*, и мертвенно-зеленое свечение «удочки» глубоководной рыбы соперничало со светом свечей в стеклянных лампах на их столе.

Но все когда-нибудь заканчивается, и, убедившись, что люди сполна насладились отпущенным им счастьем, время вновь вступило в свои права.

Близились полночь.

– Я провожу вас, – сказал он, когда они вышли из ресторана, и, перехватив ее взгляд, заметил: – Просто провожу. Вдруг вас подстерегут злые волки, а меня не окажется рядом, кто вас спасет?

Абсурдное предположение было сказано с таким серьезным видом, что Ютта не сдержала смеха. А ее спутник уже призывал паромобиль такси.

Все такой же вежливый, предупредительный и галантный, он довез ее до самого дома и сопровождал до дверей квартиры...

– До свидания, госпожа Карлссон. – С этими словами он церемонно склонил голову и продолжил чуть менее формально: – Спасибо, Ютта, это был хороший вечер. Я заеду завтра утром, и мы закончим наши дела в банке... Доброй ночи.

Он развернулся и, четко печатая шаг, направился к лестничной площадке.

– Господин Тайрент... Айвен... – сказала Ютта.

Он замер вполоборота, посмотрел на нее.

В свете трехлампового светильника площадки ее платье казалось черным, как ночь, а уложенные в высокую строгую прическу рыжие волосы пламенели, словно расплавленный металл, уже слегка потемневший снаружи, но огненно-раскаленный внутри.

– Айвен... Не хотите ли чашечку кофе? – спросила она и внезапно севшим голосом закончила: – Вы угостили меня утром, теперь я возвращаю вам долг...

Вот и наступил момент истины, подумала она. Все последние часы он был безупречен. Предупредителен, но не подобоострастен, вежлив, но не чопорен, открыт, но не развязен. Он словно накинул на нее незримый полог своего обаяния, сотканного из природного стиля и той неподдельной мужественности, что приходит лишь с опытом и жизненными испытаниями.

Ей не хотелось, чтобы этот вечер закончился. Но это желание боролось со страхом, что сейчас магия закончится, растворится. Достаточно одного его слова, одной скабрёзной ухмылки, дескать «ну наконец-то!».

Айвен улыбнулся. Открыто и как-то очень по-доброму.

– Почту за честь, – просто сказал он.

Иван затянулся сигаретой. Он довольно долго боролся с желанием закурить и наконец сдался, справедливо посчитав, что в доме у курящей женщины и ему не грех сделать пару затяжек.

За спиной он слышал тихое, мерное дыхание Ютты. Молодая женщина крепко спала, но он все равно старался действовать как можно тише. И все-таки колесико зажигалки щелкнуло в ночной тишине оглушительно громко. Но она не проснулась.

Иван бросил курить в сорок третьем, когда его выписали из госпиталя и перевели из действующей армии в военную контрразведку. Пробитое легкое и курево несовместимы, объяснил врач. Но здесь, пройдя полный курс ревитализации и подчистив старые раны, он снова пристрастился к, казалось бы, давно забытой пагубной привычке. В местные табаки добавляли какие-то высушенные водоросли, которые придавали куреву особенный, странный, но притягательный аромат. Впрочем, он положил себе за правило – выкуривать не более трех сигарет в день.

До его слуха донесся шорох – она проснулась.

«Как же теперь себя вести? – подумал он. – Как не сломать тот мостик, который пролегал между ними?»

Иван снова вспомнил ее огромные сине-зеленые глаза, когда она предложила ему войти. И выражение ожидания, надежды и страха, которое он безошибочно прочитал в них.

– Вот ведь как странно получается, – негромко сказал он, – одиннадцать часов – это еще вечер, но три часа – это уже утро, пусть и очень раннее. Сколько же остается той ночи?.. Доброе утро, Ютта.

Да, вот так, без лишней фамильярности, но и без холода.

Обернувшись в простыню, она встала и подошла к нему. Ее теплая ладонь скользнула по его спине.

– Что это? – спросила она чуть хрипловатым со сна голосом.

Конечно, шрам. Единственный, который так и не подался ревитализации, широкое пятно оплавленной, сморщенной кожи ниже правой лопатки.

– Под огнемет попал, по счастью, едва задело, – автоматически ответил он и осекся, внезапно поняв, что и кому сморозил.

«Теряю хватку, – подумал он, – лет десять назад я бы так не ошибся. Расслабился на местных вольных хлебах...»

– А что такое «огнемет»? – спросила она.

Невероятным, запредельным усилием воли он задавил нервный смешок. Действительно, ведь здесь нет огнеметов. И еще много чего нет.

– Это такой лесной пожар, – серьезно, честно глядя ей в глаза, объяснил он. – Когда сильный ветер гонит пламя, и получается сплошная огненная стена.

– Бедный... – Ее ладонь снова погладила шрам, отозвавшийся на прикосновение давно привычным холодком.

Он взял ее ладонь и прижал к губам, чувствуя тепло тонких, почти кукольных пальчиков. Она обняла его второй рукой и прошептала в самое ухо:

– Не бойся. Эта сказка не закончится. Никогда...

Иван порывисто обнял ее в ответ, так, словно опасался, что некая злая сила сейчас вырвет ее из его жизни.

– Не уходи, только не уходи... – прошептал он в ее густые волосы. – Только не исчезай...

И было утро, неспешное питье кофе, которого Иван за минувшие сутки выпил уже больше чем за минувший месяц. Разумеется, в ее доме не оказалось какого-нибудь халата, который он мог бы надеть, поэтому Иван продолжил щеголять в широком полотенце. Она же накинула яркий халат, расшитый какими-то забавными зайчиками, сразу сбросив лет десять возраста.

Потом пришло время похода за деньгами.

Если у «Фалькенштейна» правили модерн и авангард, то банкиры в соседнем здании Банковского Консорциума Барнумбурга ценили строгий консерватизм. Никакого пластика, тонкого металла и стеклянных панелей, только дерево и прямые углы.

Даже ультрамодные внешние лифты были декорированы полированным дубом. Впрочем, кнопочная панель здесь была вполне современная. А на подходе к лифту они встретили знакомого.

– Губерт? Господин Цахес? – приветственно махнул рукой Айвен. – Вы все-таки приняли меры предосторожности?

Маленький круглый немец, их давешний знакомый с бумагами, встал как вкопанный и пару мгновений недоумевающе смотрел на писателя, затем расплылся в улыбке узнавания. Он и в самом деле извлек урок из того конфуза, теперь он держал не стопку неряшливо собранных бумаг, а большую картонную папку. Папка была пузатая и круглая, как и ее владелец, вместе они смотрелись на редкость уморительно.

– Наверх? – с утвердительными интонациями спросил Айвен. – Кстати, все хотел спросить: а какая связь между издательством, банком и приютом?

Им предстояло подняться почти на самый верх, лифт скользил по стене, прямо напротив высился изумрудный колосс «Фалькенштейна». Подъем занимал почти пять минут, за это время толстяк, оказавшийся на удивление говорливым, поведал всю свою нехитрую и короткую историю.

Приют для слепых детей имени Густава Рюгена нельзя сказать, чтобы влачил жалкое существование, но и в роскоши, прямо скажем, не купался. Однако несколько лет назад патронаж над заведением взяли иезуиты, известные благотворители, прославившиеся к тому же финансированием медицинских исследований. Приют разросся, а кроме того, патроны организовали в нем первоклассную офтальмологическую детскую клинику, работавшую на сугубо благотворительных началах.

Губерт в молодости был подающим надежды архитектором, но превратности судьбы отправили его в море. Поработав почти тридцать лет подводным взрывником на шельфовых рудных разработках, он вышел на пенсию, которая оказалась, скажем мягко, невелика... Вот и нашел старый минер приработок сторожа, электромонтера и порученца по разным мелким вопросам при клинике.

– Книги. Понимаете, детские книги со шрифтом Брайля, – почти застенчиво объяснял Цахес. – Штат у нас маленький, каждый занимается несколькими занятиями. Вот я и как курьер... Отнес заказ в издательство, у них дешевле, чем через магазины, а сегодня в банк

– узнаю реквизиты для предоплаты по перечислению... Вот так. Дети, они... они ведь и так несчастные. Мы им читаем, как можем, и для них книги стараемся изыскать...

Ютта умилилась короткой и бесхитростной истории доброго пожилого человека. И не обратила внимание на то, что Айвен застыл в напряженной, собранной позе, всматриваясь в прозрачное стекло лифтовой кабины.

Светящееся окошечко над дверцами показало «75».

– Твою мать! – неожиданно рявкнул Тайрент и резко ткнул пальцем в панель. Лифт дернулся и остановился – Айвен нажал кнопку аварийной остановки. Ютта упала бы, но он подхватил ее под руку, а вот Цахес потерял равновесие, папка выпала из рук, и злосчастные бумаги рассыпались по всему полу.

Писатель снова стукнул по панели, и лифт двинулся вниз.

– А это что значит? – недоуменно спросил снизу Цахес, пытаясь собрать свою несчастливую ношу.

– Делаем ноги, очень быстро, – коротко и непонятно объяснил Айвен, нетерпеливо и нервно ломая пальцы. Лифт спускался, Айвен опять с неприкрытой тревогой вглядывался в стекло, словно видя там нечто скрытое от посторонних взоров.

– Быстрее, быстрее! – приговаривал, почти просил он сквозь сжатые зубы.

Наконец двери с мелодичным звоном разошлись, выпуская их в приемный зал банковского дома. Айвен, резко обернувшись, спросил у Цахеса, четко и коротко:

– Хочешь жить?

– Д-да, – чуть заикаясь, автоматически ответил тот.

– Тогда беги, – исчерпывающе посоветовал Айвен и бросился к выходу, крепко сжимая руку Ютты, буквально волоча ее за собой, как на буксире.

То ли Цахес тоже что-то понял, то ли, что вернее, поддался сумасшествию Айвена, но сторож приюта бросил полусобранную стопку своих бумаг и с неожиданной ловкостью кинулся за ними вдогонку. Они покинули здание и выбежали на площадь. Хорошо прогретый солнцем камень брусчатки почти обжигал стопы сквозь тонкие чулки. Цахес пыхтел как паровоз, но все так же не отставал. На них смотрели, оборачиваясь, показывая пальцами, кто-то недоумевающе, кто-то со смехом.

– Я... больше... не могу... – выдохнула Ютта, падая на колени. Сердце заходило барабанной дробью, словно желая покинуть грудную клетку, ноги налились свинцом.

Айвен не дал ей упасть, одним рывком вновь поднял и подхватил на руки. Цахес помог ему, и вдвоем мужчины потащили ее дальше.

А затем словно гигантская, тяжелая ладонь ударила их сзади, подняла и бросила вперед. Айвен обнял ее, прикрывая свои телом, они покатались по асфальту, и Ютта чувствовала, как содрогается его тело, в одиночку принимая удары, предназначенные им обоим. Истошно завопил Губерт, но его крик потонул в едином слитном вопле ужаса множества людей.

Затем родился грохот, непереносимый, словно некий великан одним махом подхватил сразу весь город и забросил его в бетономешалку, забитую гравием. Чудовищный рокот проникал в каждую клеточку тела, заставляя ее биться в разрушительной вибрации, он все длился и длился. Мгновение, минуту, вечность.

Ютта потеряла сознание.

Когда Иван почувствовал, что сейчас упадет и умрет, на помощь снова пришел Цахес. Вдвоем было проще, спотыкаясь об обломки, перешагивая через тела, огибая паромобили выехавшие на тротуар, надсадно хрипя и хватая воздух пересохшими глотками, они упрямо брели вперед, не выпуская свою беспамятную ношу.

– Идти... надо... пыль... – выдохнул Иван.

– Знаю... силикат. Убьет к черту легкие, – ответил Цахес.

Они миновали почти квартал, когда наконец воля, заменившая им силы, также иссякла. Цахес всхлипнул и мешком осел, Терентьеву хватило сил бережно опустить Ютту, так и не пришедшую в сознание, после он сел прямо на асфальт и наконец-то оглянулся.

Почти пятнадцать лет назад, когда нескончаемая война в запредельно далеких краях перешагнула океан, переместившись с одного материка на другой, военные Державы ломали голову над тем, как бы создать инженерный боеприпас, который бы совмещал одновременно мощь и способность поражать командные бункеры, глубоко укрывшиеся под толщей скал и метрами армированного бетона. Удивительно, но фору всем хитромудрым изобретениям дала простая импровизация – гаубичный ствол с простейшим детонатором, заполненный особо мощной взрывчаткой. Конечно, бетонобойная бомба с твердотопливным ускорителем, срывающая под основание «Консорциум», не была точной копией тех первых образцов, но конструктивно повторяла ее. Иван этого знать не мог, он видел результат.

Небоскреб исчез, на его месте, окутывая циклопическую грудю щебня и молотого бетона, ошетилившуюся крючьями арматуры, лениво расплзался серо-коричневый пылевой гриб. На сотни метров в округе не осталось зданий с целыми стеклами.

– Как ты понял? – жадно хватая воздух ртом, спросил Цахес. Пот градом тек по его лицу, смешиваясь с пылью, толстяк попытался стереть ее, но лишь размазывал грязь.

– Огонь, – ответил Иван, отдышавшись.

– Огонь? – не понял Цахес.

– На крыше банка зажгли огонь. Что-то магниевое, яркое, видно даже в солнечный день. – Иван неосознанно возвращался к уже, казалось бы, забытой манере разговора, четким рубленым фразам. – Я увидел отражение в стеклах «Фалька».

– Маркер, – понял Цахес и сказал что-то короткое и очень выразительное, несколько грохочущих слов, которые не пишут в учебниках. Заметил прищур Ивана и по-военному четко пояснил: – Я не всегда был гражданским минером.

– Фейерверки днем не запускают, – продолжил Иван. – Для сварки слишком ярко и не было указателей о ремонте. Значит – метка для фотоэлемента или теленаведения.

У его ног зашевелилась, закашлялась Ютта. Иван склонился к ней, заботливо протер ее лицо носовым платком.

– Цела? – тихонько спросил он. Она слабо кивнула.

Иван выпрямился и осмотрелся. Пыльный купол на месте банка разросся и окончательно скрыл эпицентр разрыва. Чуть поодаль бил в небо многометровый огненный факел перебитой газовой магистрали. Все вокруг – здания, люди, машины – поблекло, покрывшись слоем тонкой, хрустящей на зубах пыли. Одиночные стекла, из тех, что не вынесло ударной волной, смотрели мутными бельмами. Было на удивление мало раненых, казалось утро и относительно малое число прохожих. Был бы выходной – получился бы Сталинград двадцать третьего августа сорок второго, подумал он...

Приближалось истошное завывание машин скорой помощи и полиции, мелькнул красный бок пожарного паромобиля. Барнумбург приходил в себя, понемногу осознавая масштаб катастрофы.

Ютта села, снова закашлялась.

– Айвен, что это?.. – спросила она, растерянно смотря на него своими огромными глазами цвета моря и неба, до краев наполненными слезами, ужасом, растерянностью. – Что это, Айвен?

Страшный вопль ножом рассек воздух. Крики и стоны раздавались все чаще и становились все страшнее – раненые отходили от первого шока, и боль в раздробленных, посеченных членах властно брала свое.

Привычным усилием воли, казалось, давно и прочно забытым за ненужностью, Иван Терентьев отключился от всего стороннего и наконец додумал одну простую мысль.

По маркеру наводились либо ракеты, либо управляемые бомбы, в любом случае – инженерный боеприпас высокой мощности. Цель – банк, точнее, один из главных нервных центров мировой финансовой системы, архивы, картотеки, базы данных, трансферт средств. Относительно немного жертв, но максимум материального ущерба.

Это не террористы.

– Что это? – повторила Ютта, с отчаянной мольбой всматриваясь в его заострившееся, суровое лицо с тонкими поджатыми губами.

Он ответил негромко, но она услышала.

– Сказка закончилась, Ютта. Сказка все-таки закончилась...

Глава 10

Враг

– Определенная, четкая связь между измерениями на гравиметрических станциях и атлантическими... событиями, несомненно, есть. Но мы не можем ее однозначно вычислить. Разве что принять на веру версию о бесовщине и нечистой силе, – извиняющимся тоном закончил Лимасов.

Глава Особого Департамента чувствовал себя на редкость скверно и неуверенно. Начальники вообще не любят недомолвок и загадок, они предпочитают краткие формулировки и успешно завершённые задания. Императоры же, как известно, есть вершина начальственной пирамиды.

Константин поднялся из своего любимого кресла, встал у стола, скрестив руки на груди и сверля собеседника пронзительным взглядом. Выражение его лица не предвещало Лимасову ничего хорошего. Монарх был свежесбрит, в новеньком костюме, свежайшей, выглаженной рубашке, но все равно выглядел помятым и уставшим. Впрочем, загляни Гордей сейчас в зеркало, он мог бы сказать то же самое о себе.

Лимасов был вызван на совещание к девяти часам утра, и он оказался пятым после канцлера, министра обороны, государственного казначея и председателя государственного банка, кто общался с самодержцем этим утром. А разложенные по всему рабочему столу бумаги, многие с карандашными пометками, свидетельствовали, что рабочий день самого императора наверняка начался еще раньше.

Время растерянности сменилось временем бурной деятельности. Армия приводилась в состояние полной боевой готовности, ВМФ был приведен в режим «под парами». Первая и Третья ударные группы Северного флота готовились к «силовой разведке» при поддержке четырех дивизий дирижаблей стратегической разведки и дальних ракетноносцев. Дежурные соединения покидали базы, воздушные флотилии поднимались в воздух, готовые отразить возможные атаки по всем азимутам.

Все происходившее напоминало старые добрые «военные тревоги», если бы не очень специфические акции против британских подданных и Острова в целом. Все корабли и воздушные суда, приписанные к Острову, следовало под благовидными предложениями задерживать в портах и авиапортах империи, а граждан – тормозить на таможенных пунктах. Но это было лишь начало.

До Минфина и Государственного Казначейства (следовательно, и до частных банкиров) была доведена мысль, что если некие технические проблемы помешают выдаче английских вкладов и депозитов, то высшая государственная власть отнесется к этим досадным помехам и проволочкам с должным пониманием. И чем большей будет задержка, тем большим будет понимание. Если банкиры все поняли правильно, то в течение ближайших часов следовало ожидать экономической бури, из тех, что бывают страшнее и затратнее обычных цунами и землетрясений.

Это решение было непростым и обещало тяжелейшие последствия, недаром казначей, как по старинке именовали министра финансов, едва ли не плакал, выходя из малого зала совещаний, а председатель госбанка просто держался за сердце. Массовый срыв транзакций сам по себе для экономики был подобен тяжелому нокдауну, пусть и временному, но беда на этом не заканчивалась. После триумфального шествия фундаментального труда Маркса «О сохранении капитала» доминирующим экономическим принципом ведущих стран мира постепенно стало соблюдение торгового баланса и сохранение богатства внутри страны. К настоящему моменту это вылилось в невозможность импортировать что-то иностранное «просто так», без необходимости поставить что-то свое взамен. Таким образом, текущий «нокдаун» в свою очередь подрубал множество многоступенчатых и многосторонних взаимозачетов, выплат по сделкам и деловым проектам. Эта акция обещала сотрясти мировую экономику если не до основания, то близко к тому, а бесплатным бонусом к ней прилагался неизбежный и тяжелейший урон деловой репутации всей страны.

Уж лучше бы тогда просто заморозили все британские вклады и арестовали всех граждан, рассуждал про себя Лимасов, практический результат тот же, оправдываться в любом случае придется до скончания веков. Соответственно, к чему все эти византийские интриги с устным обещанием страшных кар и полного аудита нарушителям императорского пожелания? Тем более что время наверняка упущено.

Впрочем, мотивацию сильных мира сего он понимал. Сам глава Особого Департамента полностью зашивался со своими обязанностями, не имея ни единой минуты отдыха, а его удел и обязанности, при всей их важности, тянули лишь на малую долю той ответственности, что была возложена на императора и канцлера. В таких условиях и при таких ставках боязнь пойти до конца и стремление ограничиться полумерами были, может быть, и достойными порицания, но вполне понятными.

В других обстоятельствах Лимасов, возможно, и высказал бы свое мнение по банкам вслух, но в этот момент у него хватало своих неприятностей. Несмотря на авральный режим работы имперской контрразведки, все, с чем ее руководитель пришел к императору, можно было охарактеризовать одним словом – «зеро». Утешало лишь то, что он не одинок в компании «пустые руки приносящих», военным так же было совершенно нечем похвастаться. Но это утешало слабо, и Гордей Витальевич чувствовал себя котенком, которого устремляют носом в его «художества» на ковре. Константин методично задавал вопросы, словно забивал гвозди пневматическим молотом, или, скорее, сваи копром, а Лимасов каждой фразой вынужденно расписывался в полном фиаско своего ведомства.

Да, британцы стягивают войска к Метрополии. Зачем? Мы не знаем, ни одно государство не угрожает им, гражданская и военная разведки отслеживают передвижения всех сколь-нибудь крупных соединений и объединений вооруженных сил на планете, наземных, морских, подводных и воздушных.

Да, британцы буквально вырывают куски из мирового финансового оборота. Зачем? Мы не знаем, их затяжной плавный кризис от таких манипуляций лишь обретет резкость и крутизну.

Да, интенсивность радиообмена британских дипломатических представительств выросла в разы, равно как и военные переговоры. Но мы не можем их расшифровать – островитяне сменили шифры, причем новая кодировка не имеет близких аналогов.

Да, в Северной Атлантике исчезают корабли и воздушные суда. Почему? Мы не знаем, агентура молчит, ни одно государство, ни одна организация не направляли в эту часть Мирового океана серьезных военно-морских сил.

Единственное, что Лимасов мог предоставить взыскательному шефу – это показания гравиметрических станций, четвертый день сходявших с ума. Прежних запредельных значений, как во вторник, они уже не показывали, но достаточно регулярно, раз в семь-восемь часов,

давали организованный сбой, независимо от места нахождения и прочих условий. Что это означало? Ученые не знали, соответственно, не знал Лимасов, ответственный за проект «Исследование», соответственно, не знал император, понемногу закипавший от всех этих «неизвестно» и «предположительно».

Лимасов начал государственную службу еще при отце нынешнего монарха и застал «славную когорту» – Джугашвили, Ульянова и Дзержинского. В сравнении с этими монстрами Константин Второй был очень мягким, добрым человеком, снисходительным к промахам и ошибкам. Но здесь и сейчас, под пронзительным взглядом императора, под прессом его язвительных и методичных вопросов, Гордей Витальевич уже опасался за свой пост и карьеру.

– Итого, друг мой, вы пришли ко мне с пустыми руками. – Сарказм Константина возрос до заоблачных высот. Император принял свою любимую позу при решении важнейших вопросов – стоя перед столом, опираясь о его полированную поверхность кончиками пальцев, склонив лобастую голову, словно пытаясь прочесть ответы на вопросы в зеркальной глубине дубовой доски.

Молчание было отставке подобно, но и сказать Лимасову было, в общем, нечего.

– Ваше Величество, – с должной мерой почтительности начал Гордей, лихорадочно сообщая, что же сказать, но само провидение пришло ему на помощь. Щелкнул селектор модуля правительственной закрытой связи, динамик ожил голосом секретаря, характерно безликим и бесплотным.

– Ваше Величество, вызов из Генерального штаба, на связи – начальник Главного управления и министр обороны. Сверхсрочно, приоритетно.

– Соедините, – коротко ответил Константин.

– Соединение, – эхом повторил секретарь и отключился. Аппарат издал серию характерных щелчков, шло соединение с внешней кодированной линией.

– Ваше Величество? – вновь повторил селектор, динамики отлично передавали звук, бас Корчевского заполнил зал, словно главный военный разведчик империи стоял прямо за плечом.

– Да, – раздраженно ответил самодержец. – Говорите, и надеюсь, на этот раз хоть что-то конкретное.

– Более чем, Ваше Величество, более чем конкретное, – сказал на другом конце провода Корчевский, и от его голоса у Лимасова волосы встали дыбом. Корчевский был из «старой гвардии», считавшей, что военный, утративший выдержку, все равно что потерял штаны в публичном месте. Хладнокровная сдержанность начальника Главного управления переходила границы разумного, гранича с претенциозной чопорностью. Но сейчас в его словах проскальзывали визгливые нотки, голос ощутимо подрагивал. Корчевский был или полностью выбит из равновесия, или до смерти напуган, и это не укрылось от внимания Константина.

– Говорите, Устин Тихонович, – повторил он, чуть сбавив тон.

Корчевский заговорил, и с каждой его фразой Лимасов склонялся все ниже, а Константин, наоборот, распрямлялся все выше, словно не в силах поверить в услышанное. И было от чего прийти в такое изумление...

Генеральный штаб, в частности Особое делопроизводство, отвечающее за военно-стратегический анализ, собрали наконец разрозненные обрывки информации в некую картину. Но от полученного было впору запастись святой водой в промышленных масштабах, потому что иначе как чертовщиной назвать это не получалось.

Империя, Конфедерация, Пангерманский Союз и Франция независимо друг от друга послали в район Исландии и Северной Атлантики свои соединения воздухоплавательных сил, которые включали полноценные дивизионы ДРЛО, тяжелых ракетноносцев и «авиеток» – носителей разведывательных гиропланов и планеров – легких летательных механизмов, использующих комбинацию аэростатической подъемной силы и несущих винтов.

Общее число задействованных сил исчислялось десятками аппаратов. Часть из этих сил просто пропала со связи, словно провалившись в никуда, а вот остальные взорвались отчаянными передачами, обрывавшимися одна за другой. Разведчики сообщали о сверхскоростных планерах, массированных ракетных атаках, неизвестных кораблях, ведущих прицельный ракетно-артиллерийский огонь. Средства радиоэлектронной борьбы не пробивали мощнейший щит помех мистического противника и были бессильны против его атак.

– Вторая Ударная Северного флота вступила в бой севернее Лервика, эфир забит помехами, противник использует неизвестную технику, – зачитывал сводки Корчевский, и неожиданно его голос прервался.

Константин сжал кулаки так, что побелели костяшки. Лимасов затаил дыхание.

– Минуту. Ваше Величество. Минуту, – прерывисто произнес Корчевский. – Последние данные... Черт подери, да расшифруйте наконец абзац! – рявкнул он уже на кого-то из подчиненных. Динамик селектора бесстрастно передавал барабанный стрекот телетайпов и голоса адъютантов и шифровальщиков. Теперь кулаки сжал и Лимасов – в этих голосах отчетливо читалась нервозность, граничащая с паникой.

– Вот, передача с аварийного радиобуя, продублирована акустической через гидрофонную связь. – На этот раз Корчевского сменил кто-то неизвестный, вероятно, адъютант. – Это «Станция 13» на Рейкьянесе, комплекс геотермальных исследований. Читаю то, что удалось расшифровать...

Адъютант, или кто он там был, замылся.

– Читайте же! – рыкнул Константин, в этот момент он был до крайности похож на разъяренного седогривого льва.

– Начинаю, – дрогнувшим голосом ответил чтец. – «Сегодня... восемь утра... атакуют... глубинные... серия». Далее нечитаемый отрывок. Затем: «Разрушения... из строя... множество шумов... акустические... восстановили антенну... разрушено...» Снова нечитаемое. И последняя часть. «Корабли, много, десятки... кораблей, может, больше... помогите... не спастись...»

– Это не все. – Бас Корчевского вновь заполнил императорский зал совещаний. – По гидрофонной связи сообщение о бомбардировке «Экстаза», что на плато Рокколл между Исландией и британскими островами. Бомбардировки подводных городов и исследовательских станций на восточном склоне Рейкьянес, северной оконечности Срединно-Атлантического хребта, в Норвежском и Гренландском морях.

– Ваше Величество, – министр обороны сказал свои первые за все время селекторной связи слова. – Это война. Однозначная война.

– Кто же на нас напал? – отрывисто спросил Константин, не меняя позы, слегка качая головой, не то прогоняя морок, не то отрицая все происходящее.

– Я буду тривиальным и повторяю «не знаю». И я прошу вашей санкции на объявление военного положения по всем вооруженным силам.

– Даю, – кратко и без паузы на раздумья отрубил Константин.

– С вашего разрешения, я отбываю в Канцелярию. – С этими словами Лимасов решительно встал, обозначая официальный полупоклон. Император молча кивнул, погруженный в мрачные раздумья.

Гордей четким шагом вышел из кабинета. События последней четверти часа перевернули с ног на голову всю упорядоченность жизни, нарушили незыблемый и естественный ход вещей, но странным образом вернули ему душевное равновесие. Чертовщина не закончилась, но отошла на второй план, оттесненная вполне реальным противником с реальным оружием. В сплошном потоке мистических событий появилась твердая точка опоры, от которой уже можно было отталкиваться далее. Кто эти загадочные враги, откуда они пришли, каким ору-

жием вооружены? И множество иных практических вопросов, на которые можно и нужно было искать вполне практические ответы.

Закрывая за собой дверь, он услышал, как Константин приказал секретарю:
– Британцев на связь, посла Бейтмана мне, немедленно.

* * *

Таланов выплеснул остывший чай в раковину. Он отвык от одиночества и праздности. На службе капитан был скован уставом, приказами и служебным долгом. Дома вступали в силу обязанности перед семьей и просто желание общения с близкими и родными людьми. Сейчас же служба закончилась, семья разъехалась, и Виктор внезапно и непривычно оказался в некоем вакууме. Он взялся было за газету, но чтение, что называется, «не пошло». Включил новостник, но движущиеся и говорящие картинки не радовали и не отвлекали.

Виктор ходил по комнате кругами, громоздкий ящик новостника бормотал что-то про успехи Северодвинского судостроительного завода и спуск третьего подводного лихтеровоза на атомном котле для «Великого Северного Пути».

Внезапно рассвирепев, Таланов выключил аппарат, едва ли не ударив по тумблеру, и снова продолжил свое хождение.

«Черт возьми, холера поднебесная, зараза морская, – думал он. – Как же я упустил семью-то, а? Романтик чертов, опора нации, меч государев, а у самого-то за спиной вот что, значит, творилось... Но она-то хороша! Ну что стоило сесть, поговорить раньше...»

Он понял, что сбивается на жалость и обвинения, и это путь в никуда.

«Нет, – решил Таланов, привычный образ мышления военного взял верх над приступом злобы и обиды. – Никаких обвинений. Что есть, то есть, будем решать исходя из этого».

Он привычно вспомнил карту сообщения Империи, прикинул, что автопоезд с семьей скоро подойдет к Саранску, где жена и дети наверняка переседут на железнодорожную линию до самого Оренбурга. Два дня там, плюс время на дорогу туда и обратно...

Что же, есть время все обдумать.

* * *

Константин намеревался назначить чрезвычайное совещание Государственного Совета на ближайшие часы, но не успел. Стремительная пружина событий продолжала раскручиваться, неумолимо опережая действия Империи. Селектор и закрытая линия связи заменили личное общение, связав совещательный зал императора, Генштаб и скоростной экраноплан канцлера Империи Корнелия Светлова, направлявшегося в столицу на встречу с банкирами.

– ...у нас практически нет связи с Европой, – сообщал Корчевский. – После первых потерь они решили, что это масштабная провокация, и свернули весь обмен информацией, но мы уже открыто использовали возможности радиоперехвата во всем доступном объеме... мы получили сведения... сведения...

Штабист даже запнулся, подбирая слова, и это было так же невозможно, как публичный критический отзыв, порочащий честь дамы, или открытое признание в антимонархических настроениях.

– В общем, станции дальней радиолокации в Германии и Норвегии фиксируют множественные воздушные цели, приближающиеся с запада. Точное число назвать не можем, но не менее трех десятков, высота – около десяти километров и выше, скорость... скорость – около тысячи... в час.

– Километров, – уточнил Константин, очевидно, устав удивляться.

– Да, тысяча километров в час, – подтвердил Корчевский.

– Ракетный запуск? – спросил Светлов. – Дальние крылатые?

– Возможно, но судя по радиоперехвату западных «локаторщиков» обнаруженные цели слишком велики для ракет. Один из высотных разведчиков описал цель как огромный много-моторный планер.

* * *

Рубанок скользил по желто-белой доске гладко, без сучка и задоринки, выпуская длинную, завивающуюся поросычьим хвостиком стружку. В мастерской одуряющее пахло свежеструганным деревом и разогретым железом. Еще один проход рубанком и еще...

Таланов отступил на шаг, критически оглядывая свое творение. Ступенька получалась на диво ровной и красивой. Для замены нужно было еще две, до вечера он успеет подогнать их и снять старые. И если все сложится удачно, завтра он наконец-то решит проблему лестничной скрипучести.

Виктор положил рубанок на верстак, потряс кистями рук, разгоняя кровь. От непривычной, забытой за много месяцев работы руки ощутимо устали, но это была приятная усталость. Полезная работа возвращала душевное равновесие и веру в благополучный исход. Таланов пока не знал, как, но был уже почти уверен, что и в этот раз все разрешится к лучшему. Он обязательно найдет правильное и единственно возможное решение. Главное – не спешить и все тщательно обдумать.

Он глянул в окошко под самым беленым потолком подвала, от природы высокий Виктор едва не цеплял его макушкой. Солнце в окошке поднималось к зениту, легкий сквозняк гонял по мастерской крошечные смерчи опилок, танцующих в солнечных лучах. Становилось жарко, рубашка на работнике взмокла.

Таланов вздохнул, расправил плечи, потянулся и вновь склонился над доской. Новая стружка скользнула на пол и с тихим шуршанием улеглась среди подружек.

* * *

– Более десятка групп, ориентировочно – четырнадцать или пятнадцать. По три планера в каждой. Под ударами Париж, Нант, Лион, Бонн, Берлин, Барнумбург, Нюрнберг, Мюнхен.

«Крупнейшие финансовые центры, – механически отметил Константин, – не военно-промышленные районы, а банковские объединения и транспортные узлы Франции и Объединенной Германии».

– Наши дирижабли дальней радиолокации отслеживают большую группу вражеских планеров, прошедших над Швецией и разделившихся у границ Финляндии, – продолжали докладывать из Штаба. – Вторжение в наше воздушное пространство. Готовимся к отражению атаки и отпору агрессора.

Когда-то, очень давно, Константин не выучил урок. Новая часть «Увлекательных историй для детей в рассказах и рисунках» после жестокой борьбы решительно и безоговорочно победила немецкую грамматику.

В обычный день он отделался бы замечанием и дополнительными занятиями, к этой плате маленький Костя был готов. Но случилось так, что на следующий день проверить успехи наследника явился его отец. Молва не прозвала Андрея Второго жестоким только потому, что это прозвище уже было занято его предком и тезкой, и самодержец не видел разницы в обращении между семьей и страной...

С тех пор минуло много лет, Костя стал Константином, а отец упокоился с миром в фамильной усыпальнице Дома. Но сейчас император снова, как в тот день, чувствовал липкие пальцы страха, происходящего от беспомощного бессилия.

Россия была страной с самыми протяженными границами и многочисленными соседями, поэтому она не могла себе позволить роскошь Конфедерации, фактически не имевшей системы единой ПВО.

Противовоздушная оборона империи была самой мощной в мире, она объединяла стационарные установки дальней радиолокации, дивизии дирижаблей приграничного и внутреннего базирования, стратосферных разведчиков и ракетно-артиллерийские эшелоны на наиболее опасных направлениях. Любая мишень, будь то крылатая ракета, гидроплан, дирижабль, авиетка-носитель или скоростной планер – ничто не смогло бы пробиться сквозь стальной щит имперской обороны.

До сего дня.

Прага – Варшава – Минск.

– Группы по три планера. В группе два носителя бомб, судя по первым данным – какой-то аналог контейнерных термобарических боеприпасов, но ненормальной разрушительной силы. Один с управляемыми ракетами. Они слишком быстрые и обходят наши артбатареи «копейщиков»¹⁶. Они вполне точно знают всю нашу систему обороны. Наводим на цели термомоланы-ракетоносцы.

Luftwaffenkommando «0» была совершенно особым соединением, и еще на стадии составления штатного расписания возникли бурные споры относительно состава и вооружения атакующих групп. С самого начала предполагалось, что дивизия будет укомплектована новейшими сверхзвуковыми бомбардировщиками Зенгера, абсолютно неуязвимыми в силу потолка и скорости полета. Но по мере обретения эфемерными общими планами «плоти» конкретных расчетов менялось и техническое обеспечение. Цикличность работы дифазера стала неприятным сюрпризом и серьезно ограничила возможности ударной группировки. Коммуникации не позволяли гарантированно наладить бесперебойное снабжение сверхдорогим и токсичным топливом, которое «Зенгеры» пожирали, как свиньи. Отдельной строкой шли запасные части и детали, производство которых нельзя было быстро наладить на захваченной промышленной базе. Поэтому старые добрые турбовинтовые четырехмоторники вновь встали в строй. Это были очень хорошие, надежные, проверенные машины, но, в отличие от «Зенгеров», они имели один недостаток – не были неуязвимы.

Для нанесения максимального ущерба требовалось вооружать все самолеты отдельного звена управляемыми планирующими бомбами. Расчеты показывали, что скорость, высота, радиоэлектронное оборудование и знание системы обороны противника сведут потери к абсолютному минимуму. Но даже этот минимум в считанные проценты был непозволительной роскошью – «Дивизия Ноль» должна была наносить непрерывные удары по самым уязвимым точкам основных противников, разрушая промышленные центры, парализуя морское сообщение и дорожные коммуникации, громя гелиевые комбинаты и нефтяные заводы. Полсотни бомбардировщиков – против половины планеты. Даже с поправкой на убожество и отсталость низших рас – неравенство сил было слишком значимым.

Кроме того, всегда оставалась вероятность того, что аборигены изобретут что-нибудь новое или разведка «друзей» предоставит неточные сведения. Поэтому после долгих споров и почти года непрерывных штабных игр все же возобладала концепция «2 + 1», два бомбарди-

¹⁶ Устоявшееся собирательное наименование тяжелой артиллерии ПВО от 120 мм и выше.

ровщика-«бомбоносца» и один защитник с дополнительными модулями РЭБ и пятью управляемыми ракетами FRK-100/46dm., иначе известными как «das Brennschrapnel».

Каждый подобный снаряд был заполнен слоями небольших цилиндров, часть из которых представляла собой цельнометаллические поражающие стержни, а часть – полые контейнеры с зажигательной смесью. Сложная система подрыва по сигналу оператора или радиовзрывателю выбрасывала поражающие элементы конусом по направлению движения, образуя начиненный разящей сталью огненный «факел» в добрых два десятка метров с температурой до 5000 °С. Благодаря сложнейшей конструкции и самой современной системе наведения «Бренны» были фантастически дороги, собирались практически вручную, но только такой снаряд обеспечивал гарантированное поражение «с первого выстрела» главного противника высотного турбовинтового бомбардировщика – дирижабля-ракетоносца.

Первый налет «тяжелой дивизии», чье ожидание накануне наполняло сердце Der Chef der Luftflotte радостной тревогой, доказало правильность выбора организации и оружия. Нескольким дивизионам имперских экранопланов удалось выйти на перехват бомбардировщиков, единицам – пробиться сквозь плотную завесу помех. Но операторы наведения не зря прозвали FRK «небесными рапирами» – «Бренны» работали далеко, точно и неотвратно.

Петроград – Москва – Харьков.

– Последняя группа продолжает движение. Следующая возможная цель – Саранск.

Константин щелкнул тумблером.

– МВД. Лимасова.

Гордей отозвался почти сразу, менее чем через четверть минуты.

– Ваше Величество?

– Новые известия? – кратко произнес Император.

– Ничего, что может быть достойно доклада, – прямо и четко отозвался Лимасов, понимая, что сейчас не до словесной эквилибристики. Враг напал на Империю, враг бомбил города, убивая сотни, вероятно, тысячи имперских граждан. Менее чем за пять часов прежний мир закончился и начался новый, в котором все имело совершенно иную цену, в том числе и слова. – К вечеру мы добудем хоть что-то, я даю слово и ручаюсь головой.

Молчание было ему ответом. Лимасов не видел императора, но зримо представлял, как тот по старой привычке тяжело и мерно двигает нижней челюстью, будто пережевывая трудные мысли, а его брови все сильнее сдвигаются на переносице, соединяясь в одну линию, как у оборотня.

Минута.

Другая.

Третья.

– Я точно знаю, кто может нам что-нибудь рассказать... – Константин продолжил мысль так, словно не было никакого перерыва. – МИД обрывает связь, посылает курьеров. Британское посольство молчит. Значит, мы неправильно спрашиваем и надо сменить язык.

– Ваше Величество, – осмелился вставить слово Лимасов, – Это дипломаты! Мы не можем...

– Можем, – сказал император, и его собеседник умолк, как будто его речь обрезало одним движением ножниц.

Константин щелкнул пальцами, словно подводя итог каким-то своим мыслям.

– Гордей, – сказал он, в нарушение всех традиций обращаясь к Лимасову не по имени-отчеству, а просто по имени.

– Да, Ваше Величество.

- Специальная группа, что мы создали для «Исследования», где она?
- Где ей положено, в месте постоянной дислокации, в полной боевой готовности. Я привел сразу же, как только... началось.
- Это хорошо. Я подчиняю тебе Первый Полк¹⁷. Он и спецгруппа, должно хватить. Возьмете штурмом британское посольство.
- Слушаюсь, – сказал Гордей. На фоне неких врагов из ниоткуда и гигантских многомоторных планеров приказ преступить через многовековой дипломатический этикет в общем не казался таким уж безумным.
- Вы достанете каждую бумажку и изучите ее под микроскопом, – размеренно продолжил Константин. – Вы возьмете живыми всех, кого только возможно. И особенно, – Лимасов не видел, но знал, что Константин значительно поднял палец, – я подчеркиваю, особенно сэра Кристофера Уильяма Бейтмана. Его и весь секретариат посольства вы возьмете живыми в любом случае. И они расскажут вам все, что знают. Абсолютно все.
- Ваше Величество, – начал Лимасов, намереваясь спросить что-то наподобие «каким образом их всех взять живыми?», но понял, что после этой фразы его просто уволят за несоответствие занимаемой должности. – Будет исполнено. Позвольте еще один вопрос.
- Позволяю, один и очень короткий.
- Касательно... степени допроса. Мы планируем их... вернуть?
- Нет.
- Константин ответил быстро, слишком быстро, и Гордей понял, что императору так же страшно, как и всем им. Понял, что внешняя, напускная жесткость и решительность самодержца – лишь щит, скрывающий растерянность и непонимание.
- Будет исполнено.

* * *

Таланов закончил последнюю ступеньку, она стояла в ряду товарок, такая же ровная и аккуратная. Пальцы болели, пот ел глаза – Виктор забыл накинуть какую-нибудь повязку на лоб, а затем уже не хотел отвлекаться. Рубаху можно было выжимать, воздух в мастерской прокалился тяжелой августовской жарой до самых дальних уголков.

День прожит не зря, довольно думал Виктор. Теперь мыться и думать о том, как решать беду с женой, как там говорил отец, «без гнева и пристрастия». Как же это будет на латыни?.. Забыл. Ничего, вернется Старший, спрошу.

Он поднимался из подвала на первый этаж, на ходу вытирая лоб плечом, стараясь не касаться лица грязными пыльными руками.

Зазвонил телефон.

Вроде бы до их приезда еще долго, удивился Виктор, но может быть, они звонят с какой-нибудь станции по пути? А может быть, вообще опоздали и хотят вернуться?

Он почти бегом, боясь опоздать, добежал до заходящегося истошными трелями аппарата и сорвал трубку, точно зная, что этот день еще порадует его добрыми вестями.

Глава 11

Былое

Кристофер Бейтман никогда не служил в армии, но не нужно было иметь за плечами годы военной службы, чтобы понять – схватка за посольство проиграна. Штурм начался вне-

¹⁷ Лейб-гвардия императора.

запно, без ультиматумов и предупреждений, нападавшие действовали быстро, решительно, не считаясь с потерями. Бейтману было стыдно за своих подчиненных, но более всего – за себя самого, им следовало сообразить, что дело неладно, когда улица, на которой располагался уютный трехэтажный особняк, словно вымерла. Сейчас-то было очевидно, что ее аккуратно перекрыли, освобождая от постороннего транспорта. А затем рык многих моторов разорвал воздух, из-за серого куба аналитического пресс-центра вылетела вереница приземистых военных машин без сигналов и опознавательных знаков. С неба упали два легких десантных гиро-плана, зависли в нескольких метрах над покатою крышей, выпустив паутинки тросов, десантники споро спускались по ним, готовые к бою.

Броневи́к¹⁸ с инженерным отвалом на покато́й «морде» с ходу снес ворота, открыв путь бронемашинам и грузовикам с пехотой.

Тот, кто планировал атаку, знал свое дело, тяжелый броневи́к обрабатывал первый этаж из бомбомета-«слезогон» и расстреливал из скорострельной автопушки ту часть, где располагалась казарма, бронемашин обстреливали из башенных пулеметов окна второго и третьего, пока штурмующие пробивались по лабиринту внутренних помещений.

Яростная перестрелка расплзалась по всему зданию, оставалось надеяться, что шифровальный отдел в подвале цоколя успел закрыть бронированные двери и уничтожить шифры и конфиденциальную переписку. Все остальное он лично отправил в специальную печь еще вчера. Имперские солдаты не получают ничего.

Хотя, нет, они могут получить его...

Империя пошла на немыслимое – захват посольства, по сути территории суверенного государства, это означало только одно – русские не намерены больше просить, они решили так или иначе узнать все силой. А это в свою очередь означает, что они не остановятся перед тем, чтобы любой ценой выбить из него необходимые сведения.

Бейтман отгонял эту мысль как мог, но это было все равно, что не думать о пресловутом белом медведе. Как бы отчаянно ни сопротивлялась охрана, атакующие захватили инициативу и однозначно побеждали. Несомненно, им нужен он, полномочный представитель и посол Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии в Российской империи. Бежать некуда, укрыться негде, разве что спрятаться в шкафу, но найдут все равно, а ронять честь до такой степени было никак невозможно. Вывать о соблюдении протокола и угрожать международным скандалом, санкциями, войной наконец – так же бесполезно, по крайней мере здесь и сейчас. Тот, кто решился атаковать посольство, уже все взвесил и был готов к последствиям или был напуган до такой степени, что просто не заглядывал так далеко.

Оставался единственно достойный его положения и ответственности путь...

Бейтман открыл самый нижний ящик стола, пальцы чуть дрожали, и он сумел крепко ухватить витое медное кольцо только со второй попытки. В ящике не было ничего, кроме небольшого вороненого револьвера, старого, но вполне исправного и действенного «велодога».

Посол взял его, странно, но руки, только что сотрясаемые мелкой нервной дрожью, сейчас прекрасно слушались. «Велодоги» предназначались для того, чтобы велосипедист мог отбиться от собак, у них, как правило, не было скобы, очень короткий ствол, слабый пороховой заряд. Почти декоративный механизм.

Но только почти.

Звуки боя переместились выше и ближе, похоже, сражение шло за анфиладу комнат делопроизводителей. Хлопки карабинов охраны становились все реже, тонули в треске самозарядных винтовок и ручных пулеметов атакующих. Оставались считанные минуты.

¹⁸ Поскольку «Мир воды» не знал Первой мировой войны 1910-х и «позиционного тупика», бронетанковая школа в нем не развита. Вместо привычных нам танков здесь широко развилось семейство бронеавтомобилей, включая относительно тяжелобронированные машины с разнокалиберной артиллерией (которые и называют «броневиками»).

Бейтман закрыл глаза и поднес «велодог» к виску. Прохладный куций ствол приятно охлаждал разгоряченную кожу, пальцы снова задрожали, посол перехватил оружие обеими руками, стволом к себе, положил большой палец на спуск и посмотрел прямо в широкое отверстие, казавшееся огромным и бездонным, как главный калибр флагмана флота Его Королевского Величества.

«Не думать, не смотреть. Просто закрыть глаза и спустить курок, главное – не думать о том, что будет потом...»

Если сомневаешься, если не получается что-то сделать, нужно разбить действие на несколько отдельных и совершать их последовательно, наслаждаясь самим процессом.

Просто нажать спуск, легкое движение пальца... И все закончится.

Виндзор, сентябрь 1955 года

Осень опустилась на Виндзор невидимо и неслышимо. Она развернула полог, сотканный из серых и желто-коричневых цветов, слез дождя и неяркого мягкого солнечного цвета, заботливо, с любовью накрыв небольшой город графства Беркшир, летнюю резиденцию британских королей.

Человек в черном стоял у окна малой библиотеки Виндзорского замка, осматривая окрестности, любуясь очарованием упадка природы, предвестником прихода зимы.

Пустые в это время года покои замка отличались отменной звукопроводимостью, шаги приближающихся он слышал загодя. Три, может быть, четыре человека, идут уверенно, четко ставя шаг. Человек бросил еще один взгляд в окно, уже не замечая пейзажа, еще раз тщательно обдумывая предстоящую беседу. Конечно, если с ним будут говорить, не исключено, что за ним пришли, чтобы завершить процедуру переговоров, не оставив свидетелей. Это было маловероятно, но вполне возможно.

Открылась высокая двустворчатая дверь с витиеватым орнаментом, в библиотеку вошли четверо. Отмерив ровно три секунды, он повернулся к ним, словно вошедшие отвлекли от важных дум. Небольшое очко в его пользу, маленький символ того, что именно он нужен им, а не наоборот. Крошечная победа, но искусство переговоров целиком состоит из таких вот малых шажков и отступлений.

На этот раз состав визитеров был ему незнаком, за исключением Роберта Рамнока, комиссара полиции Лондонского Сити, остальных гость видел впервые. Впрочем, с его точки зрения весь британский истеблишмент был на одно лицо – чопорные, медлительные в движениях, с непременными бакенбардами и вытянутыми лицами. Эта чопорность, неизменная печать аристократического высокомерия на лицах, жестах, неизменно вызывала у него приступ веселья, глубоко похороненного под маской сдержанной вежливости.

– Добрый день, – сказал комиссар с ледяной вежливостью.

Рамноку гость не нравился с самой первой минуты так называемого «знакомства», ему стоило немалых усилий спрятать почти физическую неприязнь за оградой показного высокомерия.

– Сэр Кристофер Уильям Бейтман, дипломатический корпус. Сэр Гилберт Ванситтарт, правительственный советник Его Величества. Лорд Морис Хэнки... – Рамнок на мгновение замялся, подыскивая наиболее точное определение роду занятий лорда. – ...специалист по разрешению разнообразных проблем.

– Nachrichtendienst? – произнес гость и уточнил. – Разведслужба?

– В какой-то мере, в какой-то мере, – расплывчато ответил сам лорд, гадая, что бы могла означать эта как бы случайная оговорка, слово на предположительно родном языке гостя.

Гость же тем временем размышлял над составом сегодняшней «делегации» – полицейский, дипломат, советник, разведчик...

Более забавной, нежели лошадиные физиономии британских деятелей, была разве что запутанная система взаимоотношений государственной машины Королевства. В противовес строгому, регламентированному механизму его отечества, в этом удивительном месте, казалось бы, небольшой чин мог иметь огромное влияние и представлять всю державу, потому что за ним стояли происхождение, связи, учеба в закрытых элитных школах, членство в клубах, которые здесь зачастую занимали место «кабинетов власти». Здесь не решали вопросы, а договаривались, балансируя интересы аристократических кланов, ставших со временем и финансовой элитой.

Что-то подобное было и на его родине, пока очистительный огонь не стер с лица земли вредоносные плутократические идеи вместе с их носителями.

Четверо и один оценивающе рассматривали друг друга.

– Присядем, господа, – радушно предложил Ванситтарт.

Все присутствующие в библиотеке сели вокруг квадратного низкого, по колено, стола. Гость – с одной стороны, комиссар и дипломат, соответственно, по правую и левую руки, советник и разведчик – напротив. Статус посетителей определился, диалог будет между ним и парой напротив, остальные двое, несомненно, будут на подаче и для общего давления.

Серьезное дело не терпит спешки, оппоненты вели дуэль взглядов, стараясь просчитать друг друга по облику, одежде, манере поведения.

Бейтман служил в дипломатическом корпусе не первый год и даже не первый десяток лет, ему были знакомы подозрительные русские, воспринимающие любые предложения Короны как сладкую, но ядовитую конфету, энергичные американцы, считающие, что происхождение от поселенцев с «Мейфлауэра» стоит как минимум двадцати колен европейского аристократического рода, пылкие французы и неспешные немцы. Кристофер полагал, что после стольких лет, встреч и переговоров искусство дипломатии уже не откроет ему новых страниц, но он ошибался.

Если бы он прочитал описание гостя или услышал от кого-либо в пересказе, то не нашел бы в нем ничего удивительного и интересного. Немногом выше среднего возраста, уже не юный, но еще очень далекий от старости. Мужественное лицо без шрамов и иных запоминающихся примет. Черный костюм с узкими бортами и высоким вырезом, черная рубашка и черный же галстук, чуть шире обычного, с желтой полоской золотой заколки. Такая приверженность к могильным тонам на любом другом поразила бы отсутствием вкуса, но на этом человеке смотрелась вполне пристойно. Быть может, из-за его спортивной фигуры, подтянутой, с безукоризненной выправкой. Единственное, что было по-настоящему необычным – цвет волос, коротких и зачесанных назад, пограничный, лежащий в неопределенном спектре между светло-желтым и белым. В общем, спортивный мужчина, одетый в эклектичном, но, безусловно, своеобразном стиле.

Бейтмана смущала полная эмоциональная закрытость гостя. Каждый человек непрерывно через жесты, мимику, осанку, интонацию посылает окружающему миру множество сигналов о своем душевном состоянии и настроении, нужно только уметь читать их. Немногие могут скрывать свой внутренний мир, осознанно контролируя проявление эмоций. Искусство психологической защиты гостя было безупречным. Он был абсолютно закрыт, полностью контролируя каждый мельчайший жест, каждую нотку своего голоса, но при этом совершенно не производил впечатления искусственности, вынужденного самоконтроля.

В те редкие мгновения, когда ему удавалось перехватить взгляд гостя, дипломату казалось, что перед ним некое инопланетное существо из фантастического фильма, взявшее полное управление над человеческим телом. В глазах – зеркале души – он не читал *ничего*, ни одной человеческой эмоции. За плоскими голубыми глазами человека в черном скрывались космический холод и равнодушие, так человек мог бы смотреть на... муравья?

Кристофер Бейтман, разумеется, не был знаком с «Учением о крови и скверне» Предвестника, так же как и с апокрифом «Последовательные волны разума», поэтому так и не узнал, насколько приблизился к истине. Дальнейшие его мысли были прерваны словами советника Ванситтарта, обтекаемыми и обезличенными:

– Мы приветствуем вас.

Гость вежливо склонил голову в хорошо выверенном поклоне, достаточно низко для демонстрации уважения, но не более того.

– Вы можете называть меня Томасом, – произнес он.

Над произношением «Томаса» уже потрудились лингвисты, но все равно Бейтман не мог уловить ни тени «характерного произношения твердых согласных» и прочих специфических нюансов, что они обнаружили в акустических записях. Прекрасный английский выпускника хорошей школы и колледжа.

– И это ваше настоящее имя? – осведомился разведчик.

– А есть ли разница? – вопросом на вопрос ответил гость. – Как принято было говорить в старые добрые времена, «я лишь тень моего господина», посредник, предающий информацию.

– Ваша скромность делает вам честь, – с неопределенной интонацией отозвался лорд Хэнки.

– «Скромность есть добродетель», – в тон ему ответил Томас, определенно кого-то цитируя, – господа... – С этими словами он обвел взглядом присутствующих, справа налево, на пару мгновений останавливаясь на каждом. – Приступим к делу?

– А, пожалуй, – на первый взгляд легкомысленно согласился советник Ванситтарт. – Так что же вы хотите?

– Того же, чего вчера и позавчера, – с тонкой улыбкой произнес Томас, словно игнорируя панибратский тон собеседника. – Согласия с нашими аргументами и готовности к разработке совместных планов.

– Ну, это совершенно не деловой разговор, – продолжал вести свою партию советник. – Вы хотите от нас участия, даже соучастия в таком серьезном мероприятии, но не даете никаких гарантий! Вы видели нас, теперь мы хотим посмотреть на вас. Мы желаем, чтобы наша делегация посетила ваш... мир, всесторонне оценила ваши возможности, убедилась в наличии средств, о которых вы заявили.

– Напротив, более чем серьезно, – несмотря на намеренную и явную провокацию сэра Гилберта, на лице Томаса не дрогнул ни один мускул, а голос был все так же механически ровен. – Господа, позвольте полюбопытствовать, играете ли вы в покер?

– Допустим... – неопределенно заметил Морис Хэнки, и по тому, как советник Ванситтарт чуть подался назад, словно освобождая коллеге пространство для маневра, стало понятно, кто будет главным с английской стороны.

– Это прекрасно, – продолжал Томас. – Тогда вы, несомненно, постигли суть, так сказать квинтэссенцию этой игры – баланс между тем, что у вас есть на руках, и тем, что вы хотели бы показать своим... оппонентам.

Собеседники оценили и паузу, и то, как Томас избежал слова «противники».

– Фактически мы с вами играем в покер на будущее Соединенного Королевства и моей страны. У нас есть военная сила, которую мы однозначно продемонстрировали. Мы можем показать больше, но ровно столько и таким образом, как сочтем... возможным для нас.

И вновь они отметили это едва выделенное «возможным для нас», его можно было понять и как вежливую констатацию «что захотим, то и покажем», и как извинение «хотели бы, но никак невозможно».

– ...У вас есть возможности и ресурсы, которыми мы не обладаем, но без которых наш проект превращается в авантюру. Мы нужны друг другу, но взаимовыгодные партнерские отно-

шения не подразумевают ни дружбы, ни откровенности. Поэтому свободный и бесконтрольный визит ваших представителей к нам определенно невозможен.

– Тогда нам в общем-то не о чем говорить, – буравя Томаса пронзительным взглядом, веско произнес Хэнки. – Покер есть покер, за хорошей миной редко скрывается добрый набор карт.

– Совершенно с вами согласен, – заметил человек в черном. – Истинное замечание, оно равно справедливо для обеих сторон. Понимаете, господа, вы видите наше оружие, часть нашей военной силы, но не знаете, что скрывается за этим фасадом. Вы можете предполагать, но не более того. Однако все здесь присутствующие знают, что скрывается за вашей... внешней картиной. Потеря рынков, прогрессирующее отставание в технологиях подводного флота, затянувшийся экономический кризис.

Томас перевел дух и продолжил неожиданно жестко:

– У вас впереди беспросветность, потому что десятилетия назад Королевство сделало неверный исторический выбор и с тех пор лишь усугубляло его. Мы же предлагаем руку помощи.

– Вы протягиваете нам не руку, а сгнивший костяк, – столь же жестко ответил Хэнки. – Тотальная война со всем миром – это не то, что спасет Британию. И коли уж мы согласимся хотя бы обдумать вероятность подобного, мы хотим знать и видеть больше.

В этот момент человек в черном понял, что если и не все дело, то по меньшей мере половина его сделана. Его оппоненты в целом, пусть и неосознанно, согласились с тем, что речь идет, ни много, ни мало, о существовании Соединенного Королевства. А признав это, они со временем сделают и следующий шаг. Но этот шаг потребует очень тщательно подготовиться...

– Талейран учил, что «у государств нет ни высокого, ни низкого. Ни благородного, ни подлого. А есть только необходимое и возможное», – примирительно сказал он. – «Костяк» – это эмоционально-оценочная категория. Мы все же предпочитаем вести речь о помощи и взаимной выгоде. И, позвольте еще раз напомнить, господа, что мы не против самого по себе визита ваших представителей. Мы намерены показать вам более чем достаточно, чтобы развеять сомнения в заявленных возможностях. Производственные мощности, образцы техники, маневры и учения...

– И не более того, – закончил за него Хэнки. – А почему нам знать, может быть, там у вас голод и сплошное вымирание?

– Не исключено, – с необыкновенной легкостью согласился Томас. – Совершенно не исключено, но согласитесь, в данном случае имеет значение не гипотетический голод, а вполне конкретные, материальные корабли и дивизии, которые пойдут в бой во славу нашего союза и в обретение того, что нам всем равно необходимо. Их вы увидите в полной мере.

Лорд Хэнки энергично потер подбородок. Случайно или повинуясь некоему сигналу, сэр Ванситтарт громко вздохнул, переводя внимание на себя, и вымолвил:

– Господа, я полагаю, нам следует сделать небольшой перерыв, чтобы осмыслить сказанное. Думаю, получаса нам хватит.

– Был бы крайне признателен, – согласился Томас. – Признаться, я также чувствую некоторую усталость и нуждаюсь в кратком отдыхе.

Он произнес эти слова, обращаясь как бы ко всем сразу, не акцентируя внимание на ком-то персонально, но, заканчивая последнюю фразу, кольнул взглядом сэра Бейтмана.

Дипломат долго думал, что бы это значило, но, конечно же, не узнал, что человек в черном действительно устал. Напряжение безмерной ответственности сказывалось на вполне физическом уровне – у него заныли спина и плечи. «Томас» думал о том, насколько же этот британец похож на его домашнего любимого серва и как славно было бы по-домашнему растегнуть пиджак, снять галстук и отдохнуть, привычно положив ноги на услужливо подставленную спину.

Бейтман с усилием выплыл из трясины воспоминаний. Несмотря на всю их тягостность, это было своего рода бегство от действительности, приближающегося боя и револьвера, который по-прежнему сжимала его рука. Мучительно хотелось вновь уйти в глубину прошлого, бежать от единственно возможного действия.

Бейтман искоса, как на смертоносную змею, посмотрел на длинный узкий белый конверт без надписей, лежащий строго на середине пустого стола. Он должен был вскрыть его и озвучить содержание как можно позже, желательно по прямому приказу из Лондона. Теперь же, когда впереди лишь плен и, скорее всего, высококвалифицированные специалисты допроса, русским должен достаться только конверт и ничего больше.

Бейтман посмотрел на оружие, затем на конверт. Снова на револьвер, и опять на конверт. Положил «велодог» в открытый ящик, резким движением закрыл его до упора, до стука дерево о дерево. Достал из специального кармашка на пиджаке зажигалку, взял конверт и сжег его. Зажигалка давала слабый огонь, Бейтман боялся не успеть, но в конверте была всего пара листов.

Он понимал свой долг перед родиной, но вместе с тем Бейтман хотел жить.

Нет уж, ультиматум он передаст лично, живой.

Запертый изнутри замок тихо скрежетнул, кто-то вставил снаружи ключ. Кристофер встрепенулся, напрягся, но сразу же подумал, что противники не стали бы искать ключ, они просто выбили бы дверь.

Через порог ступил его секретарь, старый доверенный специалист, работавший с Бейтманом бок о бок уже лет десять, а то и более. Он вдохнул воздух, насыщенный запахом жженой бумаги, легким щелчком смахнул с рукава пушинку сажи.

– Жаль, что вы избрали именно этот путь, – с грустью вымолвил он, доставая пистолет, маленький, автоматический, нисколько не похожий на старомодный «велодог». – Мы надеялись, что вы выполните свой долг до конца.

Бейтман дернулся, стараясь одновременно укрыться за столом и достать так опрометчиво спрятанный револьвер, но не успел. Секретарь аккуратно прострелил ему голову, обогнул стол и почти в упор выстрелил еще трижды, для гарантии.

Затем извлек из внутреннего кармана пиджака длинный узкий белый конверт, двойник того, что был сожжен пару минут назад, положил на середину стола. Отступил на пару шагов, критически обозрел панораму. Конечно, все пошло не так, как было задумано, к сожалению, сэр Кристофер оказался недостойным глашатаем, но это не беда. В конечном итоге главное – донести до противника свои требования и не дать ему узнать то, чего знать не следует.

В отличие от посла секретарь не колебался, он вышел на середину комнаты, убедился, что пуля и брызги крови никак не попадут на конверт, аккуратно поддернув брюки, встал на колени и застрелился.

Часть 2

Мой прекрасный мир

Глава 1

Война

10 октября

Лимасов просыпался медленно, протяжно, с трудом выбираясь из сна, как из бездонного провала, обещавшего блаженное забытие еще хотя бы на пару минут. Окружающий мир кружился каруселью, стоило немалых трудов сфокусировать взгляд на знакомом до отвращения убранстве кабинета, последний месяц служившего Гордею еще и спальней со столовой. Неделю назад он находил в себе силы добираться до черного кожаного дивана под картой Европы, чтобы заснуть на нем. Теперь проваливался в мрачный провал сна без сновидений прямо за столом, когда измученный непрерывной многочасовой работой мозг просто давал сбой и отключался сам по себе.

Половина пятого утра.

Лимасов потер опухшее лицо, глаза превратились в узкие щелочки, через которые он взирал на мир, как сквозь амбразуры. Во рту горчило от курения и кофе, словно объединившихся в дружном усилии для создания как можно более мерзкого послевкуся. Последние три дня он держался только на кофе и никотине, подумывая перейти на амфетамины, как многие из военных. Говаривали, что в Генштабе ныне в ходу даже кокаин, но наверняка врал. Хотя, может быть, и не врал... Теперь мысль о том, чтобы затянуться «алмазной пылью», не отпугивала своей невероятностью, а манила возможностью купить еще несколько часов умеренно бодрой работы.

Гордей с отвращением посмотрел на свой стол, предмет личной гордости, чудовищных габаритов творение из дуба и карельской березы, на котором можно было разыгрывать штабные игры, не то что просто работать с канцелярской текучкой. С самого начала пребывания в этом кабинете он положил себе за правило – бумаги должны занимать не более четверти всей площади стола, а в работе не должно быть более пяти дел одновременно. Этот распорядок он беззастенчиво украл у канцлера Джугашвили, хотя говорили, что железный грузин допускал до семи-девяти дел за раз. Но Гордей трезво оценивал свои силы и понимал, что до Великого Канцлера ему еще расти и расти.

Теперь благородная древесина была полностью скрыта терриконами папок, сводок, донесений, планов, докладов. Среди рукотворного океана рабочих бумаг сиротливыми рифами высились чернильный набор из малахита, блок правительственной связи, выглядывавший из-за толстенной брошюры «Вооружение Британской армии», забитая смрадными окурками пепельница да лампа, так и горевшая всю ночь.

Гордей вновь провел руками по лицу, шее, тщетно стараясь стереть липкую паутину сонливости, щетина царапала ладони. До прихода Басалаева оставалось еще десять минут, их Лимасов решил потратить на хотя бы относительное приведение себя в порядок.

По дороге в маленький клозет, примыкающий к кабинету, он споткнулся и едва не упал, заплетающиеся ноги не держали грузное обрюзгшее тело. Полтора месяца непрерывного кабинетного сидения, ненормированного режима, трех-четырёхчасового сна, перекуса абы как. Он заплывал жиром и терял форму.

В гардеробе отыскалась свежая рубашка, умытый, выбритый Лимасов в ней снова стал отчасти похож на себя прежнего, двухмесячной давности. Но только отчасти. Гордей заметил себе, что сегодня любой ценой он должен попасть домой. Нормальная ванна, сон хотя бы шесть часов, новая смена рубашек и прочего. Тогда он снова сможет нормально работать.

Басалаев должен был вот-вот прибыть. Лимасову хотелось закрыть глаза и отдохнуть еще хотя бы пару минут, но он понимал, что стоит только прикрыть набрякшие веки, и сон снова утащит к себе, а просыпаться вторично будет еще тяжелее. Он скрестил руки на груди, нахохлившись в кресле, и снова, как множество раз до того, стал прокручивать в памяти события минувших недель. Что произошло, как произошло. И где он, Гордей Лимасов, допустил ошибку...

Два месяца, только два месяца, но сколько всего случилось за это время.

Штурм британского посольства мог бы войти в учебники тактического мастерства и успешно проведенных спецопераций, спланированных и организованных экспромтом, «на коленке». Но это было очень слабым утешением, потому что результаты все равно стремились к отрицательной величине. Архив был уничтожен до последней бумажки. Осталась лишь текущая переписка, бесполезная и ненужная, и текст некоего «Ультиматума», сухо предписывающий сложить оружие и принять неизбежное. Бейтман был убит своим же секретарем, прочий посольский персонал, из тех, кого не застигла шальная пуля, дал кое-какую информацию, но крайне обрывочную, на уровне слухов и сплетен. Разъяренный Лимасов приказал выбить хоть что-то достойное внимания любой ценой и, рассудив, что в таком деле мало специалистов не бывает, обратился напрямую к Агашеву, попросив помощи у военных мастеров экстренного допроса.

Спецов не нужно было подстегивать, офицерская честь и общечеловеческая мораль испарились после первых сводок о потерях при бомбардировке. В допросные кабинеты при МВД вернулись обычаи Тайной Канцелярии времен Будимовской Смуты, а дознаватели вспомнили «*Malleus Maleficarum*»¹⁹. Объединенными усилиями они составили кривую, обрывочную, скроенную из догадок и предположений картину, которую, дополнив положениями «Ультиматума», уже можно было принять за жутковатую, но все же рабочую гипотезу.

Но к тому времени, как поздним вечером, граничащим с ночью, Лимасов все же сдержал свое обещание и подготовил доклад, способный хоть что-то прояснить императору, было уже поздно.

Они вновь опоздали.

В тот же день, седьмого августа, отступавшая с боями Вторая Ударная группировка Северного флота и подводники донесли о неизвестных кораблях, десятках, если не сотнях кораблей, гигантским конвоем проходивших между Оркнейскими и Шетландскими островами. Транспортники двигались сложным многоколонным ордером, под охраной британских Военно-воздушных и морских сил и неизвестных кораблей, под эшелонированным воздушным прикрытием «авиации».

«Авиация».

Лимасов попробовал это слово на языке, как горькое зернышко перца. Впервые услышанное из радиоперехватов английских военных, оно очень быстро распространилось по всему миру, вытесняя привычное «аэросилы». В коротком, звучном слове воплотилось многое, очень многое.

Кто бы они ни были, откуда бы ни явились, враги были живыми людьми, из плоти и крови, а уж англичане – тем более. По крайней мере так предполагалось изначально... Вражеские

¹⁹ «Молот ведьм».

корабли были вполне материальны, их можно было повредить и уничтожить. Время растерянности сменилось взрывом бешеной активности, жертвы бомбардировок взывали о возмездии, противник обрел конкретные очертания. Восточная Группа флотов Конфедерации двинулась через Атлантику, Северный флот Империи совместно с немецким ВМФ приготовился запереть противника в Немецком море²⁰.

Стало очевидным, что на стороне неведомых пришельцев выступили англичане, и это было весьма серьезно, но в целом – приемлемо. Англия все еще имела самый многочисленный надводный флот, но заметная часть его за последние полтора десятилетия сильно устарела технически. Корабли годами не проходили модернизацию, готовясь к давно минувшей войне времен англо-американского конфликта за Канаду и Кубу. Британцы сильно отставали в системах наведения, очень сильно – по топливам ракет и корректируемых снарядов, катастрофически – в артсистемах «двойного огня».

Надводный флот Конфедерации был меньше британского примерно на треть, поражая стороннего наблюдателя смесью прогрессивных технических решений и дремучего архаизма. Североамериканцы были вообще интересными и странными людьми, ухитрявшимися совмещать крайнюю восприимчивость к техническим новинкам и предельный консерватизм в их внедрении в крупную серию. Тем не менее, с учетом очень сильного подводного флота и новых достижений американцев в тяжелых противокорабельных ракетах, силы можно было считать как минимум равными.

Российская империя с неизбежными значительными тратами на сухопутную армию и ПВО обладала надводным флотом примерно в половину конфедеративного, хотя несколько превосходила по числу субмарин. Впрочем, «меньший» не значило «слабый». Северный флот в составе всех трех Ударных групп мог выставить четыре линкора «серии VI» на тридцать восемь кило тонн, каждый из них показывал противнику кузькину мать шестью 550-миллиметровыми стволами. Еще четыре линкора «новой серии I», ернически называемых «сорок три кило», несли по 8 гладкоствольных орудий калибра 490 мм на «жидкой взрывчатке» с активными снарядами и дальностью прицельной стрельбы за двести километров.

Все эти сокровища военно-технической мысли двух континентов вкупе с двойным превосходством в воздухе не оставляли противникам ни единых шансов. Так было в теории, на практике же стройные планы и наступательный порыв были развеяны «авиацией».

Сам по себе принцип создания подъемной силы с помощью крыла был не нов и давно нашел применение в строительстве скоростных планеров для разведки, доставки почты и прочих специальных надобностей. Реактивное движение и ракетный двигатель также были в почете. Но объединение этих конструкторских идей в мире комбинированных аппаратов, где аэродинамическая подъемная сила служила в качестве дополнительной к аэростатике, создание планера, движимого истечением раскаленных газов... Это было не просто новаторство. Это было нечто сродни гигантскому винтовому планеру или бомбе, основанной на атомном распаде, – идея теоретически возможная, но совершенно бессмысленная за ненужностью.

Это было немыслимо.

Но это было.

Сотни тысяч квадратных километров на тридцать часов стали ареной ожесточенной схватки в трех средах сразу, на море, в глубинах, в воздухе. И везде «авиация» пришельцев, стремительная, всепроникающая, прекрасно вооруженная, ставила жирную, однозначную точку безоговорочной победы. «Планеры», или, как их теперь все чаще называли, «самолеты», вели разведку, сбивали дирижабли ДРЛО, громили дальними ракетными пусками и управляемыми бомбами соединения боевых кораблей. Даже подплав оказался бессилен, хотя, строго говоря, здесь основную работу сделали англичане.

²⁰ Распространенное название Северного моря.

К вечеру восьмого числа Морской штаб, тяжело страдая от презрения к себе, едва ли не сквозь зубы доложил, что соединения Северного флота в беспорядке отходят, неся тяжелейшие потери. Радиоэлектроника, дальнобойное управляемое оружие и авиация Врага победили с разгромным счетом. Моряки в свою очередь отчитывались о несметных полчищах вражеских самолетов, сметенных с неба, десятках потопленных вражеских транспортов. Кто знает, сколько в них было правды, а сколько естественных приписок, ошибок и пристрастных толкований, но это хоть как-то обнадеживало, давая надежду, что Враг купил победу за неподъемную цену.

Высадка началась 9 августа, на северном побережье Германии от Нордена до Мельдорфа. Одновременно боевые группы вражеских мониторов (или того, что можно было условно назвать «мониторами») вошли в устья Эмса, Везера и Эльбы. Пользуясь хаосом и шоком, десантные катера поднялись до Латена и Меппена, Бремена и Гамбурга, продвигаясь так же по Эмс-Ядсу и Кюстенканалу. С ходу были захвачены порты Вильгельмсхафена и Бремерхафена, ставшие основными плацдармами атакующих. К середине августа можно было со всей определенностью сказать, что Центральная Европа стала объектом прекрасно спланированного и блестяще организованного вторжения.

Лимасов был материалистом и почти атеистом, его отношения с высшими силами строились по достаточно простой схеме. Гордей полагал, что настоящий Бог – сущность, по определению лежащая за пределами человеческого понимания и границ познания. Божественные цели и намерения человек постичь не может, точно так же, как муравей не может понять человека, а ведь насекомое гораздо ближе человеку, нежели человек – Богу. Из этой нехитрой логической конструкции Лимасов делал простой вывод: есть Бог или нет – для человека разницы никакой. Молиться Всевышнему бесполезно, поскольку Бог всеведущ и все знает гораздо лучше, просить о помощи – тем более. Соответственно, нет ни Рая, ни Ада, ни небесной и подземной братии.

Однако, изучая вооружение, технику, образ действий Врага, стараясь вычислить его агентуру, Лимасов начинал все лучше понимать adeptов стремительно множась апокалипсических сект и просто истинно верующих, толкующих Вторжение как Конец Света. По мере разворачивания грандиозной европейской битвы разведка стала получать все больше отрывочных сведений о том, что происходит на оккупированных территориях.

Кто бы ни были пришельцы, пришли они из мифической Полой Земли, из параллельного мира или вырвались из самого Ада, но людьми они не были.

Гордей посмотрел на огромную карту Европы, занимавшую одну из стен, прямо над диваном. Оперативная обстановка на фронте была не его заботой, но Лимасов постоянно следил за ней, потому что каждое перемещение линии фронта пожирало у контрразведки ресурсы и людей. Ценных специалистов, опытных оперативников и бойцов, спешно мобилизуемых и бросаемых в жерло сатанинской войны. Сейчас европейский ТВД полыхал огнем сразу трех грандиозных сражений.

На востоке маршал Шульгин держал фронт между Берлином и Лейпцигом, отчаянно маневрируя, не пропуская Врага в «Дорожные Ворота» – густую сеть автобанов, связывающих Пангерманский Союз и Империю. Неожиданно выдвинувшийся командующий делал невозможное, но его силы были на пределе, а подкреплений не предвиделось.

На Юге остатки Ландвера защищали Нюрнберг, «колыбель» Объединенной Германии. Что там происходит, было малопонятно, но по крайней мере до полуночи город еще держался, хотя и почти полностью блокированный. Впрочем, до его падения оставались дни, если не часы. Мюнхен был срыт в щебень массированными бомбардировками «Сорока девяти демо-

нов»²¹, и с потерей Нюрнбергского транспортного узла Германия распадалась на две несвязанные части, изолированные лагеря без возможности маневра соединениями между ними, что до сего времени хоть как-то спасало ситуацию. Подкрепить Нюрнберг было также нечем.

На Западе немец Антон Шварцман, француз Морис Туле и русский Игнвар Кнорпель во главе разбитого франкского Народного Ополчения и отдельных частей Ландвера цеплялись за выжженную землю между Страсбуром и Саарбрюкеном. Отчасти им помогал Саар, ставший большим оборонительным рвом, но и здесь силы защитников иссякали.

Три россыпи точек на карте, в которых сгорали надежды на то, что, быть может, на этот раз Врага удастся остановить, впервые за два месяца непрерывных боев.

Лимасов и его люди делали все, что было в человеческих силах и сверх того, но агентура Врага ускользала, как дым. Чем дальше, тем больше Лимасов склонялся к тому, что ее и не существовало. Противник, кто бы он ни был, опирался на британскую разведывательную сеть, пользуясь ее данными для собственного планирования. А англичане не зря похвалялись тем, что первые в западном мире организовали самостоятельную разведывательную службу. Военная контрразведка Империи и Особый Департамент громили английские разведсети, отлавливали резидентов, но не могли достать всех.

И еще оставался проект «Исследование».

Прибыл Басалаев.

Один из коллег как-то сказал Лимасову, что он похож на майора Бориса Басалаева, командира специальной оперативной группы при «Исследовании». Гордей не преминул указать, что это майор может быть похож на него, но никак не наоборот, но про себя согласился. Оба бывшие спортсмены-борцы, оба среднерослые, кряжистые. Правда, Басалаев в тридцать один год сверкал солидной лысиной, Гордей же пока не потерял ни одно волоска. Майор был вечно красен, словно находился на грани апоплексического удара, шеф Особого Департамента отличался почти вампирической бледностью. Зато Басалаев держал себя в строгой форме и обладал атлетической фигурой, чем, увы, уже не мог похвалиться Гордей.

– И? – только и спросил Лимасов.

– Барнумбург, – кратко ответил Басалаев. – Он в Барнумбурге. Особая группа уже в пути, я вылетаю через два часа.

– Чтоб он сдох, – выразительно произнес Лимасов, тоскливо глядя на карту, хотя и так знал, что означенный город находится северо-западнее Саарбрюкена, как раз на правом фланге железного потока Врага.

* * *

Было ранее утро, по сути – еще ночь, но Таланов последнее время очень мало спал. Он боялся сна.

«Вес около 30 тонн, предполагаемая скорость движения (макс.) до 60 км/ч., шестикатковая ходовая часть. Толщина брони и дифференциация бронеплит не установлены, так как ни один подбитый экземпляр эвакуировать с поля боя не удалось. Орудие – 88 или 105 мм (не уст.), длина ствола не менее 50 калибров...»

Виктор отложил брошюру, за которой коротал предрассветные часы, покачал головой, разминая затекшую шею. Тонкую книжицу под бестолковым названием «Обобщение опыта боестолкновений в Германии» раздали три дня назад – непозволительно поздно для справочного материала, необходимого как воздух. Офицеры и рядовые, выкраивая драгоценные минуты между изматывающей рутинной службы, читали ее как Библию. На страницах скверной

²¹ Обиходное название «Тяжелой авиадивизии», базировавшейся у Хабнарфьордура.

желтой бумаги, в строчках, набранных мажущимся шрифтом, они искали ответы на вопросы, что уже второй месяц довели над каждым солдатом сражающейся Европы и Российской империи.

Кто этот загадочный Враг? Откуда он пришел? В чем секрет его успехов? Открывая брошюру в первый раз, Таланов готов был поверить во многое, в том числе и в официальное признание демонической природы Врага. Метафизики он не нашел, «Обобщение» давало краткий обзор куцых сведений, которые удалось добыть разведке. В какой-то мере тощая книжица отвечала на вопросы, но лишь отчасти и порождая еще больше новых.

Таланов бросил напоследок взгляд на рисунок, иллюстрирующий описание, – приземистое страшило на широченных гусеницах, составленное из жестких, рубленых углов, с башней, кажущейся неестественно маленькой в сравнении с корпусом, и чудовищной длины оружейным стволом. Тонкие красные стрелки с краткими подписями кололи нарисованное чудовище, указывая предполагаемые уязвимые места, но выглядели они как-то откровенно жалко и несерьезно.

«Тридцать тонн», – подумал капитан, автоматически сравнивая страшило с двадцативосьмитонным «Барсом», самой массовой бронемашинной Империи. Аппараты находились в одной весовой категории, но приземистый гусеничный «Pfadfinder» смотрелся гораздо внушительнее. Да и результаты столкновений говорили сами за себя.

Читать дальше расхотелось, тем более что брошюра была проштудирована вдоль и поперек не один раз.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Таланов решил в очередной раз проверить свою роту, размещенную в огромном ангаре, который за свою долгую жизнь успел побывать домом для легкого дирижабля, складом техники, силосным хранилищем и даже сеновалом. Даже сейчас, несмотря на обилие техники и сопутствующую гамму технических запахов, стоило лишь чуть сильнее втянуть воздух, чтобы ощутить легкий аромат сухой травы.

Постоянная проверка досуга подчиненных и изобретение новых занятий есть неотъемлемая часть должностных обязанностей любого офицера. Но для Виктора это стало еще и единственным способом забыться, забить голову ежедневной нервной суетой до такой степени, чтобы не осталось места для посторонних мыслей.

Только бы *они*, те, кого больше не было, снова не пришли к нему во сне...

Рассудком Виктор понимал, что его вины нет. Но трезвые рассуждения были ничем в сравнении с ежедневным мучительным «а ведь ты мог бы...».

Главной целью последней группы бомбардировщиков был Восточно-Сибирский гелиевый комбинат, крупнейший на континенте, сравнимый разве что с техасским собратом «Хьюготон», но по пути «демоны» сбросили пару своих адских зажигательных боеприпасов на Саранск, ставший в последние десять лет одним из крупнейших городов и транспортных терминалов Империи. Случись это часом позже или часом раньше, семья Виктора была бы жива. Но судьба распорядилась иначе, и от них не осталось даже пепла, который Таланов мог бы предать земле.

Несмотря на массовое возвращение в строй отпускников, Таланов был освобожден от него в силу объективных обстоятельств. На волне победных настроений один офицер ничего не решал, предполагалось, что противник будет разгромлен в считанные дни, самое большее – недели. Враг очень бодро начал, Северная Германия содрогалась под ударами десанта, но уже первые разведданные показывали, что у вторженцев очень мало сил. Перебрасываемый через Ла-Манш на всех мыслимых плавсредствах трехсоттысячный экспедиционный корпус британцев – все, что смог собрать Остров, выбрав до дна армейский запас. И еще примерно столько же пришельцев с огромного конвоя, возникшего из ниоткуда в Северной Атлантике. Это было солидно, но один Пангерманский Союз мог выставить почти столько же, немногим менее – французы. Экстраординарность положения и не прекращающиеся ни на один день

варварские бомбардировки позволили в считанные дни решить ранее непреодолимые разногласия. Миллионная армия Империи была готова вступить в бой на стороне Европы. С учетом Конфедерации и менее значимых контингентов других европейских стран соотношение сил было более чем семь к одному.

Известие о том, что Савелий Сергеевич пропал без вести, окончательно подкосило Виктора. Он даже пытался начать пить, но в семье Талановых с алкоголем издавна не дружили, и попытка сорвалась, закончившись тяжелым отравлением.

Он искал забытие в тяжелой домашней работе, бездумно, день за днем, с рассвета и дотемна занимаясь всевозможным ремонтом. Вскapывал сад, чинил заборы, копал дренажные канавы, ломал и перекладывал заново старые кирпичные стены подсобных помещений. Таланов не читал газет и не смотрел новостник, поэтому не видел, как после первой недели браvурных сообщений и торжественных сводок тяжелая длань цензуры неожиданно опустилась на все средства массовой информации. Военные сводки теперь передавались два раза в день, в девять утра и в девять вечера. Затем только один раз. Затем регулярные сообщения о ходе военных действий прекратились вовсе, будучи заменены множеством информационных передач и фильмов о мощи имперского оружия и готовности имперских солдат к подвигу и самопожертвованию.

Таланов не читал газет, не смотрел новостник, не отвечал на надрывающийся телефон, и однажды за ним пришли.

Империя мобилизовывала всех своих воинов, поговаривали и о введении всеобщего призыва, и Таланов отбыл к своему батальону, к тому времени переброшенному на юг Польши.

Отдельный аэродесантный батальон насчитывал около двухсот пятидесяти человек, сведенных в три роты, на мотоциклах высокой проходимости и легких бронеавтомобилях. Подобные части предназначались для оперативного решения всех возможных военных проблем империи в любой части света. Перебрасываемые на транспортных дирижаблях «аэробаты» могли сражаться с любым противником самостоятельно, сводимые в бригады и отдельными ротами. Это был «ultima ratio»²² непрекращающегося соперничества сверхдержав на территории Африки и Южной Америки. Боевой кинжал, который Россия доставала только против самых достойных и серьезных врагов наподобие американских или британских морских пехотинцев.

Но в сражении с Врагом нужен был не кинжал, а лом. Там, где армии Империи, Германии и Франции сходились один на один с британцами, военное счастье склонялось на сторону более многочисленного и умного, как это было испокон веков. Там, где в сражение вступал Враг, исход был предопределен независимо от соотношения сил. Отдельные части специального назначения были идеальным оружием негласной малой войны на территории третьих стран, но в условиях сражений лета-осени пятьдесят девятого превратились в классический чемодан без ручки – слишком слабые и малочисленные, чтобы биться наравне с линейными соединениями.

Отдельный батальон путешествовал по всей Европе – Королевство Польское, Чехословакия, австрийские земли Пангерманского Союза... Часть скользила по кромке линии фронта, готовая вступить в бой и все время перебрасываемая туда, где дела обстояли еще хуже. По железной дороге, автопоездами, своим ходом, расходуя драгоценный ресурс штатного транспорта. Только не дирижаблями и гиропланами – несущий огромные потери аэротранспорт стал слишком ценен.

Каждый день капитан Таланов целенаправленно изматывал себя до предела, чтобы далеко за полночь забыться мертвым сном. Виктор и ранее слыл очень требовательным, хотя и справедливым командиром, теперь же он окончательно превратился в вездесущего призрака.

²² «Последний аргумент» (лат.).

Бледный как покойник, с мертвенным взглядом запавших глаз, обведенных темными кругами, капитан пугал солдат неожиданными появлениями из ниоткуда, от его пронзительного взора не укрывалось ничего, вплоть до плохо смазанного затвора винтовки. Прежде уважаемый командир ныне вызывал ненависть подчиненных, но длилось такое положение дел недолго.

Слухи...

Им не было преград и препятствий. Против слухов оказались бессильны цензоры, полиция и контрразведка. Тайные слова змеились среди городов и поселков, прокрадываясь по улицам, заползая в каждый дом, проникая бесплотными щупальцами в уши, жадные до новостей.

Слухи о битвах и поражениях. О воздушных чудовищах, летающих быстрее звука, извергающих с неба смерть. О ползущих по полям сражений бронированных монстрах, неуязвимых для бронебойной артиллерии. О Врагах, к которым лучше не попадать в плен.

Затем к слухам добавился и личный опыт.

Название города Таланов не запомнил, какой-то промежуточный пункт на пути между Мюнхеном и Саарбрюкеном. Генералы забыли первое правило новой войны – любое крупное скопление войск в тылу очень быстро вызывает налет бомбардировщиков. Транспортная развязка оказалась забита техникой и людьми почти на неделю, непозволительно долгий срок. Таланов какое-то время мрачно взирал на все это, а затем, улучив момент, посоветовал комбату отвести часть подальше. Зимников внял.

Всего лишь одна бомба, контейнерный термобарический заряд из тех, что обратили в пепел Саранск. Ярчайшая вспышка в ночном небе, яростный порыв ветра, в считанные мгновения превратившийся в ураган – миллионы кубометров воздуха устремились в пустоту, выжженную взрывом.

Благодаря настороженности капитана трехротный батальон всего лишь стал двухротным, а въедливый и придирчивый капитан вернул уважение бойцов.

Таланов вышагивал среди мотоциклов, укрытых брезентом. Несмотря на надвигающуюся ночь, рота не спала. В неверном свете переносных фонарей солдаты перебирали несколько машин, сильно изношенных после маршей по дорогам Европы. Кто-то чистил оружие – ритуал, заменяющий бойцу молитву и медитацию. Среди негромкого говора, металлического позвякивания, запаха бензина, масла и оружейной смазки Виктор искал что-нибудь, что следовало бы исправить, неполадку, которую следовало устранить, недочет, на который следовало указать.

– Господин капитан, комбат вызывает... Совещание...

Таланов смерил взглядом щуплого лейтенанта, командира минометного взвода, поджал губы. Тот немедленно осознал оплошность, подтянулся, заученным жестом бросил к виску напряженную ладонь.

– Господин капитан. Разрешите!..

– Все уже, обратился, – оборвал его Виктор. – Веди.

Лавируя вслед за лейтенантом меж групп людей и машин, Таланов ощутил мимолетный укол совести – маленький тощий офицерик, попавший в гвардию по недоразумению и авралу военной неразберихи, не заслужил такой суровой отповеди. На войне, пусть даже и в тылу, формальности неизбежно сглаживаются. Но совесть успокоилась быстро и легко.

В небольшой будке, похожей на сторожку путевого обходчика, разместилось все командование батальона – сам комбат майор Петр Захарович Зимников и командующие первой мотоциклетной ротой, разведотрядом, бронебойщиками, ремротой и отдельным разведвзводом.

С комроты-два Талановым и лейтенантом-минометчиком командование батальона собралось в полном составе. Рядом с майором занял место неизвестный кондуктор-«аэростатчик» в мятом темно-синем мундире, с пышными усами «по-польски», впрочем, печально и неряшливо обвисшими. Офицеры разместились вокруг широкого неструганного стола с

единственной лампой «летучая мышь» посередине. Рядом с лампой лежал вскрытый конверт коричневой плотной бумаги с надломленными сургучными печатями и стандартной двуцветной шнуровкой. Боевой приказ.

Зимников обозрел присутствующих и открыл совещание, по старой привычке стукнув по столу авторучкой.

– Господа, – начал он, отбивая в такт все той же ручкой, словно ставя точку после каждого слова. – Новости следующие. Как вы знаете, последние десять дней боевые действия шли северо-западнее Саарбрюкена, вдоль трассы пятьдесят один. Вчера окончательно наметились изменения в стратегии противника. Он переносит ось наступления к Саарлуи.

Майор развернул карту, кондуктор молча затеплил лампу, добавляя света. Таланов отметил, что его пальцы слегка подрагивают, зажечь керосинку он смог лишь с третьей спички. Зимников сделал вид, что не заметил этого.

– Чем рады, другой нет. Карты нынче в дефиците, – заметил он, стараясь сгладить напряжение.

Таланов привстал, как и все остальные, склонился над картой. Она была французской, вместо привычной красно-черной гаммы условных обозначений эта была разрисована комбинацией сине-желто-красных значков. Франкская система Таланову, как и прочим присутствующим, была знакома, но непривычные обозначения вспоминались с некоторым усилием.

– Саарлуи – это в первую очередь перекресток шести главных автодорог, железнодорожная магистраль и ответвление Большой Дороги²³, – продолжил Зимников. – Конечно, там хорошо поработали вражеские бомбардировщики, но узел все еще работоспособен. Судя по всему, противник намерен прихватить его своей загребущей лапой. Как легко заметить, в этом случае он получит полный контроль над рокадой в своем ближнем тылу, даже двумя, если считать двести шестьдесят девятую автостраду. А еще у него будет возможность наступать вдоль любой из трех дорог, идущих на юго-запад, к Метцу и в обход его. Это плохо, потому что если у него получится, будет новое окружение.

Зимников прочистил горло, потер шею ладонью, словно разогревая и подгоняя застрявшие слова.

– Стараниями Кнорпеля и наших славных летчиков, – продолжил он, слегка качнув головой в сторону усатого кондуктора, – Саарлуи достаточно хорошо защищен с воздуха, насколько это вообще возможно, а авиации у противника не густо. Поэтому есть надежда, что на этот раз получится свести бодалово к сугубо наземному, без всей этой воздушной катавасии... – Майор вздохнул. – Хотя, конечно, это было бы слишком хорошо... И мы на это надеяться не будем. Итак, наша задача.

Палец Зимникова скользнул по карте и уперся в небольшую точку на тонкой синей линии ниже и правее крупного кружка, подписанного «Saarlouis».

– Это приток Саара, неширокий, но, зараза, глубокий, как чертова задница. По сути, ущелье. Там мост, фермовый, но рассчитан на автопоезда. Прочный, вполне выдержит бронетехнику и тягачи. Если там, – Зимников значительно поднял палец к потолку, – все угадали правильно, завтра-послезавтра противник этот мост попытается захватить. Соответственно, мы немедленно сворачиваемся, своим ходом выдвигаемся и воспрепятствуем. Держимся до завтрашнего вечера, к этому времени к нам подойдет сводный отряд из французов и немцев. Даже с броневиками.

– Кто противостоит? – деловито спросил комроты-один, потирая костяшки пальцев. Внешне он казался бесстрастен, но в голосе звучала плохо скрытая надежда.

– Как повезет, – исчерпывающе ответил Зимников. – Хорошо повезет – побьем немножко англичан, а там как получится. Плохо повезет – в гости приедет... «панцершпиц»...

²³ Обиходное название трансконтинентальной автомобильной магистрали, связавшей Евразию от Испании до Китая.

Сказанное слово повисло в воздухе осязаемой, плотной тяжестью.

«Panzerspitz»²⁴.

– Все зависит от того, что в наличии у противника и какое значение он придает именно этому мосту, – закончил майор. – Мы здесь ничего поделать не можем, поэтому выполним приказ как должно.

– Нас мало, – заметил командир разведвзвода, объединявший в одном лице бесшабашную удаль и мрачный пессимизм.

Этими двумя словами он и ограничился, но то, о чем он умолчал, было и так очевидно. Неполный батальон составом менее двух сотен человек отправлялся на острие нового витка большой схватки. Это сулило очень большие приключения, даже если им повезет и в бою батальон встретится только с британцами...

– Зато мы высоко летаем и далеко ездим, – ответил Зимников и закончил прения кратким и суровым. – К исполнению.

Глава 2

Мост

10 октября

Когда Зимников только поступал в офицерское училище, в ходу была поэтическая поговорка: «Расстояние между жизнью и смертью солдата можно высчитать с точностью до миллиметра, оно строго равно глубине его окопа». Сам Петр Захарович говорил проще: «Кто ленится окапываться – тот дурак» – и неукоснительно требовал от своих бойцов умения закопаться по уши в землю в кратчайшие сроки в любой обстановке. Иногда над ним посмеивались – аэродесантникам редко доводилось участвовать в позиционных боях. Критикам и насмешникам майор отвечал просто: «Лопата круче винтовки – на ней еще можно готовить» – и требовал от снабженцев весь положенный по штату шанцевый инструмент.

Таланов командирского увлечения землекопными работами не разделял, но по необходимости учил свою роту и следил за соблюдением нормативов. Теперь он очень хорошо понимал, что майор был мудр и прозорлив. Со всех сторон доносились характерный скрежет лопат и хруст разрубаемых корней, регулярно прерываемые образными и смачными проклятиями. Пехота окапывалась как одержимая.

Оценивая «землекопство» своей роты, Таланов вспомнил эти присказки командира с определенной теплотой. Далеко не каждая линейная часть смогла бы перекидать столько кубометров земли за считанные часы, да еще после марша и пусть короткого, но боя.

Путь к мосту вспоминался как страшный сон.

Батальон выступил с минимальной задержкой. В обычное время переход занял бы часа два, но сейчас, осенью, с ее поздними рассветами, по скверной чужой карте, им понадобилось более пяти. Долше всего они задержались на подходе к перекрестку, за которым дорога шла напрямки к заветному мосту. Пересечение двух четырехполосных шоссе было намертво заблокировано толпами беженцев. Люди шли непрерывным потоком, кто-то нес скудный скарб в руках или за плечами, многие катили магазинные тележки. Встречались даже с вполне садового вида тачками. Капитану и ранее доводилось видеть беглецов, спасающихся от военных

²⁴ Бронегруппа – строго говоря, «Panzerspitz» означает скорее танковый дозор, но ошибочный перевод прижился в войсках и стал нарицательным, обозначая ударную механизированную группу Врага, обязательно с наличием тяжелой бронетехники.

ужасов, но он привык, что подобное происходит где-то за морями, в далеких странах, с людьми черного и красного цвета кожи. Здесь же все были белыми, немцами и франками – немыслимое после семидесяти лет общеевропейского мира явление. И никогда их не было так много, невероятно, немыслимо много.

Сотни, тысячи беженцев брели по утреннему холоду одинаковым плетущимся шагом, похожие на серую волну, захлестывающую все дороги, дорожки и тропинки. В этой толпе были люди всех возрастов, мужчины и женщины, дети и те, чей век клонился к закату. Потертая куртка соседствовала рядом с роскошной пиджачной парой, стильная шляпка, ныне помятая и сбитая, – бок о бок с засаленным котелком.

Таланов никак не мог понять, что роднило всех без исключения беженцев, что проходили сотня за сотней перед его взором, пока не всмотрелся внимательнее в их лица. Капитан думал, что его уже ничего не может потрясти, но, осознав увиденное, ужаснулся.

Толпа была безлика. Многие, вливаясь в нее, поначалу старались спешить, погонять шоферов, если были на транспорте, или лошадей, если на повозках, но быстро увязали и поневоле принимали общую скорость и ритм. Толпа принимала каждого, и каждый, ступая в ее ряды становился ее частью, безликим атомом, одержимым лишь одной мыслью, одним желанием – уйти подальше от надвигающейся беды. На всех без исключения лицах лежала страшная печать обреченной усталости. Усталости не тела – души. Тавро страдания и безнадежности.

Военная полиция французов не справлялась, высланные вперед дозорные быстро вернулись с сообщениями, что на километры впереди шоссе превратилось в сплошную пробку, в которой смешались беженцы, отступающие части, бойцы и техника, стремившиеся к фронту. Все это медленно перемещалось, подобно холодным и теплым течениям в толще океана.

Зимников не стал ждать и воспользовался преимуществами батальонной техники. Мотоциклы и машины двинулись вдоль трассы, по осеннему лесу, медленно, но заведомо быстрее и вернее чем по ней. Кашляли мотоциклетные моторы, вездеходы, которые уже второй месяц обходились без нормального обслуживания и ремонта, задыхались, словно астматические старики, но никто не отстал. Километров через десять стало полегче, гвардейцы смогли вернуться на дорогу. Поток беженцев иссякал на глазах, а когда до моста осталось с полчаса пути – шоссе опустело.

Уже на подходе Зимников получил неприятное известие – разведывательный дозор сообщил по радио, что противник успел раньше.

Новость была неприятной, но терпимой – разведка незаметно подобралась к мосту и подсчитала силы противника. Англичане, численностью до взвода, без бронетехники и артиллерии. Майор думал недолго, приказав разведке разобраться с противником своими силами – батальон катастрофически выбивался из графика и времени на правильный штурм с развертыванием всех сил и подготовкой уже не было.

Отдельный разведвзвод на двенадцати мотоциклах, с пулеметом и мощной «десятикилометровой» рацией на каждой машине был специально сформирован таким образом, чтобы при необходимости «работать» не только в качестве разведки, но и как ударный «кулак», передовой отряд. Комвзвод получил приказ и выполнил его не без определенного шика, даже в какой-то мере пижонства. Англичан взяли с налета, жесткой атакой «с колес». Призер внутриармейских соревнований по мотогонкам с препятствиями Горцишвили вылетел на мост на мотоцикле с бронированными листами, прикрепленными снизу между колес, и в реве мотора и скрежете металла о металл положил его на бок. Развернутый «дном» по направлению к противнику, мотоцикл превратился в импровизированную пулеметную точку, Горцишвили перекрыл десятисекундный норматив готовности к стрельбе почти в полтора раза, короткими экономными очередями он обстреливал английскую пехоту, приковав к себе и внимание противника, и его неорганизованный огонь. Между тем прочие мотоциклисты рассеивались цепью по обеим сторонам моста, вдоль каменистых краев узкого ущелья. Потребовалось не более пяти минут,

чтобы неосторожные и нерасторопные англичане не выдержали слаженного пулеметного огня и стали в беспорядке отступать, а когда мост с рыком пересекли еще три машины с явным намерением преследовать, «лимонники» уже открыто побежали. Это была большая удача, и Зимников старался использовать лимит везения на всю катушку.

Разведчики без промедления переправились на противоположную сторону и рассыпались веером, контролируя подступы к мосту. Почти через час подтянулись прочие силы, и майор понял, что кувшин везения начал показывать дно.

За многие века, может быть и тысячелетия, водный поток прогрыз в каменистой породе узкое извилистое ущелье. Его берега соединялись почти семидесятиметровой длины мостом – сложной конструкцией из паутиных ферм. Все сооружение казалось непрочным и хрупким, буквально стукни кулаком – само рассыплется. Но так только казалось.

– Сталепрокат Гогенцоллернов и их же проектное бюро, – хмуро объяснял батальонный сапер-подрывник. – Множественные точки сопротивления, перенос нагрузки по напряженным фермам. Проще говоря, рвать надо сразу во многих местах, иначе вес просто перейдет на другие стойки, и все устоит. Взрывчатки у нас штатно – не хватит. Обещали подвезти ханцузы, но это когда будет... Если вообще будет.

– У основания? – отрывисто спросил Зимников, хотя и сам знал ответ.

– Не поможет, – все так же понуро отвечал сапер. – Качественная работа! Опорные сваи заглублены, да еще подушка из армированного бетона. Нашего запаса только поцарапать хватит. Хотя есть мысль...

Сапер подкрутил ус и устремил долгий, задумчивый, можно сказать, философский взгляд на мост и далее, сквозь него. Майор терпеливо ждал, старый унтер был с серьезными закидонами и обидчив, как большой усатый ребенок, но являлся мастером своего дела, взвешивал каждое слово и отвечал за него головой. Кроме того, Зимников делал поправку на то, что человек, который тридцать лет взрывает все подряд, здравый рассудок сохранить не может. Если старый «динамитный бог» думал – значит, было над чем и стоило подождать, даже в ущерб драгоценному времени.

– Всегда что-то недокрутят, недовинтят, даже немцы, – продолжил наконец взрывник с тем же отсутствующим философским выражением лица. – Ветер, автомашины, усталость мате-риалов... Где-нибудь да расшаталось и развинтилось. Надо все осмотреть и обстучать, наверняка найду слабые места, но... – он снова подкрутил ус, – все равно не хватит. Самое большее – получится «размочалить». Любой инженерный батальон за пару часов кинет направляющие, приварит по-быстрому, положит временной настил и... Тонн до двадцати пройдет точно.

– Делай, Семеныч, делай, – буквально попросил майор. – Очень надо, сам понимаешь.

– Рвать сразу будем или по сигналу? – деловито поинтересовался Семеныч.

– По сигналу, – ответил Зимников. – Может, самым еще пригодится. Но ты уж постарайся...

– Обижаешь, командир, – буркнул сапер и, оскорбленно сопя, пошел «обстукивать», взвешивая в руке солидный ломик – «выдержу».

Зимников еще раз обозрел поле грядущей баталии, в неизбежности которой уже не сомневался. Вспомнилась очередная присказка – «География ТВД определяет бытие и сознание».

Да, тогда им это казалось смешным...

Местность была, прямо скажем, не ахти, но и не безнадежной. С «правильной» стороны моста асфальтовая лента шоссе шла прямо, как серая полоса шпаги. По обеим сторонам рос реденький, типично европейский лесок, даже не лес, а скорее россыпь рощиц, небольших, по полтора-два десятка деревьев. За мостом дорога начинала петлять, лавируя между невысокими пологими холмиками. Ближайший из них, что расположился поодаль и слева от окончания моста, не нравился Зимникову больше всего. Пригорок был нехороший, прямо скажем, сквер-

ный, забравшийся на него противник мог обстреливать из чего-нибудь крупнокалиберного всю оборону мотопехоты. Сейчас на холме разместился мотоциклетный взвод и на обратном, ближнем к мосту склоне – два вездехода, вооруженные автоматическими двадцатимиллиметровками, и минометные корректировщики. Это были застрельщики и первая линия обороны. Строго говоря – вторая, первой можно было считать разведвзвод, но ему майор приказал собраться и укрыться выше по течению, не выдавая свое присутствие. Бесшабашные сорвиголовы из разведки были его последним аргументом и «засадным полком» на самый крайний случай.

Майор предпочел бы поменять обстановку местами и держать оборону в холмах. Батальон был неплохо подготовлен для пехотного боя, но имел очень мало тяжелого вооружения. Четыре штатные восьмидесятимиллиметровые безоткатки – оружие вполне действенное против обычных броневинов класса «Барса» или английского «Чарли». Но бронемашину Врага наподобие «Katzchen» они могли взять уже с большим трудом, а что будет, если противник подгонит какого-нибудь «Пфадфингера», Зимников решил обдумать как-нибудь потом.

Обещанные французы когда еще подтянутся, и что у них с собой будет... Хотя обещали даже морские стопятидесятимиллиметровые пушки, переставленные на эрзац-мехтягу.

Зимников еще раз оценил оборонительную диспозицию. С учетом времени и усталости людей надеяться на лучшее не приходилось. Полноценную «сеть» с нормальными Z-образными траншеями и ходами сообщения отрыть не удалось, на это требовалось не менее суток и работа всего батальона уставного состава. Но и в чистом поле драться не придется, с наскоку батальон было уже не взять – стрелковые ячейки, замаскированные позиции для тяжелых пулеметов и минометов, запасные позиции. Уже кое-что.

Майор глянул на правый фланг, где окапывалась рота Таланова. Капитан беспокоил Петра Захаровича, беспокоил сильно. Когда Виктор Савельевич вернулся в батальон, Зимников поразился жуткой метаморфозе, постигшей всегда жизнерадостного офицера. Потерявший в одночасье всех близких Таланов словно вымерз изнутри. С окружающими он общался отрывисто, лающим языком команд, переходя все границы придирчивой язвительности. В старые времена он наверняка бил бы солдат за малейшую провинность, и только военное время уберегло роту от открытого возмущения и выступления против командира. Таланов почти не спал, очень мало ел, худой, мертвенно-бледный, с остановившимся взглядом, он пугал и подчиненных, и коллег-офицеров. В иной ситуации майор отправил бы капитана в тыл, на психическую проверку, а то и списал из действующей армии на лечение. Но здесь и сейчас, в неустанным беге батальона вдоль фронта, заменить Таланова было нечем. Оставалось только надеяться, что Виктор не тронется умом окончательно и не угробит роту в угоду своей ненависти и жажде мести.

Про себя, никому не признаваясь, Зимников уже почти надеялся, что Таланов сложит голову в первых боях, избавив командира от постоянных терзаний «сорвется – не сорвется».

Таланов прикинул, хорошо ли выбрана позиция первого пулеметного расчета. Для фланкирующего огня по мосту и подступам с противоположной стороны она подходила идеально, но противник мог подумать так же... Виктор решил пойти на компромисс и подготовить две запасных, с тем, чтобы при малейшей угрозе пулемет можно было оперативно перетаскать. Сложнее всего пришлось с пушкой, для нее, матерясь, сбивая в кровь ладони, подготовили почти полноценную инженерную позицию из трех больших окопов, объединенных узкими переходами и перекрытых импровизированной «крышей» из древесных стволов и веток потолка. В иное время такое укрытие подошло бы и нормальной гаубице, а не короткой безоткатной «фитюлке» весом в неполный центнер вместе с лафетом. Но кроме «фитюлек» противопоставить вражеской «бронне» было нечего, и легкие пушчонки берегли как стратегический резерв командования.

– Воздух, – крикнули с поста ВНОС²⁵.

– В укрытие! – рывкнул Таланов, эхом повторяя такой же приказ Зимникова – майор сориентировался раньше. После трехсекундной спринтерской пробежки капитан запрыгнул в окоп, приспособленный под импровизированный наблюдательный пункт и штаб – рация, переносной телефон и стереотруба. Здесь его уже ждали два связиста и порученец, вчетвером они накинули на каркас из свежесрезанных веток маскировочную сеть. Доносившийся со всех сторон топот и шорохи продолжались еще несколько мгновений и как-то разом стихли. В наступившей тишине похрипывание включенной радиации казалось неожиданно громким, забывающим все посторонние звуки. Таланов нетерпеливо щелкнул пальцами, ткнул в сторону агрегата, связист, повинувшись молчаливому указанию, выкрутил верньер громкости на минимум.

В наступившей тишине капитан, а вслед за ним и все остальные, слышали характерный шуршащий звук, идущий сверху и со стороны. Вибрирующее монотонное завывание, от которого начинало ломить в зубах, совсем не похожее на знакомый рокот привычных винтовых моторов.

«Реактивная авиация», так это именовалось в сводках и ознакомительной брошюре. Планер, или, как его уже повсеместно называли, «самолет», летательный аппарат тяжелее воздуха, обладающий двигателем, отчасти сходным с ракетным. Самое коварное и страшное изобретение Врага, страшнее его бронетехники и тяжелой сухопутной артиллерии вместе взятых.

Судя по звуку, самолет ходил широкими кругами правее и с противоположной стороны моста, вражеская машина оставалась невидимой, прячась в низких тучах, вот-вот готовых расплакаться обычным в этих краях мелким морозящим дождем. Таланов выглянул из-за края окопа, оценивая, насколько хорошо замаскировалась его рота, да и весь батальон. На первый взгляд, казалось, неплохо. Стрелковые ячейки и недлинные траншеи были отрыты так, чтобы теряться среди лесной поросли, брустверы невысоки и замаскированы листвой и дерном, маски сети также не залежались без дела, скрывая технику. Но шут его знает, как это выглядело сверху, и капитан опасался, что цвет маскировки может их выдать – из-за одной из многочисленных ошибок снабженцев мотопехоте выдали сети и пологи, предназначенные для лета, соответственно окрашенные. Мотоциклетки изваляли лохматые, обшитые кусками ткани сетки в грязи, щедро набросав сверху листьев и мелкого мусора, но кое-где зелень предательски просвечивала сквозь насыщенную желто-красную гамму редкого леса.

Чтобы отвлечься, Таланов гадал, кто пожаловал к ним в гости. Солдатская молва делила вражескую «авиацию» на три группы, ориентируясь главным образом по производимому шуму. «Бумерами» прозвали тяжелые бомбардировщики за характерный звук взрывающихся бомб, короткий и гулкий, словно выстрел в пустую бочку. «Хрюки» – фронтовые бомбардировщики, за очень специфический шум, издаваемый двумя двигателями у оснований крыльев. И наконец «визгуны» – одномоторные истребители и истребители-бомбардировщики, завывавшие высоко и пронзительно, подобно гарпиям в аду.

Таланов старался угадать, к чему ближе то, что он слышал – к «хрюку» или «визгуну», но никак не мог определиться окончательно.

Вой приблизился как-то сразу, рывком, самолет буквально выпал из серой пелены облаков, затянувшей небо от края до края. Хищный остроносый силуэт черным скособоченным крестом промелькнул сбоку и сделал глубокий вираж, снизившись метров до трехсот или даже ниже. Судя по крыльям и стреловидным очертаниям – скорее «визгун».

Таланов краем глаза увидел, как опасно вжали головы в плечи его подчиненные. Самолет пролетал почти прямо над позициями батальона, по вытянутому эллипсу вдоль берега. Воздушный аппарат казался очень уязвимым и хрупким, у капитана прямо руки зачесались

²⁵ В данном случае имеется в виду обычный пост наблюдения, без специального технического оснащения.

самолично разрядить в темно-серое металлическое брюхо пару очередей из станкового пулемета. Но он уже знал, что впечатление это обманчиво, даже по рядовому, привычному гироскопу или гибриднему аэростатическому планеру попасть «с рук» было нелегко – слишком сложно рассчитывать упреждение. А по машине, летящей со скоростью, далеко превосходящей привычные триста-пятьсот километров в час, палить без специальных приборов и таблиц стрельбы и вовсе бессмысленно, если только не в упор. Только выдавать себя и искать неприятностей на...

Додумать мысль Таланов не успел – самолет внезапно ушел вверх, резко, «свечой». Несколько секунд, и звук мотора словно растворился в небе.

– Разведчик?... – сипло, каким-то ватным голосом спросил связист.

– Как пить дать, – ответил за Таланова порученец и опасливо посмотрел на офицера. Ранее абсолютно терпимый и умеренно демократичный капитан теперь мог и на гауптвахту отправить за нарушение субординации.

Но Таланову было не до того, он считал. Три часа дня, с минутами, заход солнца в этих широтах с половины седьмого до семи. Значит, впереди еще более трех часов светлого времени. Слишком мало для того, чтобы полностью менять позиции. Слишком много, чтобы надеяться на то, что противник решит отложить все до завтра.

Стрекотнул телефон. Таланов снял трубку и без всякого энтузиазма спросил:

– Перекапываемся?

– Не получится, – прогудел в трубке голос Зимникова. – Даже со всем старанием – не успеем. Заканчивайте, что начали.

Что мог увидеть вражеский пилот, было известно только ему самому, а гвардейцам оставалось лишь надеяться, что их маскировка себя оправдала. Если самолет являлся полноценным разведчиком с фотокамерами, то даже с поправкой на дивную оперативность Врага Зимников надеялся хотя бы на час форы – пока тот вернется, пока проявят пленки, отдадут приказы. Хотя... Зимников подумал, что разведчики с фотоаппаратурой используются, скажем, для подготовки штурма долговременной обороны, а для боя передовых отрядов – много чести.

Что же, посмотрим.

Разведка и дозор минометчиков доносили о непонятной активности противника, державшегося в отдалении от моста. Там определенно что-то происходило, слышался шум моторов, но разведка не могла подобраться достаточно близко, и сведения ограничивались сообщениями о концентрации до батальона пехоты и нескольких бронемашин не установленного вида.

Батальон на батальон, пусть и с учетом того, что их часть теперь больше похожа на усиленную роту – это было терпимо. Зато они хоть немного окопались, а в оборонительном бою это дорогого стоит. По уму сейчас, после такого опасного пролета разведчика, следовало менять всю диспозицию, окапываясь заново, но в батальоне осталось слишком мало людей, которые слишком устали. А впереди хватало времени для нормальной потасовки, да и перспективы ночного боя никто не отменял.

Пехотного боя майор не боялся, судя по слухам и разведанным, в этом деле Враг ничем особым удивить не мог. Отменная выручка его инфантерии отмечалась всеми, но и в гвардию дураков не брали. Четыре реактивные пушки и минометы вкупе с невозможностью переправиться иначе, чем по мосту, в общем, позволяли побороться и с «броней». А вот вражеской артиллерии Зимников опасался по-настоящему.

Стало уже очевидно, что из какой бы преисподней ни выполз Враг, там было очень жарко. Майор издавна, с сержантской юности и офицерского училища, точно знал, что в современном мире большая война невозможна. Тысяча восемьсот семидесятые наглядно показали, что в столкновении индустриальных держав «победа» от «поражения» отличается очень условно. После этого наглядного и жестокого урока мировые игроки старались выяснять отношения на

территориях третьих стран, не переступая порога, за которым конфликты могли бы перерасти в новое побоище.

Поэтому даже в крупнейших армиях мира, как, скажем, у России, соединения формировались главным образом исходя из соображений мобильности, быстрейшей доставки в любую точку мира морским и воздушным транспортом. Габариты, вес, бронирование – все в проектировании оружия и боевой техники подчинялось в первую очередь требованиям транспортировки – как можно быстрее загрузить, перевезти и развернуть. Наиболее распространенным калибром были стомиллиметровые пушки-гаубицы. Сто двадцать миллиметров выделялись по особым случаям, а уж про сто пятьдесят и говорить нечего. Многие военные теоретики вообще отказывали в будущем ствольной артиллерии, предлагая развивать ракетное оружие и семейство минометов.

Но Враг таких естественных и очевидных вещей определенно не знал, он готовился к какой-то совершенно иной войне. Его бригады и дивизии, иногда даже полки совершенно свободно оперировали зверскими калибрами до двухсот миллиметров. Поговаривали и о трехдциметровых мортирах, но вот в это комбат уже не верил – такие стволы могли быть только в морской артиллерии.

Очень жаль, что не удалось достать мин и побольше взрывчатки. Заминировать подступы к мосту было бы в самый раз, но взрывчатки удалось наскрести только на частичное минирование пары пролетов самого моста, а обещанное подкрепление франков, которое должно было подвезти и пушки, и мины, запаздывало.

После долгого колебания майор приказал вернуться мотоциклистам и минометчикам, которых послал к холму. Он не строил иллюзий относительно возможности по-настоящему незаметно укрыться на той стороне, теперь же, после разведывательного пролета, надеяться на чудо было и вовсе глупо. Но все равно очень жаль: вынесенный вперед опорный пункт с пулеметами, двумя пушками и наблюдателями-наводчиками минометов могли хорошо потрепать противника еще на подходе. Хотя эффективность передового охранения давно была камнем преткновения в военной науке...

Зимников снова обходил позиции батальона, самолично проверял качество земляных работ и маскировки, решал вопрос с минированием моста. Время уходило, минуты одна за другой торопливо убегали в небытие, незаметно складываясь в часы. С каждым оборотом стрелки хронометра майор нервничал все больше, впрочем, старательно скрывая это от окружающих, которые и так были на взводе. Если разведка не ошиблась и враг действительно замыслил новое наступление, то каждый мост в полосе наступления становится на вес золота, так же, как каждая минута промедления. И если враги так тянут, значит, либо у них ничего нет за душой, либо они просто очень хорошо готовятся. Но ради «ничего» не гоняют авиаразведку...

В четыре часа пополудни Зимников приказал сворачивать все земляные работы со словами «До центра земли не докопаете, а отдыхать тоже надо». Обедали концентратами, чтобы не демаскировать себя.

Тревога, усталость, ожидание скорой схватки нависли над позициями гвардии. И все то же небо, скрывающее солнце, надежно прикрывающее землю серым угрюмым панцирем...

Комбату было сложнее всех – он не мог, подобно другим, позволить себе ежесекундно смотреть на хронометр, показывая тем самым нервность и тревогу. Время стало тягучим, словно американское изобретение под названием «чуинг-гам», оно уже даже не плелось, а тянулось, спотыкаясь и хромая на каждом шагу.

Пошел дождь. Скорее даже не дождь, просто в воздухе повисла мелкая морось, осаживающаяся на любой поверхности бисером крошечных капелек. Зимников выругался, несколько часов такого недодождя, который развеет сырость, плюс ночевка под открытым небом при

обычных здесь плюс десяти, и батальонному медику – хирургу Поволоцкому – будет чем заняться.

Из соседней траншеи, где заняло оборону первое отделение второго взвода, доносились тихие голоса, один солдат рассказывал товарищам:

– ...и морды у всех такие... характерные! Вот какие. Обмундирование не то чтобы с иголочки, видно, что стираное, но не ношеное. Самое то для разного десантного брата. Чуть ли не каждый при пулемете. Я подхожу к одному и говорю: «Браток, огнем и дымом не разодолжишь?»

– И чего? – хрипло спросил другой.

– Разодолжил! – довольно ответил первый голос. – Во, зацените.

После короткого шуршания бумаги о бумагу легко щелкнула зажигалка. Зимников придирчиво скосил взгляд, но дураков, приманивающих вражескую пулю на огонек сигареты, в батальоне не было. Курили «в кулак», прячась поглубже в землю.

– Знатные сигарки, – отозвался третий.

– А то ж! – самодовольно ответил первый. – И вместо пачки у него портсигар, не серебряный, но и не штамповка. Я и думаю, вроде рядовой, а сигареты не копеечные, да при портсигаре. И спрашиваю так осторожно, дескать, откуда и куда. Но так, вроде и не выведываю, а то кому охота в контрразведку загреметь? Доказывай потом, что не морской зверь спрут.

– И чего? – спросил хриплый.

– Да ничего... – В голосе рассказчика явно прорезалась печаль. – Глянул так нехорошо и говорит, с расстановкой так говорит: «Вот, возьми еще пару сигареток да иди себе, добрый человек, меньше забот будет».

– И чего? – снова повторил хриплый.

– А чего... Взял и пошел.

Негромкий, сдерживаемый хохот заглушил осеннюю капель.

– Видел я их, – вступил в разговор новый участник. – Не простые ребята, вроде как армейские, но вооружены куда как получше, а самое главное – при собственном «летуне». Они на дозаправке были. Спецчасть какая-то, поди, еще специальное нас...

– Рисковые парни, – заметил хриплый. – В такое время на экраноплане близ линии фронта ошиваться... Спешили, видно, очень спешили.

– Когда мы на перекрестке застряли, я там парой слов перекинулся с местными, из дорожной полиции, франкский хорошо понимаю. Они сказали, на рассвете нелюдь какой-то «пузырь» свалила. Выскочил едва ли не из-за угла «визгун», низко так, едва ли не по верхушкам деревьев, и отработал всеми ракетами, сколько у него их там, прямо по фюзеляжу. И все.

– Мир праху... – негромко произнес хриплый голос. – А дай-ка, брат, еще сигарку, про запас, коли не жалко.

– Жалко и не дам, – немедленно откликнулся хозяин дорогих сигарет.

– Отож жмот! – с чувством, но беззлобно сообщил неудачливый курильщик.

Разговор утих.

Влажность росла, теперь каждая задетая ветка роняла крупные капли влаги, щелкающие по каскам и брезенту. Поднялся легкий ветерок, он гулял между рошицами, поднимая опавшую листву мелкими смерчами, стряхивая с деревьев маленькие водопады. Один такой попал на кусок брезента, прикрывающий импровизированный КП комбата, пробежал меж складок, собрался в струйку холодной воды, прицельно пролившейся Зимникову за воротник. Майор беззлобно выругался, повел плечами, словно выгоняя забравшегося под одежду комара, снова взглянул на часы. Шестнадцать часов, двадцать девять минут. Длинная, тонкая, словно паутинка, секундная стрелка черным штрихом добежала до «12», отмеряя ровно половину пятого.

И вдали, далеко из-за холмов, простирающихся по ту сторону моста, слышался знакомый звук, привычный и одновременно ненавистный – басовитый шелест, словно провели по

шелку огромной ладонью. Звук нарастал, перекачиваясь, словно ему было тесно между серым небом и мокрой землей.

Артобстрел.

В голове Петра Захаровича успели промелькнуть две мысли.

Первая: «Уважают, черти, не какими-нибудь хлопушками долбят, все по-взрослому».

Вторая: «Все-таки тяжелые стволы...»

И первые снаряды обрушились на позиции батальона.

Глава 3

Чудовище из моря

Гилберт слышал приближающиеся шаги издалека, в семейной резиденции Ванситтартов любой звук отдавался глухим эхом. Когда-то этот дом был полон жизни, в лучшие времена он давал приют сразу четырем поколениям почтенной и уважаемой семьи. Но времена меняются, и трехэтажный особняк ныне более походил на склеп, угрюмую усыпальницу былой славы и амбиций.

Шаги приближались. Сэр Гилберт Ванситтарт, правительственный советник, поднялся из глубокого кресла, еще раз окинул взглядом каминную гостиную – безупречен ли ее вид, готова ли она принять гостя? – и слегка развел руки в гостеприимном жесте, приветствуя вошедшего.

– Здравствуй, Джеймс, дружище, дело к ночи, ты опаздываешь.

Сводные братья были душевно близки с ранних лет. Старший, Гилберт, всегда опекал младшего Джимми, по сути заменив тому отца, мрачного и нелюдимо аристократа, разумом и памятью оставшегося в «славных временах великой королевы». Превратности жизни развели пути братьев, старший пошел по административной стезе, со временем став доверенным советником правительства и Его Величества, специалистом по экономическому анализу Континента. На этом поприще Гилберт зарекомендовал себя настолько хорошо, что со временем его сочли достойным даже для включения в «Большую Четверку» – группу «переговорщиков» с Державой.

Младший избрал карьеру в колониальных войсках, да еще в пехоте, тем самым очень сильно уронив престиж семьи в глазах светского общества, полагающего достойной военной службой флот, на худой конец ВВС.

Но Гилберт все равно любил брата, искренне радуясь их нечастым встречам. Джеймс платил ему взаимностью.

Так было всегда, но в этот раз Гилберт с первого взгляда понял, что их отношения подернулись льдом... Он читал знаки отчуждения во всем – в нахмуренном лице брата, в чопорной осанке, словно тот стремился любой ценой подчеркнуть официальность их встречи, в формальном – лишь кончиками пальцев – рукопожатии. И в обращении.

«Здравствуй, брат», – ответил Джеймс.

Семейные традиции Ванситтартов неподготовленному человеку зачастую казались странными и непонятными. По какому-то давнему, уже забытому поводу Ванситтарты никогда не называли друг друга «братьями». «Друг», изредка, по особым случаям – «дружище», только так. Впервые за много лет Джеймс нарушил этот обычай, словно отгородившись стеклянной стеной, и Гилберт понимал, почему...

Тихо потрескивали дрова в камине, огонь приплясывал на поленьях, освещая гостиную. Братья сидели перед ним, по бокам небольшого сервировочного столика, потягивая кларет. Внешне – уютный вечер, долгожданная встреча давно не видевших друг друга родственников. Но напряжение повисло между ними, словно наэлектризованное облако, невидимое, но ощу-

тимое. Несколько раз младший брат порывался что-то сказать, но не решался, скрывая растерянность и неуверенность за очередным глотком из бокала. Старший терпеливо ждал.

Джеймс наклонился, взял каминные щипцы на длинной ручке и помешал угли. Огонь рассыпал облачко багрово-красных искр, вспыхивающих, словно крошечные метеоры и немедленно гаснущих, превращающихся в крошечные точки пепла.

«Как человеческие жизни, – не к месту подумал Гилберт, – мы так же горим, ярко, быстро, чтобы погаснуть и обратиться в прах... Человеческая жизнь – лишь миг в истории». Одна неуместная мысль потянула за собой другую – о мириадах жизней-искорок, что ярко вспыхивали и преждевременно гасли сейчас в Европе. Гилберт почувствовал, как мрачное настроение брата передается и ему, погружая в черную меланхолию.

– Я рад, что тебе удалось получить небольшой отпуск, – произнес он, просто чтобы сломать лед молчания. – Расскажи мне, как обстоят дела на фронте?

– По-разному... – откликнулся Джеймс, он по-прежнему избегал встречи взглядами, старательно всматриваясь в текучий танец языков огня. – По-разному, – повторил он чуть тише.

– Расскажи, – почти попросил Гилберт.

– Ты не получаешь сводки? – полюбопытствовал Джеймс. В его словах чуткое ухо старшего Ванситтарта слышало горечь.

– Я политик и экономист, а не военный, сухие числа говорят мне меньше, чем хотелось бы, – искусно солгал старший брат. – Я хочу услышать новости от того, кто участвует в этой войне с самого начала, на передовой линии.

Джеймс помолчал, покручивая в длинных холеных пальцах почти пустой бокал, решительно, резким жестом поставил его на столик, едва не разбив. Младший повернулся к старшему, и, встретив наконец прямой взгляд брата, Гилберт ужаснулся.

Джеймс всегда был «человеком-огнем» – порывистым, импульсивным, взбалмошным. Но в то же время добродушным, склонным верить в людей и лучшие стороны их натуры. Он и в армию пошел резко, на эмоциональном подъеме, после неудачного романа и разорванной помолвки.

Теперь же Гилберт смотрел в глаза не двадцатипятилетнего офицера, а очень старого человека, еще не сломленного ударами судьбы, но уже согбенного грузом воспоминаний и решений.

– Гил, это безумие... – начал Джеймс неуверенно, словно спотыкаясь на каждом слове. – Это настоящее безумие. То, что сейчас творится в Германии...

– А то я не знаю, дружище, – с неожиданной для себя самого тоскливой прямоотой ответил Гилберт.

– Но... как... – только и сумел вымолвить младший.

– Помнишь, отец пичкал нас словом Божьим? – спросил старший и, не дожидаясь ответа, процитировал: – «В тот день поразит Господь мечом своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана, змея прямобегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище из моря».

– Исайя, глава двадцать седьмая, – механически вспомнил Джеймс. – Стихи... Не помню.

– Первый и второй, – подсказал Гилберт. – Чудовище вышло из моря и творит вещи удивительные и богопротивные. У тебя есть вопросы. Я понимаю. Но сначала расскажи, что на континенте. Мне действительно любопытно узнать, что там происходит от непосредственного очевидца.

– Любопытно! – вспыхнул младший, даже привстав от возмущения, и в этом приступе гнева старший брат на мгновение увидел прежнего «порохового» Джимми. – Там преисподняя, там ад! Там убивают детей! А тебе просто «любопытно»?!

Но вспышка затихла так же стремительно, как возникла. Джеймс опустил плечи, буквально упал в кресло, словно порыв гнева выпил все его силы.

Младший Ванситтарт склонился вперед, оперся локтями о колени и, спрятав лицо в ладони, глухо заговорил.

Он не рассказал ничего, чего не знал Гилберт, но реальность, отраженная в сбивчивых словах младшего брата, была куда мрачнее и образнее сухих, отстраненных строчек дистиллированных отчетов и правительственных сводок.

Договор с Нацией, как называли себя пришельцы, многое обещал Великобритании, но и требовал немало. Загадочное устройство под названием «дифазер» действительно позволяло «пробить» между мирами некий портал, через который могли пройти люди и техника, но это действие подчинялось сложным физическим законам, накладывающим серьезные ограничения на время, место, массогабаритные характеристики и цикличность переноса. Держава обладала чудовищной, невообразимой военной мощью – Ванситтарт был одним из немногих, кто воочию узрел ее собственными глазами. Он видел полчища стальных громад – «панцеров», – перед которыми бронемшины родного мира казались карликами, сотни самолетов с реактивными двигателями, десятки бомбардировщиков, способных подниматься не то на самую вершину атмосферы, не то уже в ближний космос. Понятия «танковой армии» и «артиллерийской дивизии» не укладывались у него в голове, пока Гилберт не увидел их воочию. Их и еще многое иное. Если бы Держава могла перебросить через портал всю свою армию, ей не понадобились бы никакие помощники. В «Мире Воды», как доброжелательно окрестили «нацисты» родной мир Ванситтарта, просто не было силы, способной дать отпор стальному колоссу, выкованному годами и десятилетиями сражений с жестокими и упорными врагами.

Но лишь ничтожная часть той силы могла перейти в *этот* мир. Физики Нации были однозначны – один по-настоящему массовый перенос в четко ограниченных временных рамках, далее только небольшие переброски отдельных конвоев по несколько судов с амуницией и немногочисленными подкреплениями.

Пришельцам требовалась помощь – плацдармы, карты, разведданные, структура обеспечения, подогнанная под их техническую специфику, топливо и множество иных вещей, которые было невозможно или слишком сложно протягивать через игольное ушко, связавшее два мира.

Поэтому они и обратились к Британии – державе, все еще достаточно сильной, чтобы дать им все потребное, но уже слишком слабой, чтобы быть чрезмерно разборчивой в выборе союзников.

Нужды Соединенного Королевства были очевидны – проиграв экономическую битву, длившуюся почти полвека, Британия могла вернуть себе былое величие только военной силой, которую готовы были предоставить неожиданные «партнеры».

Но вот мотивы Нации... Ванситтарт был одним из «Большой Четверки», он деятельно участвовал в процессе переговоров на всем их протяжении, лично прочел каждую строчку из «Меморандума о мотивах и намерениях», в которых высказывались пожелания Державы. Все было понятно и логично – большие демографические потери из-за тяжелейшей войны, катастрофически сузившиеся рынки сбыта, больная экономика, изуевченная четвертьвековым милитаризмом... Исчерпанные или уничтоженные нефтяные промыслы, истощающиеся месторождения руд и редкоземельных элементов.

Победившая в своем мире страшного и безжалостного противника, Держава оказалась таким же больным изгоем, как и Британия, – воплощенная Мощь и Сила снаружи, тлен и затаившаяся хворь внутри.

Они были просто созданы друг для друга и понимали собрата с полуслова.

Джеймс говорил.

Первый подъем патриотизма и готовности послужить отчизне был крайне высок. Успех первых недель войны с лихвой перекрыл подозрения и непонимание армии и флота – что это за мистический собрат по оружию, возникший из ниоткуда, говорящий по-немецки, но с неприятным акцентом, лязгающим, как тяжелые гусеничные траки. Британия наконец-то могла свести счеты с горделивыми континентальными и заокеанскими выскочками, и в конце концов какая разница – кто в этом помог, если орды исконных врагов Соединенного Королевства раз за разом развеивались под ударами, как бронированная шелуха.

Британия много лет терпела унижение и грабеж, и возмездие было суровым и заслуженным.

Но менее чем через месяц после начала войны экспедиционный корпус Королевства почувствовал неладное.

– Они называют это «сборными пунктами», – рассказывал Джеймс. – Пленных стоняют туда и просто не кормят. Мы думали, это от недостатка еды. Предлагали помощь, но нам вежливо отказали, дескать, всего хватает, а у нас превратные сведения, но я видел все своими глазами! Когда мы говорим о законах и обычаях войны – они просто не понимают, о чем мы говорим!

Гилберт мог рассказать брату гораздо больше. О более чем десяти известных «пунктах», где пленных, имевших неосторожность сдаться, действительно методично вымаривали голодом. Об «утилизационных командах» и «машинах Гезенка», которые, как чумные крысы, рассыпались по оккупированным землям. О приказе «Убивайте врага, у него нет пола и возраста», который «нацисты» даже не особо скрывали от союзников. О рвах, полных трупов и умирающих, которые закапывали бульдозерами. О табличках «Они должны умереть, чтобы мы могли жить», которые «нацисты» взяли за обыкновение вешать на шею гражданским перед казнями.

И еще о многом.

Например, о том, что на захваченных территориях «нацисты» организовали десятки специальных «пунктов проверки», оснащенных оборудованием, схожим с тем, что применялось при бертильонаже²⁶. Тысячи людей прогоняли через эти проверки, сортируя, как скот, по непонятным признакам. Отобранных грузили в пустые армейские транспорты, возвращавшиеся через портал, и они исчезали в неизвестности. Остальных отправляли на рабский труд по расчистке завалов, восстановлению предприятий. Или убивали.

– У нас очень много дезертиров, – продолжал срывающимся голосом Джеймс, выплескивая на собеседника давно копившийся ужас, непонимание и растерянность. – Даже среди офицеров есть те, кто говорит, что мы не нанимались работать на сатану. Приходится выделять людей для специальных частей, чтобы пресекать дезертирство, и еще для расстрельных команд. Военная полиция не справляется. А *эти* еще требуют от нас помогать им отбирать немцев и французов для этих «проверочных» пунктов. Со всеми документами и подтвержденной родословной!

– Гил... – Голос брата стал просительным. – Гил! Что можно сделать? Мы хотели вернуть славу, силу, честь! Мы хотели, чтобы Британия снова заняла свое место, что принадлежит нам по праву, – на вершине мира. Но это... Это не война, это организованное убийство. Для них нет людей, для них есть только они сами, их Нация, чтоб ее, и все остальные. И с этими остальными можно делать все... Я видел... Я видел как... – Джеймс осекся и словно даже всхлипнул. – И это еще не все... Мы сражаемся бок о бок, наши видят, что творят эти... «нацисты»... Многим

²⁶ Система идентификации преступника по антропометрическим параметрам. Широко использовалась до введения в обиход дактилоскопии.

не нравится, многие отказываются, несмотря на трибуналы. Кто-то бежит. Но есть многие... – Он снова запнулся, пытаясь подобрать подходящие слова и не находя их. – Их много!

– Есть те, кто решает, что раз мир перевернулся, то теперь все дозволено. И они подражают нашим... «друзьям» с *той стороны*, – безэмоционально продолжил за него Гилберт.

– Ты знаешь... – выдохнул Джеймс почти с облегчением, с благодарностью за то, что тот избавил его от необходимости описывать самое позорное, что могло произойти с армией Его Величества.

– Знаю, – ответил Гилберт одним словом и неожиданно спросил. – Налить еще?

– Н-нет, – ответил сбитый с толку Джеймс.

– А я выпью, – сообщил старший Ванситтарт, наполняя бокал.

Дрова в камине почти прогорели, угли мерцали багрянцем, наводя на мысли о геенне огненной. Гилберт вытянул ноги ближе к камину, чувствуя, как тепло обволакивает стопы, но не может изгнать озноб, который словно спрятался в глубину костей. Озноб не тела – души. Ему неожиданно захотелось так и сидеть до скончания века, отогреваясь у камина, чувствуя под руками гладкость дерева, а на губах – вкус благородного напитка. Спрятаться за привычными вещами, как ребенок прячется под одеялом от буки, который живет в шкафу.

Только его буки никуда не исчезнут. Они ездят на бронированных чудовищах и летают на скоростных самолетах с паукообразной эмблемой из трех черных семерок в зеркальном изображении, вписанных в красный круг...

– Ты хотел меня о чем-то попросить? – прямо вымолвил он.

– Да. Ты вхож к Его Величеству, – сбивчиво заговорил Джеймс, он явно заготовил длинную речь, но под напором прорвавшихся эмоций забыл ее, говоря от души, о давно наболевшем. – У тебя вес и влияние. Расскажи им, расскажи премьеру, что это дорога в ад, и мы бежим по ней под руку с чертом! Еще несколько месяцев, может быть, недель этой проклятой безумной войны, и часть армии взбунтуется, а часть уподобится этим нелюдям!

Ванситтарт-старший тяжело вздохнул. Такой поворот разговора он предвидел и боялся его. Джеймс ударил в самый центр незаживающей душевной раны старшего брата.

Ванситтарт был единственным из «Четверки», кто категорически возражал против договора. Нельзя покупать кота в мешке, говорил он, нельзя принимать решение на основании лишь того, что нам показали. Кто знает, что осталось покрыто тайной, кто может засвидетельствовать истинные планы союзников?

Но тот диспут он проиграл.

Гилберт мог убедить своих оппонентов по отдельности, но был бессилен против сплоченной когорты сторонников союза, каждый из которых представлял семью или клан банкиров, промышленников, негодяев или всех вместе взятых. Ванситтарт описывал возможные последствия, упирал на то, что они знают о мире Нации лишь то, что им избирательно показали.

Его собеседники кивали, соглашались, но по их глазам Гилберт видел, что они уже подсчитывают собственные выгоды от передела мирового богатства, от ликвидации русского и американского флотов, выталкивающих Королевство из Океана, от доступа на закрытые прежде национальные рынки, вскрытые железной рукой объединенных армий двух миров.

– Я знаю, – просто ответил Гилберт и, легким движением ладони пресекая готовые сорваться с уст брата слова, продолжил. – Мы все это знаем. И премьер, и король. Все. Не так остро и ярко, как ты все описал, но в целом экзерции наших «союзников» известны. Им действительно нужна была наша помощь, они строго выполняют свои обязательства, но они нас обманули. Это факт. Вопрос в том – что мы можем по этому поводу предпринять.

– Надо отказать им в помощи. У них слишком широкий размах действий, резервы на исходе, большой процент техники выбывает из строя по причине износа и мелкого ремонта. У

меня нет точных чисел, но это видно и так, ведь я на передовой с первого дня. Нация сворачивает действия на востоке против русских и перебрасывает резервы на запад, чтобы закончить с франками. Это значит, что они могут действовать уже только на одном направлении. И это при том, что мы сражаемся там, где не хватает их сил, удерживаем фланги их ударных групп, наш флот защищает «сеть»²⁷. Мы можем...

– Нет, – снова прервал брата Ванситтарт-старший. – Уже не можем. Как ты думаешь, почему их тяжелые бомбардировщики остались в Исландии? Ведь мы готовы были предоставить им удобнейшие площадки со всем обслуживанием в Метрополии. Думаешь, только ради того, чтобы перекрыть океан конфедератам?

– Ч-черт...

– Вот именно. Сложившаяся ситуация обсуждалась долго и очень серьезно. Они обманули нас. Но при этом мы не можем разорвать договор. Во-первых, нас крепко держат за горло «Гортены». Сейчас они с легкостью громят объекты наших противников, но с такой же легкостью могут начать налеты и на Метрополию, которая гораздо уязвимее.

– «Сеть»! – напомнил Джеймс. – Если наш флот перестанет ее защищать от американских и русских субмарин, она продержится недолго. Даже сейчас конвойные битвы обходятся нам недешево, своими силами «нацисты» не справятся. А без топлива, бомб и запчастей эти машины очень быстро станут на прикол.

– А зачем? – неожиданно спросил Гилберт.

На лице младшего отобразилась неопишуемая смесь удивления, недоумения, гнева.

– Брат, – теперь старший Ванситтарт был строг, собран и официален. – А зачем нам это теперь? Отказ от сотрудничества приведет к новой войне, на этот раз с Нацией. Да, эту войну мы выиграем, потому что без нашей помощи Держава не выстоит. При всей их силе через «переход» можно протянуть слишком мало войск и кораблей, чтобы сражаться со всем *нашим* миром. Они проиграют и вернутся обратно. А что будет с нами?

Джеймс молчал.

– Вы подумали, что будет потом, в послевоенном мире? – с безжалостной откровенностью продолжал Гилберт. – Ты и твои друзья-офицеры, которых ты сейчас представляешь?

– Но я... мы... в общем... – пробормотал растерянный Джеймс.

– Ах, Джимми, Джимми, – с грустью произнес Гилберт. – Ведь это же очевидно. Нам отомстят, и отомстят страшно.

– Покаяние...

– Джеймс, замолчи, пока ты не утратил мое уважение окончательно. – В тоне старшего брата прорезался металл и даже легкая нотка брезгливого презрения. – Сделаем вид, что я этого не слышал. Покаяние – это форма унижения, которую придумывают сильные для слабых, чтобы унижить их еще больше, растоптать дух и без помех вывернуть чужие карманы. Ты уже забыл, что русские и американцы сделали с нашими посольствами? Думаешь, теперь, после двух месяцев непрерывных боев, бомбардировок городов, потопленных конвоев, после всех жертв, у них проснется христианское всепрощение?

Никто не будет слушать наших оправданий и покаяний. Для миллионов людей по обе стороны океана будет иметь значение только одно – мы шли с проклятой Нацией рука об руку. «Машины Гезенка», зверства «нацистов» и наших храбрых вояк, потерявших голову, – все это теперь сплетено воедино, все это наши общие... «достижения». И никто не будет отделять агнецов от козлищ. Жертвы будут жаждать мести. А для политиков, что главенствуют над этими миллионами, все случившееся будет прекрасным поводом вычеркнуть нас, Королевство, Великую Британию, из истории. На этот раз окончательно. Мы не знаем, что принесет нам победа,

²⁷ Собирательное название морских коммуникаций, связавших точку перехода, Исландию, Британию и используемые армией вторжения порты в Северной Европе.

но точно знаем, что произойдет, если мы проиграем или повернем оружие против... против них.

Джеймс молчал долго, очень долго, снова спрятав лицо в ладони, ссутулившись. Когда же он взглянул на брата, Гилберта передернуло – в сухих глазах Джеймса плескалось отчаяние, глубокое и безмерное.

– Гил... Неужели нельзя... Неужели ничего нельзя?.. – Младший не закончил. Его губы скорбно поджались, уголки рта опустились, окаймив подбородок глубокими морщинами. Гилберт вновь вздрогнул, на этот раз от укола жалости – таким же был Джимми давным-давно, когда отец собирался привить младшему отпрыску понятие дисциплины специальным тростниковым стеклом.

Старший брат склонился к младшему и положил руку ему на плечо, как много лет назад, стараясь передать ему хоть каплю утешения.

– Нет, дружище, ничего нельзя сделать. Мы открыли дорогу Левиафану, но некому убить чудовище из моря. И теперь нам придется пройти этот путь до самого конца, бок о бок с дьяволом. Что бы ни ждало нас в конце.

Глава 4

Бой

Если вражеский самолет и был разведчиком, то скверным – враг молотил по площади, без особой системы, вразнобой, по два-три снаряда в залпе. Это было неприятно, но терпимо, насколько вообще может быть терпимым пребывание под огнем тяжелой артиллерии, пусть и нескоординированным. «БАММММ!» – и словно гигантский кулак ударял в землю, вздымая вверх комья сырой земли и смерчи грязной опавшей листвы. Рассредоточенный и более-менее окопавшийся батальон пока обходился без «кровавых» потерь.

«Палите, палите, – даже с некоторым злорадством подумал Зимников. – Закидывайте мусором наш летний камуфляж».

Майор немедленно устыдился таких нездоровых мыслей – как многие военные, он был суеверен и верил в то, что неприятности можно накликать. Но обстрел затихал. Еще один залп, и еще. Два снаряда, еще два, одиночный разрыв далеко в стороне, так что даже не видно. Долгая пауза и еще один гулкий взрыв.

Все.

– Переключка! – скомандовал Зимников по коротковолновой радиации, отсчитав пять минут. – Отчет о потерях и не высовываться.

Он покосился на давешнего кондуктора, про которого почти успел забыть. Усач был придан батальону для связи с ближайшим гирополком, по крайней мере с тем, что от того полка осталось. Предположительно он мог даже вызвать авиаподдержку, но Зимников уже четко уяснил расклад сил в воздухе и не питал пустых надежд. Не прилетел бы противник – уже хорошо. Воздушный связист забился в угол окопа и смотрел на майора огромными, округлившимися от ужаса глазами.

«Экий ваш воздухоплавательный брат чувствительный, – подумал майор с определенным злорадством, – не привыкли к сухопутным забавам, бросать бомбы с высоты, конечно, приятнее и легче».

Доложились ротные – потеря в батальоне почти не было. Так, по мелочи, нескольких рядовых посеколо осколками да начисто срезало ухо одному из минометчиков. Поволоцкий, умный и циничный хирург в годах, с чувством юмора черным, как сердце англичанина, даже восхитился – дескать, не каждый медикус так чисто работает. Техника не пострадала, невозвратных потерь избежали.

Зимников чувствовал, как беззаботность и самоуверенность прокрадываются в душу, и накручивал себя как мог – вспоминал мрачные рассказы тех, кто уже успел посражаться с Врагом, их истории, полные безнадежности и страха, вспоминал брошюрку с рисунками вражеской техники – все ради того, чтобы быть готовым к любой пакости. Но пока серьезно относиться к противнику не получалось. Тот с легкостью сдал мост, не сумел толково организовать воздушную разведку, впустую растратил снаряды – при всем почтении к его тяжелой артиллерии, плотность огня могла вызвать лишь обидный смех.

И еще противник катастрофически терял время – мрачное серое небо темнело на глазах, светлого времени суток оставалось чуть больше часа. Хорошо организованный ночной бой – дело, конечно, серьезное, но не в этом случае – по тонкой нитке моста незамеченным не пройдешь, переправиться по ущелью также не удастся. Еще четверть часа, и сегодня, скорее всего, уже ничего не случится. А к утру должны подойти французы, может быть, даже подвезут артиллерию и взрывчатку. Подтянутся другие части, можно будет выстроить что-то, похожее на фронт по всему берегу...

«Зря я отозвал передовое охранение, – подумал Петр Захарович, – очень зря. И разведывод зря оттянул подальше, чтобы тот не светился. Хиленький какой-то противник. Несерьезный... Но с другой стороны, почти вся Германия уже захвачена...»

В голову полезли уже совсем вредные мысли о том, что, вестимо, куда немецкому или тем более французскому зольдату до честного русского воина, когда комбат услышал звук.

В свое время в далеких теплых странах батальон Зимникова в составе оперативной группировки охранял концессионные нефтепромыслы, и там Петр Захарович впервые увидел вблизи работающие нефтяные насосы. Похожие на печальных жирафов, они словно поочередно склоняли длинные шеи перед потребностями индустриального общества в углеводородах. Майор навсегда запомнил странный, ни на что не похожий шум, производимый ими, – идущий словно из глубин земли гул, то стихающий, то басовито звучащий почти в инфразвуке, за пределами восприятия человеческого слуха.

Протяжный звук, разнесшийся над холмами по ту сторону моста, более всего был схож с тем, что комбат слышал тогда, только чуть звонче и резче. Словно кто-то ударил двумя исполинскими гаечными ключами, заставив печальный басовитый звон повиснуть меж холмами, многократно отразиться между ними. Этот звон незримо пронесся через реку и заледенил сердца людей в окопах.

«Барабаны духов», – поневоле вспомнил Зимников, так тогда, на нефтепромыслах, говорили местные. Они придумывали легенды о демонах, что разбужены белыми и теперь бьют в свои барабаны в подземном мире, созывая воинство сил зла.

Звон повторился, на этот раз ощутимо ближе. Что бы его ни издавало – оно приближалось и определенно не обещало ничего хорошего.

– Чт-то эт-то т-т-та-а-кое?.. – стуча зубами, спросил кондуктор, спотыкаясь на каждом звуке.

– Сейчас и увидим, – сумрачно промолвил майор.

Что бы это ни было, оно, несомненно, было очень большим и очень тяжелым. И снова звон-гул, еще ближе. Теперь чуткое солдатское ухо слышало, что в него вплелось ритмичное позвякивание металла о металл, хорошо знакомое и привычное.

Гусеничная бронетехника? «Pfadfinder»?

Неизвестное нечто приближалось, грохоча и лязгая уже за ближайшим холмом, «нефтяной» гул словно бил в самое сердце.

Связист стучал зубами на пару с кондуктором, в траншее кто-то тихо молился. «Вот, сейчас мы и увидим, что такое этот их хваленый „Panzerspitz“, – с мрачным ожесточением подумал майор, топя страх в сознательно вызываемой волне боевой ярости.

В воздухе вновь завывли подлетающие снаряды.

– К бою, пушки на исходную, – кратко приказал Зимников по радиии. – Готовимся...

«...к бронеатаке» он машинально проговорил уже со дна окопа, сброшенный ударной волной.

Зимникову было за сорок, и он повидал виды, лежать под обстрелом ему доводилось, и не раз. Но никогда это не было так безнадежно-страшно.

Может быть, на невидимой артиллерийской батарее сменилось командование, а может быть, расчет был на то, что закопавшиеся в землю обороняющиеся расхолодятся, потеряют бдительность и покинут укрытия, вот тут-то их по второму кругу и накроет. Может быть, так, а может, и этак, но новый артналет был поистине страшен. Словно гигантский молот обрушился на противоположный берег, тщательно обходя «пяточок» основания моста и нить асфальта, перепахивая все вокруг, в том числе и покинутые позиции передового охранения, что так волновало майора. Десятка два, не менее, тяжелых орудий калибром как минимум сто двадцать били слаженно, почти без пауз, достаточно кучно накрывая батальон.

Отчаянно матерясь, отплеываясь от грязи, майор выбрался к брустверу, связист уже вернул на место стереотрубу. Источник лязга и гула показался из-за холма.

Это было похоже на «Пфадфингер», как бокал похож на стакан – различие очевидно, но в двух словах, пожалуй, и не рассказать. «Больше», «шире» – сложно было достойно описать бронированное чудовище, неспешно выдвинувшее из-за поворота серо-стальную тушу. Широкие ленты гусениц с очень узкими траками методично жевали землю и листву, граненая башня, непривычно угловатая, как бы заостренная вперед, заканчивалась огромным орудием, устремленным вперед, подобно персту смерти. Машина была не окрашена в камуфляжные цвета, словно бросая вызов, дескать – попробуйте, возьмите.

Не доезжая метров десяти до моста, «панцер» последний раз лязгнул траками и остановился, повел башней вправо, описывая четверть круга ненормально длинным стволом без привычного набалдашника дульного тормоза. Обстрел стих, и на этот раз он обошелся отнюдь не малой кровью – Зимников слышал по меньшей мере пять или шесть истошно вопящих раненых – и это только те, кто сохранил сознание и голос. Слева, с позиции первой роты, хлестнули несколько пулеметных очередей, рассыпая по броне «панцера» безобидные букеты искр. Правый фланг Таланова молчал, лишь слышен был раскатистый рык капитана: «Пушку на горбы и в сторону, молотить по борту!» Позади хлопнул миномет («Без приказа!» – возмутился майор.) и с первого же раза попал чуду-юду точно «в лоб». «Панцер» даже не покачнулся на амортизаторах, башня неожиданно быстро развернулась обратно, ствол плюнул длинным – не меньше метра – языком пламени. Не попал, но минометный расчет больше судьбу не искушал.

Зимников машинально поправил каску, лихорадочно размышляя, что делать дальше. Железная скотина у моста – тонн на пятьдесят, не меньше – явно была не по зубам никакому оружию из того, чем располагал батальон, но вот рискнет ли этот «мамонт» сунуться на сам мост?

– К радиии и вызывай своих, – отрывисто скомандовал майор кондуктору-«воздушнику». – Что у вас там есть из бронебойного?

Затрещал полевой телефон. Таланов доложил, что его безоткатка готова к стрельбе по борту. Почти сразу же приполз по наполовину заваленному ходу сообщения связной с левого фланга и сообщил, что комроты-один убит, все средства связи уничтожены – прямое попадание. Командование перешло следующему по званию, налаживают запасную радиацию. Доложившись, вестовой уполз обратно.

Прошла минута, может быть, две. Батальон молчал, «мамонт» стоял на месте, приковав к себе десятки глаз, и злых, и откровенно испуганных. Кондуктор безответно зывал к молчащему эфиру.

Внезапно, дико взревев мотором, железный титан рванул вперед и, прокатившись на длину корпуса, снова замер.

– Провоцирует, паскудник... – почти спокойно заметил Зимников, не столько для себя, сколько для своего микроштаба. – Вызывает огонь.

Словно в ответ его словам из-за поворота выкатилась вторая машина, поменьше, но выше приземистого «мамонта» – угловатый ящик на гусеничном ходу, грязно-зеленого цвета, камуфлированный размытыми коричнево-черными пятнами, от которых неприятно рябило в глазах. На бортах были подвешены дополнительные экраны, размазанные торопливыми неаккуратными мазками краски, явно наспех, «морду» прикрывал высоко поднятый бульдозерный отвал. В мельтешении красок прятались узкие прорезы триплексов. «Katzchen», вспомнил «Обобщение опыта боестолкновений в Германии» Зимников, или просто «гроб», как повсеместно называли многоцелевую машину Врага, работавшую кем угодно, от бронеавтомобиля до подвозчика боеприпасов. Сорокамиллиметровая автопушка плюс пулеметы и легкий миномет для дымовой завесы.

«Кацхен» резво обогнул старшего собрата и, не сбавляя хода, покатил к мосту, въехал на него, гусеницы зацокали зацепами по металлу настила, как подкованные сороконожки. «Мамонт» не тронулся с места, лишь башня методично вращалась туда-сюда.

– Козлина, – с тоскливой обреченностью пробормотал сзади офицер связи. – Приманка и десант.

Но Зимников уже и сам все понял. Противник действовал беспробойно, методично, разыгрывая атаку без спешки, но и не теряя времени. Сначала хаотичный и неорганизованный артналет с целью расхолодить и ослабить бдительность. Затем уже методичный и организованный обстрел и выдвижение бронетехники. Тяжелый «мамонт», неуязвимый для батальонного вооружения, останется на той стороне, напрямую обстреливая противоположный берег, а более легкий «Кацхен», снаряженный в варианте инженерной машины, пройдет по мосту, вызывая огонь на себя, открывая цели для тяжелого собрата. Люди, нелюди или сами черти, но в смелости им отказать было нельзя. Вражеский броневик был слишком легким, чтобы обрушить мост своей тяжестью, даже если старый сапер все рассчитал верно и грамотно заложил весь скудный запас взрывчатки, но противник этого знать не мог.

– Расчетам – «гроб» на прицел, огонь по команде!

«Кацхен» добрался уже до середины моста и останавливаться не собирался, майор отсчитывал метры и секунды, чтобы фланговым расчетам открылась максимальная бортовая проекция адского броневика. Если противник не дурак, а дураком он однозначно не был, в холмах уже расположились арткорректировщики и готовая к броску пехота. А значит, у расчетов безоткаток будет один, самое большее – два залпа, пока «панцер» развернет башню и артиллерия получит данные для стрельбы. «Кошку» надо подпустить поближе, чтобы приложить наверняка, но и слишком близко тоже нельзя – внутри минимум пехотное отделение, если броневик и Враг ворвутся в расположение батальона, аэродесантники их рано или поздно уничтожат, но все это время их будут гвоздить «панцер» и артиллерия, а вражеская пехота совершит бросок через мост. Могут и прорваться, потому что обороняющиеся на время лишатся главного преимущества – организованности и плотности огня.

Еще мгновение, еще метр...

– Пли! – закричал майор во всю глотку, так, чтобы с гарантией, чтобы не подвели ни перебитый вдруг случайной пулей телефонный провод, ни рация.

Дальше все происходило очень быстро.

Три ствола извергли снаряды, и все три попали в цель с разных углов, броневик на мгновение исчез в лохматом облаке разрывов, из которого полетели какие-то куски, обломки дополнительной брони и мелкие детали. Но сразу же вырвался из него и помчался дальше, теперь «Кацхена» сильно заносило в бок, корма задевала мостовые фермы, высекая снопы искр, но он остался на ходу.

Батальонные пушкарки успели дать еще один полный залп, прежде чем на них обрушился новый шквал огня, и «панцер» открыл беглый огонь, с быстротой и ловкостью фокусника перенося огонь с одной цели на другую. Броневику снова занесло, откуда-то сбоку и сзади у него вырвался длинный язык пламени. Не сговариваясь ударили пулеметы, перекрещивая огненные трассы на пятнистой туше броневика, но машина уже проскочила мост и, петляя, носилась по позициям батальона, отстреливаясь из всех стволов. Из кормового люка на ходу выпрыгивали люди в пятнистых комбинезонах непривычно контрастных цветов в широких куполообразных шлемах, вооруженные необычными винтовками – с магазином сбоку.

«Кацхена» все-таки подорвали, последняя безоткатка ударила почти в упор, перебив гусеницу, звенчатая лента слетела с направляющих и бессильно вытянулась, как блестящая стальная змея. Броневику резко развернуло, так что он едва не перевернулся, многотонная машина беспомощно завалилась, осев в полузасыпанную траншею, и гвардейцы немедленно забросали «кошку» гранатами. Пехотный десант продержался ненадолго дольше, от силы минуты две-три. Но за эти минуты спрятанная за холмами вражеская батарея прицельно перепахала позиции батальона, а «мамонт» расстрелял два расчета безоткаток из трех и несколько тяжелых пулеметов.

Если бы гвардейцы окопались хуже или просто пренебрегли инженерными работами, с ними было бы уже покончено, но и так дела батальона были хуже некуда. Неуязвимый «панцер» бил в ответ на любой выстрел, спрятанные вражеские корректировщики мастерски дирижировали артиллерией. Майору оставалось лишь молиться о том, чтобы тьма спустилась как можно скорее, хоть немного затруднив работу вражеским орудиям.

Противник оценил противостоящие силы – и их качество, и количество. Вторая атака началась почти без паузы, в грохоте разрывов и ритмичном уханье танкерной пушки. Теперь броневиков было аж три штуки – знакомые английские «Чарли», колесные двадцатитонники, также обвешанные экранами, замедленные и неповоротливые из-за дополнительной защиты. За ними, пригибаясь и приседая, укрываясь за броней, перебежками следовала вражеская пехота, вперемешку англичане и Враги. Со стороны это было похоже на трех жуков, сопровождаемых шлейфами мошек. Первый «Чарли» пополз по мосту, пехотинцы неотступно бежали следом, стреляя на ходу. Пулеметный и винтовочный огонь валил их одного за другим, но два остальных «Чарли» и «мамонт» методично давили обороняющихся.

И неотвратимый артиллерийский обстрел – по двадцать и более снарядов в залпе, с устрашающей и безысходной неотвратимостью вздымающих кусты разрывов на батальонных позициях.

– Гвардия, держаться! – прокричал Зимников изо всех сил, отчетливо понимая, что эту группу, пересекающую мост, они еще, возможно, и успеют уничтожить, но на том отдельный гвардейский аэродесантный батальон просто закончится. – Пулеметам не более двух очередей зараз! Менять позиции чаще, не бегать, ползком, ползком!

«Господи, помоги нам, – коротко взмолился про себя Петр Захарович, с надеждой устремив взор в небо, набрякшее темными, уже почти черными тучами. – Не успеем до темноты...»

И Господь услышал.

Быть может, их ангел-спаситель оказался поблизости случайно, придя на помощь по зову долга. А может быть, человек Кнорпеля сумел таки связаться со своими и вызвать воздушную поддержку – он уже ничего не мог рассказать, лежа на дне окопа и сжимая мертвыми пальцами пробитую осколком голову.

Но откуда-то сзади, из-за кромки редкого леса, где тьма неба встречалась с тьмой земной, скользнул на широких крыльях невиданный летательный аппарат, похожий не то на нетопыря, не то на ската.

В первое мгновение майор подумал, что вражеский самолет подкрался к ним с тыла, слишком уж знакомые и ненавистные очертания были у «нетопыря». Зимников был не оди-

нок в своем заблуждении – несколько стволов вразнобой ударили по машине, но почти сразу умолкли.

Мгновение – и над гвардейцами пронесся широкий ромб с закругленными краями, сзади сверкающими кругами вращались два толкающих пропеллера, разнесенные едва ли не по краям несущих плоскостей, кабина горбом выделялась посередине ромба, чуть за ней вертикально торчали плавники хвостовых стабилизаторов. Больше всего аппарат был похож на карликовый экраноплан, но невероятно быстрый. Зимников слышал о таких, но видеть до сих пор не доводилось – подобные машины были редкостью. В памяти само собой всплыло «балло-нет-крыло... несущая обшивка типа сандвич с сотовым наполнителем... внутренняя силовая ферма». Всплыло и немедленно забылось – «скат» по широкой дуге зашел во фланг атакующим и открыл бешеный огонь по «панцеру». Неведомый пилот за считанные мгновения сумел разобраться в ситуации, определил самого опасного противника и сосредоточился на нем. Носовая батарея скорострельных орудий хлестнула по колоссу счетверенным огненным жгутом, взрыла землю вокруг него. За одно мгновение летчик понял, что его пушки против «мамонта» бессильны, успел сменить курс и буквально в упор расстрелял ближайшего «Чарли». Противник быстро опомнился, к «скату» потянулись жадные пальцы ответного огня, неуверенно, но усиливаясь с каждым мгновением.

– Пехоту! Бейте пехоту и броневик! – кричал, срывая голос, Зимников, пользуясь мгновениями замешательства противника. – Гранатометчиков к мосту, пулеметам – выкосить всех с того подхода!

Но, не принимая боя, английский броневик сдавал назад, откатываясь к вражескому берегу, к нему жалась враз оробевшая пехота.

– Семеныч!!!

– Я! – немедленно отозвался сапер.

– Готовься взрывать мост. Один хрен уже не удержим!

– Сейчас рванут толпой, – даже в чудовищной какофонии боя голос старого взрывника был рассудителен и нетороплив. – Тогда и сделаю, авось, не выдержит. Только бы провода не порвало, не верю я радиодетонаторам...

Несколько прицельных очередей ударили в упор, пробивая «ромб» навывлет, но аппарат с комбинированной конструкцией игнорировал попадания, заложив лихой s-образный вираж, он грациозно скользнул между пучками огня и, резко развернувшись, буквально на уровне холмов, атаковал «мамонта» вновь, на этот раз пуском НУРСов.

«Близко, слишком близко! – подумал Зимников. – Не успеют ракеты встать на боевой взвод...»

Бронированный мастодонт вновь показал завидную шустрость: не обращая внимания на окружающих, он успел развернуться, вновь подставляя «скату» покатым лоб, отливающий свинцовым холодным блеском. При этом «панцер» ненароком задел одного из «Чарли», двадцатитонная машина, обвешанная центнерами бронепанелей, отлетела в сторону, как картонная, едва не свалившись в пропасть. Пехота бросилась врассыпную из-под гусениц выписывающего лихие петли бронехода. Но пикирующий «скат» в последнее мгновение чуть качнул носом, и ракетный залп пришелся в самую «морду» узкой башни, в район оружейной маски.

Восторженный рев десятков глоток пронесся над позициями батальона и сразу замолк.

Крылатый ангел дернулся в воздухе, не плавно и грациозно, как ранее, а резко, подобно подбитой птице. Машина резко легла на крыло, клюнула носом и, несколько раз перевернувшись, камнем упала вниз. Вздывая шлейф мокрой земли и тучи опавшей листвы, он проехался по земле и замер меж двух пригорков.

На вражеской территории.

«Мамонт» скрежетал и визжал двигателем, и в самом деле похожий на раненое животное. Ствол печально обвис, словно безвольно опущенный хобот. «Скат» не смог его убить,

но, похоже, повредил гидropневматику пушки. Страшный «панцер» остался на ходу, но был обезоружен.

Не обращая внимания на редкий огонь, враги бежали к сбитой машине, быстро, суетливо, похожие на муравьев своей деловитостью, карабкались на корпус.

Майор снял трубку телефона, резко крутнул ручку вызова. Лейтенант, командир минометного взвода, отозвался мгновенно, словно уже держал трубку в руках.

– Сколько осталось? – кратко спросил Зимников.

– Один исправный, – кратко отвечал лейтенант. – К нему семь.

Зимников колебался долго, почти целую секунду.

– Точку падения видишь? Накроешь без пристрелки?

Теперь почти секунду молчал минометчик.

– Чтоб «на верку» – нужен «угол».

– Делай, – приказал Петр Захарович и добавил уже про себя, обращаясь к неведомому летчику: – «Прости, лучше так. Чем в плен к *этим...*»

Как и обещал, минометчик обошелся без пристрелки, три мины, положенные идеальным треугольником, разметали на куски и «ската», и всех, кто имел несчастье оказаться рядом.

«Прости, – еще раз подумал майор с тоскливым отвращением к самому себе. – Что за мир, что за война, где свои убивают своих, и это лучшая участь, нежели плен?..»

Ранее противник был безжалостно деловит и расчетлив. Но теперь, на границе дня и ночи, не сумев одержать победу с ходу, он определенно потерял часть уверенности. «Чарли» оттянулись за холмы, чуть погодя раненый «мамонт» выпустил длинную струю сизого выхлопа и уполз вслед. Зимников ожидал нового обстрела, но то ли враги экономили снаряды, то ли замыслили новую пакость.

Ночь опустилась на берега реки, накрывая серо-черным пологом лес, изрытый воронками, вывороченный разрывами. Голые деревья, потерявшие остатки осенней листвы, протягивали вверх изрубленные осколками ветви, словно умоляли небеса сжалиться.

Поволоцкий уже не шутил и даже не матерился, он молча, яростно боролся за жизни солдат в глубокой землянке, оборудованной под эрзац-лазарет. Санитарный взвод работал как проклятый, «тяжелых» было много, очень много, более половины от общего числа раненых. Хорошо, что сейчас не зима, порадовался хирург, при таком обстреле их было бы еще больше – комья промерзшей земли ранили бы не хуже осколков. Да и шоковые на холоде замерзают мгновенно. Слава богу, у батальона остался на ходу кое-какой транспорт, чтобы отправить в ближний тыл самых «тяжелых» и остальных – кому хватит места.

А майор Зимников считал.

Подбили один броневик противника, убили десятка два вражеских солдат. Сожжен английский броневик, «мамонт» выведен из строя, но это уже не их заслуга. Впрочем, тоже польза. Самое главное – мост удержали, удержали хотя бы на несколько часов. Столкнувшись с Врагом, Зимников теперь отчетливо понимал, насколько драгоценны эти часы для всей армии. Если им еще немного повезет, противник не решится атаковать ночью, несмотря на инфракрасные прожекторы, которые у него наверняка есть. Сутки выигрыша – это уже целое богатство.

Это в плюсе.

В минусе было то, что и так неполный гвардейский батальон уже потерял убитыми и ранеными больше трети личного состава и почти все тяжелое вооружение. Даже если противник не сумеет отремонтировать «панцер» или найти новый, майор мог выставить сотню боеспособных солдат, несколько пулеметов, из них только четыре тяжелых станковых, один миномет с четырьмя минами и чудом уцелевший броневик с двадцатимиллиметровой. Еще оставался разведвзвод, по-прежнему таившийся на вражеском берегу, но Зимников понимал, что даже при удаче разведчики не смогут переломить схватку.

Батальон отчаянно нуждался в подкреплениях, артиллерии и взрывчатке. Связи с остальной армией не было – на условленной волне прочно обосновались какие-то тыловые службы. Посланные вестовые не возвращались. Подойдут ли французы, что у них будет – оставалось покрыто мраком неизвестности.

Зимников присел на поваленный ствол у землянки Поволоцкого, снял шлем, собираясь с мыслями. Ночной воздух приятно заохлодил разгоряченный лоб. Что-то негромко бурчал хирург, угрюмо отвечал санитар. Звякнули инструменты.

– Запиши в карточку – осколочное ранение нижней трети бедра, перелом, артериальное кровотечение. Наложена шина Дитерихса, жгут... – Хирург сказал что-то неразборчивой скороговоркой, скорее всего указал время наложения жгута. – Морфий. Пометь йодом на лбу – «М». Триста кубиков плазмы, срочная эвакуация. Следующий.

Тяжелый, мучительный стон донесся из землянки. Зимников невольно поежился и неожиданно подумал, как легко, как просто было бы взять и сняться с позиции под покровом темноты... Батальон сделал все, что было в человеческих силах, кто может – пусть сделает больше.

Визгливый шорох полоснул по небу, взорвался ярчайшей вспышкой. Зимников автоматически бросился на землю, перекатываясь под защиту ствола, одновременно нахлобучивая каску. Слепящий белый свет осветительной ракеты залил многострадальный мост, разделив все пространство вокруг на черное и белое, свет и тень – без полутонов и переходов. В мертвящем белом свете обозначились угловатые очертания сожженного «Кацхена» по эту сторону моста и подбитого аэролетчиком «Чарли» на противоположной.

Новая атака? Нет, просто «светляка» повесили...

«Козлы, – подумал майор и зло сплюнул. – Не на тех напали, твари».

Петр Захарович глубже натянул шлем и пошел готовить остатки батальона к новому бою. Атака могла начаться в любой момент, и нужно было очень многое сделать, а людей оставалось наоборот – очень мало.

Его батальон честно и достойно служил имперскому стягу с косым красно-золотым крестом, но, видно, их срок вышел.

Что ж, так тому и быть.

Глава 5 Второй день

11 октября

Таланов словно раздвоился. Наполовину он остался капитаном второй роты гвардейского аэродесантного батальона, и эта часть его сознания мыслила сухо, логично, рассудительно. Капитан понимал, что каждая минута ночного времени в их положении драгоценна, и старался использовать ее по максимуму. Он успевал получить указания у Зимникова, лично проверить состояние каждого бойца, указать, какие импровизированные дзоты следует восстановить, а какие оставить, где следует выкопать новые стрелковые ячейки, а какие превратить в «обманки» для отвлечения противника.

Но вторая половина Виктора Таланова словно вернулась в детство и истово жаждала наступления утра, так, словно лучи солнца могли развеять морок, обратить вражескую технику в тыквы, а солдат – в крыс. Поделаться с этим иррациональным, абсолютно детским желанием, идущим из глубины души, Виктор ничего не мог, поэтому угрюмо и методично забивал его утомительной работой. Он не спал уже почти двое суток и с определенного момента потерял связную нить событий. Капитан словно включался в определенные моменты и обнаруживал,

что он одобряет маскировку бруствера, а затем требует сделать другой пониже. Потом он снова обсуждал с Зимниковым диспозицию последнего батальонного миномета. На мгновение Таланов прикрыл глаза, давая отдых горящим огнем глазным яблокам, и вот он уже выверяет по карте наиболее безопасный маршрут, который, возможно, выведет крошечный конвой с ранеными к ближайшему распределительному пункту какого-нибудь госпиталя.

Поволоцкий выбрался из своей землянки, зло встряхнул руками, закостеневшими от непрерывного многочасового военно-медицинского марафона.

Отдельный гвардейский батальон изначально создавался как самостоятельная боевая единица, способная долгое время действовать в отрыве от основных сил, поэтому его медицинское обеспечение соответствовало полковому, а в чем-то было даже посильнее. На две с половиной сотни бойцов приходилось два врача, шесть фельдшеров, десять санитаров и три вездехода-полуторатонки с оборудованием, позволяющим делать на месте даже вполне сложные операции.

Но коллега медика погиб во время налета вражеских бомбардировщиков на станцию, а половина прочего персонала сложила головы в минувшем бою. Один вездеход разнесло по винтикам прямым попаданием. К счастью, с него успели перегрузить плазму и кровезаменители, но сгорела значительная часть перевязочных материалов, которых и так всегда не хватает, теперь же – в особенности.

В общем, все было как обычно – страшно, грязно, мучительно и привычно. С некоторых пор Поволоцкий, никогда доселе не увлекавшийся художественной литературой, стал поклонником писателя-фантаста Ивана Терентьева. «Страшная трилогия» немало места уделяла становлению тамошней военно-полевой медицины, и когда становилось особо тяжело, медик вспоминал наиболее жуткие эпизоды из нее. Конечно, все это было лишь игрой воображения, плодом богатой писательской фантазии, но на фоне мочи как антисептика и червей как средства некрэтомии²⁸ нехватка бинтов казалась не такой катастрофичной.

Все тяжелораненные прошли первичную обработку, последнего фельдшеры тащили на складных носилках в тыл, бедняга был обколот морфием, но в сознании и тихо, сквозь зубы непрерывно ругался.

Мимо странной, лунатичной походкой прошел капитан Таланов. В свете запускаемых противником «светляков» выделялся бледный, как у покойника, овал лица, а на нем – черные провалы глазниц. Офицер что-то бормотал под нос, похоже – объясняя самому себе, как сделать из двух неисправных пулеметов один действующий. Поволоцкий проводил его взглядом, раздумывая – не «зарядить» ли капитана «таблетками бодрости» из неприкосновенного запаса, который в шутку называл «сундучком злого доктора Ойподоха», но передумал. Несколько часов бодрости, но к утру офицер сломается окончательно. До рассвета как-нибудь дотянет, а там можно будет и отсыпать бодрящего.

Откуда-то справа донесся злой приглушенный голос майора – комбат распекал нерадивого бойца за плохо смазанную винтовку и слишком ровно натянутую маскировочную сеть, выдающую его позицию.

«Глаз-алмаз, даже в темноте все видит, – отстраненно подумал медик. – Хороший командир. Может быть, и поживем подольше...».

Он взглянул в небо, угольно-черное, без единого просвета, и внезапно Поволоцкому вдруг очень сильно захотелось, чтобы хоть одна, самая маленькая звезда пронзила лучом непроглядную тьму. Хирург много лет штопал солдат на передовой, прошел с батальоном не одну тысячу километров, пересек много широт и меридианов. Его опыта вполне хватало, чтобы отчетливо понимать – завтра все закончится достаточно быстро.

²⁸ То есть средства, удаляющего некроз.

Хотя бы одна звезда... Посмотреть напоследок.

Рассвета как такового не было из-за туч, которые, очевидно, решили прописаться здесь до самой весны. Сначала вновь пошел мелкий дождь, а затем окружающий мир утратил часть черного цвета, все стало словно чуть контрастнее. Теперь можно было идти по лесу, не нащупывая ногой почву перед каждым следующим шагом, опасаясь свалиться в воронку, и не прикрывая лицо от ветвей, невидимых, пока не вопьются сучком в лицо.

Зимников подсчитывал, сколько еще нужно сделать, но понимал, что если люди не отдохнут хоть самую малость, то толку от них будет немного. Получив паек, десантники торопливо «завтракали» и прятались по окопам, поднимая воротники, натягивая шлемы поглубже, словно железо могло уберечь от промозглой осенней сырости.

– Скатывайте любое тряпье и суйте под поясицы и зады, – бурчал Поволоцкий. – Не хватало еще почечных.

Тяжелый сон принимал одного за другим озябших, измученных бойцов.

«Надо и мне прикорнуть хотя бы на четверть часа», – подумал Зимников, но решил прежде взглянуть на врагов – раньше как-то не получалось за нехваткой времени.

В сером предрассветном мире сваленные в общую яму трупы тоже казались серыми. В них не было ничего особенного – обычные покойники, по виду типичные европеоиды. Все светловолосые, но один из десантников заметил, что настоящих блондинов среди них от силы пара человек. Смущаясь, на подколки товарищей он пояснил, что жена работает в парикмахерско-стилистическом салоне, проживая в окружении «мордорьельных» принадлежностей, поневоле нахватаешься разных премудростей.

Непривычный покрой комбинезонов из какой-то жесткой, скользкой на ощупь ткани, с уже знакомым контрастным рисунком. Вместо коротких кожаных сапог – очень высокие ботинки на шнуровке, похожие на английские, но не желтые, а черные и без крючков. Странные шлемы, отдаленно смахивающие на колокол, с расширяющимися книзу «полями», вместо сетей каски были обшиты тканью. Знаки различия были выштампованы на тонких металлических пластинках и залиты черной эмалью – какие-то прямоугольники и символы, похожие на стилизованные листья, вроде дубовые.

Интереснее всего оказалось оружие – отдаленно схожее с ручным пулеметом на легких сошках, но с магазином, примыкаемым сбоку. Командир пулеметного взвода удивился: к чему пулемет с зарядом всего на двадцать патронов? У троих покойников оружие оказалось еще интереснее – короткие винтовки со складными прикладами и длинными рожкообразными магазинами под патрон очень малого калибра – не больше шести миллиметров. Оружие оприходовали – покойникам оно ни к чему, а лишних трофеев не бывает. Зимников pokrutil в руках кинжал одного из убитых – прямой, широкий, больше похожий на мясницкий тесак. У основания обоюдоострого клинка была вытравлена уже знакомая эмблема из трех отзеркаленных семерок, соединенных, подобно паучьим лапам, пятизначный номер и надпись «Sturzbock», сделанная таким сложным и витиеватым шрифтом, что ее с трудом удалось прочитать. Впрочем, Зимников так и не был до конца уверен в правильности прочтения – при чем здесь «кабан»?

Никаких документов, писем, карточек, фотографий не нашли, даже личных жетонов. Раздевать мертвецов и осматривать тела тщательнее не стали – побрезговали. Майор не стал приказывать – давить на людей сверх меры не следовало.

К самому рассвету подоспели французы, у них не оказалось взрывчатки, зато была трехорудийная батарея морских стопятидесятипятимиллиметровых орудий при тягачах, переделанных из тракторов. Артиллеристы в морской форме, офицер с кортиком – все было как положено на флоте и вызывающе нелепо здесь, в осеннем лесу, в окружении грязных, небритых людей в маскировочных комбинезонах, заляпанных размокшей землей и кровью. Батарея

назвалась «Первым отдельным добровольческим противопанцерным дивизионом», что вызывало усмешку у понимающего человека, поскольку «дивизион» подразумевал наличие хотя бы двух батарей.

Зимников кратко ввел командира в суть дела, косясь при этом на огромные пушки на высоченных лафетах с пугающе тонкими щитами, лихорадочно соображая – как их замаскировать. Орудия были очень хорошие, при обученной прислуге с такими можно было выбирать – в какой глаз бить вражеского мехвода, но слишком, даже вызываясь заметные. Будь у обороняющихся больше времени, можно было бы откопать позиции поглубже, так, чтобы над уровнем земли торчал лишь ствол. Но времени уже не было, Зимников смотрел в небо и понимал, что счет пошел уже на минуты.

Отец Петра Захаровича был эпидемиологом, одним из тех, кто боролся со страшными вспышками чумы в Средней Азии на рубеже двадцатых-тридцатых годов. Он редко вспоминал о тогдашней службе, но как-то проговорился, что смертельная болезнь очень сильно меняет психику. Довольно часто заболевший, сохраняя во всем прочем вполне здравый рассудок, становится одержим болезненной завистью, даже ненавистью к другим, здоровым. Случается, что такой завистник, уже стоящий одной ногой в могиле, начинает вредить им, стараясь заразить остальных.

Сейчас, с трудом вспоминая полузабытый французский, тщательно подбирая самые простые и понятные слова, чтобы описать возможную опасность, Зимников видел, как лицо французского капитана – франта при бакенбардах и щегольской бороде – все более приобретает выражение, сходное с тем, что тогда легло на лицо отца, рассказывающего страшные чумные истории. Словно каждая фраза майора отдаляла капитана и его людей от мира живых.

Но, надо отдать французам должное, он не паниковал, фаталистически заметив, что в дивизион бронебойщиков не берут ни женатых, ни единственных детей в семье.

Артиллеристы вполне грамотно выбрали позиции для орудий, протянули дополнительные телефонные линии и договорились о сигналах ракетами на крайний случай. Высоченные пушки замаскировали, как получилось, ветками и срубленными деревьями, по умолчанию решив, что для начала сойдет, а там как повезет.

Начался бой очень заурядно, без какого-то вступления или нагнетания. Снова завывали снаряды вражеских гаубиц, орудий в залпе опять заметно прибавилось. На мост деловито вскарабкалось непонятное страховидло, не танк, не броневик, а что-то больше всего похожее на огромный бронированный бульдозер. Вероятнее всего, какая-то инженерная машина, потому что когда страховидло доползло до середины моста, заложенная сапером взрывчатка сдетонировала сама собой, без всякого сигнала. Вся огромная многометровая стальная конструкция застонала, словно огромное раненое животное. Две арки явно перекошились, часть ферм провисла, несколько просто отвалились, канув в бурный поток на дне ущелья, но мост устоял. Впрочем, как и обещал Семеныч, теперь все сооружение ощутимо деформировалось и даже на глазок стало непроходимым для тяжелой техники. Бульдозер несколько раз трогался вперед, но каждый раз в душераздирающем скрипе балок останавливался и наконец убрался обратно. Снова появились «Чарли», числом двое – наверняка вчерашние знакомые, хорошо хоть давешнего «мамонта» не было. Они разъезжали вдоль берега и вели тревожащий огонь.

Однако враг не складывал все яйца в одну корзинку. На связь вышел разведывод, сообщив, что противник наводит переправу выше по течению. И не какую-нибудь временную, веревочкой скрученную, соплем приклеенную, а нормальное инженерное цельнометаллическое сооружение из готовых блоков.

Перекрикивая грохот разрывов, Зимников приказал разведчикам воспрепятствовать переправе любыми возможными способами и отправил им в поддержку лучший взвод с последним броневым автомобилем, отдав в придачу все тяжелые пулеметы и последний миномет. Больше

связи не было ни с разведчиками, ни с группой поддержки, но с правого фланга их не атаковали.

Атаковали с левого.

Нашли враги другую переправу, ниже по течению, или навели собственную – было неизвестно, да уже и не важно. Дозор сообщил о приближающейся теперь по «своему» берегу бронегруппе, но сделать что-нибудь особенно хитрое майор уже не успевал.

Выбитый наполовину батальон без тяжелого вооружения и батарея из трех орудий приняли бой против «панцершписа» при четырех «панцерах».

И этот бой был поистине страшен.

Гвардейцев обстреливали из пушек и пулеметов, перебегавшие между деревьями англичане и новые знакомые в странных шлемах вели шквальный огонь из «энфилдов» и своих укороченных винтовок с «рожками». Гаубицы немного снизили интенсивность огня, стараясь не задеть своих, но легче от этого не стало – хрипло кашляли орудия панцеров, прицельно расстреливая окопы гвардейцев.

Французы выжидали до последнего, понимая, что после первых залпов времени у них останется немного. Зимников почти забыл про них – ближайший бронированный утюг прорвался на позиции и крутился, как чертова юла, избегая гранатометчиков, огрызаясь пушечным огнем и очередями пулеметов – когда строенный залп «морских» гулко хлестнул по ушам. «Панцер», неосторожно подставивший борт, исчез в облаке огня, из которого воспарила башня с исковерканным орудием, завязанным едва ли не в узел.

Словно получив некий приказ, вражеская пехота в едином порыве бросилась вперед, густой волной, опережая бронетехнику. Три оставшихся бронемашины выписывали сложные кривые, стараясь сбить прицел, суетливо крестили воздух стволами, нащупывая неожиданного противника.

– Пехоту бить, пехоту! – кричал Зимников, перестраивая, насколько это было возможно, батальонные порядки. – Не пускать к пушкарям ни одну вражью сволочь!

От батареи внезапно донеслось пение. Зимников сначала не понял, что это за песня, знакомая, но последняя, которую можно было бы ожидать услышать здесь. Артиллеристы перезаряжали орудия и пели, да нет, скорее, надрывно рычали осипшими глотками «Марсельезу»:

Вперед, вперед, сыны Отчизны,
Для нас день славы настает!
Против нас тиранов стая
С кровавым знаменем идет.

Второй панцер накрыли, как и первый, – одним слаженным залпом, он не взорвался, но лобовую броню разворотило, как лист фольги, оба башенных люка вылетели наружу вместе со стопорами, из всех щелей повалил черный дым.

Рядом с позициями батареи начали рваться снаряды, словно некий небесный чертежник тыкал наугад огромным карандашом в чистый лист – корректировщики врага никак не могли нащупать цель.

Одну из пушек разбило прямым попаданием, вторая выстрелила, но на этот раз мимо, третья молчала – прислуга лихорадочно облепила агрегат, стараясь что-то починить. Четвертый залп «морские» снова дали вместе, уже вдвоем, третий панцер мотнуло как игрушку, по боку его башни словно врезали огромным молотом, высекая сноп толстых искр, с четвертого сорвало защитный экран, серая панель взлетела высоко в воздух, лениво кувыркаясь. Обе машины не сговариваясь дали задний ход, стреляя беспорядочно и неприцельно.

– Патроны не экономить! – скомандовал Зимников, понимая, что наступила кульминация боя, и враг впервые дрогнул. Майор поднял руку, готовясь поднять остатки батальона в контратаку, пока противник не оторвался и его артиллерия работает в полсилы. Но, услышав в воздухе знакомое гудящее жужжание, словно на их позиции выпустили огромных шмелей, майор скомандовал совсем другое, молясь, чтобы его поняли французы:

– Лежать! В землю, глубже!!!

Кто-то успел зарыться в землю, кто-то нет, когда английские тяжелые минометы накрыли батарею четкими, выверенными залпами. Позиции французов заволокло дымом, вверх полетели куски металла, дерева, какие-то кровавые клочья. Но через полминуты из черных облачных клочьев бухнуло еще раз, хотя, казалось, там никто уже не мог уцелеть. Третий танкер остановился в тишине заглухшего мотора, над ним появился легкий дымок. Дымок скоро исчез, тяжело проскрежежав двигателем, многотонная машина вновь завелась и продолжила отступление, тяжело раскачиваясь и снося на своем пути деревья. Его ствол повис так же, как у вчерашнего «мамонта», едва не скребя размокшую землю.

Батареи «морских» больше не было, но, словно давая волю ненависти, вражеские минометы перепаживали ее позицию вдоль и поперек еще минут пять. После атака продолжилась, но уже без непосредственного участия «брони». Танкеры прятались дальше в лесу, изредка постреливая в белый свет как в копеечку.

Посланная санитарная команда вынесла одного раненого – того самого офицера с кортиком. Француз был тяжело контужен, с переломом руки, ноги и несколькими осколочными ранениями.

– Сколько? – спросил он вдруг вполне отчетливо.

Зимников вопросительно взглянул на Поволоцкого, хирург качнул головой и одними губами произнес: «К Харону».

– Мимо, ми-мо... Механизм люфтил... Сколь-ко? – повторил артиллерист, слабея на глазах, на его губах в такт вдоху и выдоху вздувались кровавые пузыри...

Зимников взглянул на поле боя. Первый танкер, развороченный в хлам до самых гусениц, догорал, столб дыма, черный как смоль, поднимался к небу огромной свечой. Второй стоял недвижимо, относительно целый, не считая пробойн, и коптил поменьше.

– Всех, вы подбили всех, – солгал майор.

– Хо-ро-шо, – отдельно сказал француз и умолк навеки.

Таланов смотрел на быстро-быстро шевелящего губами солдата, пытаясь понять – кто это и что ему надо. Тот все никак не отставал, затем к нему присоединился еще кто-то непонятный, с пакетом в руках. Пакет был знакомый, в таком же доставили вчера... что-то доставили... Он не помнил, что.

Капитан выронил из ослабевших пальцев горячую винтовку, без сил привалился к стенке воронки, ноги подкашивались. Мысли разбегались как зайцы – скачками, на все стороны света.

«Зайцы», – подумал Таланов, представляя себе тихий зеленый лужок и веселых зайцев в симпатичных зимних шубках. Солдат как-то разом надвинулся на него, почти вплотную, его слова вязли в невидимом ватном коконе, окружившем капитана, опадая на изрытую землю невесомыми трупиками.

«Слова, – подумал Таланов, – слова слушают...» Мгновение он размышлял, слушают ли слова или это слова слушают? Мысль показалась очень интересной, но чрезмерно сложной.

Внезапно его вырвало, мучительно, одним желудочным соком, буквально выворачивая наизнанку. Как ни странно, но от этого немного полегчало.

– Что? – глухо спросил капитан, поводя мутными, налитыми кровью глазами.

– Майор, Зимников...

– Что? – простонал Таланов, обхватывая руками гудящую как котел голову.

Кто-то прыгнул в воронку, расплескивая скопившуюся на дне грязь, резко взял его за ворот. Капитан попытался отмахнуться, но безвольная рука лишь бесцельно мотнулась. Поволоцкий, оскаленный, страшный, похожий в своем грязном залитом кровью халате на людоеда, наотмашь хлестнул его по лицу и сразу же сделал быстрый укол в плечо, прямо через одежду.

– Сейчас оклемается, – пояснил он кому-то в сторону и резко промолвил, обращаясь уже к капитану. – Слышишь меня?

Таланов что-то просипел в ответ, качнул головой, определенно собираясь упасть в обморок, но удержался, попытался сфокусировать взгляд.

– Д-да, – сказал он, запинаясь на каждой букве, тяжело сглотнул и повторил уже почти нормально. – Да, понемногу... отсыпь пилюль, дохтур. Меня контузило. Надо передать роту...

– Некому, – зло отвечал Поволоцкий короткими рублеными фразами. – Зимников ранен, тяжело. Жив, но без сознания. Ты следующий по званию – принимай батальон. И мы отступаем, приказ армии.

– Отступаем, – повторил Таланов, дико озираясь, взгляд спотыкался о пеньки деревьев и трупы. Трупов было много.

– Больше старших офицеров в батальоне нет, – сообщил Поволоцкий. – Я бы поздравил со вступлением в новую должность, но не тот момент.

* * *

– Хрен вам, господин майор, – отрезал Шварцман. – Сказано, конечно, не куртуазно, но точно отражает суть проблемы. У меня нет ни одного солдата для вашего департамента.

Антон Шварцман был выходцем из России, сделавшим, однако, очень неплохую военную карьеру в Объединенной Германии. Благодаря его заслугам западная группировка Ландвера все еще сохраняла боеспособность и продолжала больно кусать наступающего противника. В обстановке общего хаоса, при отсутствии какого-то единого штаба он стихийно стал авторитетом и координатором всей обороны на германо-французской границе. Оказавшись перед необходимостью очень быстро найти группу подготовленных бойцов, Басалаев не стал терять времени и сразу начал пробиваться на прием к генералу. Используя подписанные самим императором бумаги, он быстро добился личной встречи, но на этом успехи пока закончились.

– Господин генерал, – с бесконечным терпением повторил Басалаев. – Я прошу не дивизию и не полк. Мне нужен батальон, не больше. И замечу, у меня есть все бумаги, чтобы требовать всевозможного содействия, подписанные Его Величеством.

– Да хоть самым господом богом, – немедленно откликнулся генерал. – Ваш император мне не указ. Фронт трещит по швам, резервов нет, кругом криздец и пизис. Поэтому я ничего вам не дам. Если контрразведке нужны люди – пусть ищет в другом месте. Свои должны быть.

Борис Михайлович Басалаев любил риск и кризисы. Как сказал однажды один из его сокурсников – у Бориса были очень сильно смещены координаты понятий «опасность» и «угроза». Ситуацию, которую обычный, рядовой человек воспринимал как катастрофу, Басалаев оценивал как вызов и повод одержать очередную победу над собой, оппонентами и обстоятельствами. К этому крайне своеобразному мировосприятию прилагались недюжинный ум, аналитические способности и абсолютная адаптивность. Борис был человеком-хамелеоном, приспособляясь к любому окружению, он мгновенно становился своим и среди преступных низов, и в аристократическом собрании. В силу такого редкостного сочетания достоинств он быстро поднялся по служебной лестнице в полиции. Одно время подозревался, хотя и бездоказательно, в мздоимстве и использовании положения в корыстных целях, что едва не перечеркнуло его будущее. На счастье Басалаева, его заметил Лимасов, пренебрег слухами, приблизил и дал возможность проявить себя в лучшем виде. Брал ли Басалаев в полиции «на лапу», для общественности так и осталось тайной, но в контрразведке служба Бориса была безупречной.

Помимо прочего, Басалаев очень тонко чувствовал людей и их слабости, он всегда знал, как и чем следует надавить на человека, чтобы добиться нужного.

Но только не в этот раз.

Они сидели друг против друга за широкой партой в пустом классе, за дверью разногласо шумел штаб армии, разместившийся в покинутой школе. За окном рычали моторы, переговаривались на четырех языках люди, хрипло и яростно матерились регулировщики. И, перекрывая все, ровно грохотала далекая канонада – фронт приближался.

– Антон Генрихович, – уже просительно начал Басалаев. – У меня были свои люди, отборные люди, но вчера их накрыло в экраноплане. Всех разом. И у меня просто нет времени вызывать какого-то, просто нет.

– Не моя забота, – отозвался Шварцман. – Сочувствую, но ничем не помогу. Идите к Кнорпелю и требуйте у него. Хотя он далеко... Так что раньше отправитесь – раньше доберетесь.

Басалаев всматривался в усталое лицо генерала, держащего на своих сутулых узких плечах весь западный фронт, и отчетливо понимал, что здесь давить и угрожать бесполезно. Шварцман уже ничего не боялся, думая только о том, как удержать истончавшуюся на глазах линию, отделявшую Францию от вражеских орд. Уговаривать и просить было бесполезно – для него сейчас существовала только его армия и ее нужды, все прочее он воспринимал как блажь. Вызывать столицу и организовывать прямой приказ лично генералу – слишком долго. Время уходило, и майор чувствовал, как его незримые песчинки скользят меж пальцев.

Времени не было, бойцы нужны были сейчас.

– Пожалуйста, – еще раз попросил майор. – Очень надо.

Генерал промолчал, лишь качнул головой в отрицании.

– Вам пора, господин майор, – заметил Шварцман. – Я и так потратил на вас четверть часа. Притом, заметьте, отделил их от своего получасового сна.

– Нет, вам придется потратить еще четверть, – произнес Басалаев, напряженно над чем-то размышляя.

– Что? – не понял Шварцман, с некоторой даже растерянностью взирая на майора.

Тот резко выдохнул, собираясь с духом, стараясь не думать, что сделает с ним Лимасов, когда узнает, что командир специальной оперативной группы при проекте «Исследование» походя презрел всю конспирацию. И заговорил.

Майор уложился в десять минут, коротко обрисовав причину возникновения проекта и его задачи. Шварцман слушал молча, лишь нервно барабанил пальцами по столу.

– ...Итак, теперь он в Барнумбурге, – закончил Басалаев. – Я должен был соединиться со своей группой и пробиться туда, чтобы вытащить его. Но группы больше нет, я один, Барнумбург стал полем боя, вызывать подмогу слишком долго. Генерал, мне нужны люди, чтобы пробиться туда и вытащить оттуда этого человека. Теперь вы знаете, для чего.

Шварцман все так же молча выстукивал какой-то простенький марш.

– Бред, – вымолвил он наконец. – Круто замешанный бред. Гравиметры, шпионы, батискафы, контрразведка и этот, как его... попаданец?

– Мы зовем его «пришелец», но и «попаданец» тоже неплохо звучит, – согласился Басалаев. – Понимаю, звучит как бред высокой пробы. Но... – Он красноречиво поднял тонкую стопку исписанных листков – свои документы и полномочия, подписанные Лимасовым и Константином. – Это не бред. По крайней мере не больший, чем противник с реактивной авиацией из дыры в океане. Попаданец существует, и он нам нужен. Еще больше он нужен вам, думаю, не нужно объяснять – почему. Так дадите людей?

Теперь вздохнул Шварцман, с тяжелой безнадежностью.

– У меня их действительно нет, – сказал он, теперь уже не с агрессивным неприятием, а словно обрисовывая оперативную обстановку равному. – У нас катастрофа.

Басалаев всем видом изобразил немой вопрос.

– Противник свернул наступление на востоке, против Шульгина, сейчас он перебрасывает все резервы к нам, сюда, – пояснил генерал. – Нюрнберг пал.

– О, черт возьми... – не выдержал Борис.

– Да, именно так. Это высвободит ему еще какие-то силы. И главное, наступление на Саарлуи оказалось обманкой, это отвлекающий удар, главный они нанесли сегодня утром, почти что по краешку Бенилюкса. Фронт еще держится, но как только подойдут вражеские резервы – он неизбежно рухнет. День, может быть, два. Три – уже чудо, я в чудеса не верю. Вчера мы с Туле вводили войска в бой полками и батальонами, сегодня исход схваток решают уже отдельные роты. У меня есть тыловики, есть раненые в госпиталях... Что-то у Кнорпеля, но он бьется почти в окружении...

– Черт, черт, черт!!! – почти в отчаянии повторил Басалаев. – Вдоль границы! Это значит, что Барнумбург теперь точно попадет в самое пекло. Если уже не попал... Не помогут ни раненые, ни тыловики, нужны бойцы, нужны головорезы, с которыми я смогу пройти через Барнумбург и обратно, пока там еще не началась гекатомба. Ждать нельзя.

– Ладно, – ответил Шварцман, припечатав ладонью крашеную столешницу, разрисованную веселыми цветочками. Подождите минут десять, что-нибудь придумаем. Вроде какие-то русские десантники успели вырваться из боя, и их должны были перебросить как раз туда, куда нужно... Самое то – гвардия, опытные, в бою поучаствовали. Сейчас узнаем, что с ними и где. Да, кстати... Что он, попаданец этот, там забыл, в Барнуме?

– Не знаем, – честно ответил Басалаев. – Найду – спрошу.

Глава 6

Нисхождение в ад

12 октября

Таланов вновь потер виски, сдерживая стон и рвотные позывы. Он немного отошел от контузии – помог «сундучок злого доктора», – но тяжелая, давящая боль прочно обосновалась под сводом черепа, методично выдавливая глаза, заливая голову свинцом. Больше всего капитан хотел лечь прямо здесь, под партой, и провалиться в беспамятство, хотя бы для того, чтобы на какое-то время не чувствовать боли и дурноты.

Петр Захарович был очень плох, бледный как смерть, с пепельно-серыми губами. Весь лоб представлял собой сплошную гематому, обе руки чуть выше запястий заканчивались забинтованными «варежками». Подобравшийся слишком близко вражеский солдат бросил гранату, майор успел застрелить его и рефлекторно закрылся руками накрест, склонив голову. Большая часть осколков его миновала, но несколько мелких пришили в шлем и по рукам. Майор остался в сознании, но к дальнейшему командованию был непригоден. Новым командиром стал следующий по старшинству офицер – капитан Таланов.

Бой стоил батальону очень дорого, в строю осталось не более четырех десятков бойцов, мост защитили, но уничтожить не смогли. На левом фланге противник уже переправился, и выбить его не было никакой возможности. Из разведчиков и посланного им в поддержку отряда вернулся только Армен Горцишвили – с головой, замотанной окровавленной тряпкой, в изорванном обмундировании, с трофейной винтовкой, той, что с магазином сбоку. Он коротко доложил, что больше никого не будет, вражеская переправа задержана, но не более чем на час-два.

Положа руку на сердце, Таланов признавался себе, что до сих пор батальону сказочно везло. В кульминационный момент боя их спасли французские пушки, а затем противник

позволил им отступить. То ли супостат считал приоритетной организацию переправы, то ли опасался новых сюрпризов, но маленький, отягощенный ранеными обоз отошел в тыл без помех. Несколько раз, оглашая окрестности воем двигателей, прямо над ними проносились «визгуны», дважды поодаль пролетали британские гиропланы, и каждый раз новый комбат думал, что на этот раз – все. Но у авиации противника, вероятно, хватало иных забот.

Раненых устроили во французском полевом госпитале. Вернувшийся оттуда Поволоцкий, следивший за размещением солдат, на короткий вопрос «Как там?» промолчал и залпом выпил мензурку неразбавленного спирта, что говорило само за себя.

Сократившийся в несколько раз отряд двигался на север, к Барнумбургу, чтобы влиться в состав корпуса Ингвара Кнорпеля, но на подходах к «Жемчужине Европы» его перехватил майор из контрразведки Лимасова с личным приказом командующего объединенным фронтом Антона Шварцмана.

К ночи Басалаев, Зимников и Таланов собрались втроем, все в том же классе, где накануне Басалаев просил солдат у Шварцмана. Школа опустела – штаб перебазировался, уходя от опасной близости к неспешно, но неуклонно накатывающемуся фронту. Эвакуация подходила к концу, на грузовик прямо под окном грузили канцелярщину, и шум кантуемых ящиков сплетался с разноголосной руганью.

Басалаев изучающе взглянул на майора и капитана – старого и нового командиров части, которую ему от щедрот своих выделил Антон Генрихович. Следовало признать – в обстановке грядущей и неизбежной катастрофы дар был не из худших. Гвардия, с солидным боевым опытом, пусть и полученным до войны, принявшая бой против превосходящих сил врага, но не дрогнувшая. Однако... слишком уж их было мало.

– В настоящий момент противник обходит город с севера, вдоль бельгийской границы, – объяснял задачу Борис Михайлович. – Его передовые части подошли к пригородам, но в сам Барнум особо не лезут. Там преимущественно англы, они неуютно чувствуют себя в застройках – привыкли разных негров гонять. Так что предпочитают понемногу просачиваться, показывая, какие они страшные и как много у них оружия...

Таланов уронил голову на грудь и всем телом качнулся вперед, словно собираясь упасть, но сразу же встрепенулся, вернул вертикальное положение и изобразил полное внимание. Басалаев стиснул зубы, вдохнул и выдохнул, гася вспышку гнева.

И с этой инвалидной командой, с контуженным офицером, засыпающим прямо по ходу инструктажа, майору предстояло отправиться в Барнумбург. От злости захотелось что-нибудь сломать, в первую очередь от злости на самого себя. Рисковые решения обычно оправдывают себя, но если уж проваливаются, то с треском. Решение о том, чтобы переправить спецгруппу на дирижабле, было рискованно, но обещало серьезный выигрыш во времени. Риск не оправдался, фиаско получилось полным. Басалаеву было не особо жаль людей – они были добровольцами и знали, на что шли, но теперь не было ни времени, ни группы...

Что ж, как было написано в одной из книг пришельца, «у меня нет для вас других Гинденбургов». Или «другого народа»?..

– Так кому сейчас принадлежит город? – хрипло спросил Зимников, горбясь и бережно скрепляя на груди забинтованные руки, словно защищая их. Комбат держался на последних крохах воли и здоровья, но категорически настоял на том, чтобы лично ознакомиться с новым заданием его части. Немолодой уже армейский майор воспринимал свой батальон как большую семью и тяжело переживал, что в новый бой она отправится уже без него. Басалаев не возражал – опытный военный вполне мог посоветовать что-то полезное и правильно напутствовать Таланова.

– Никому, – сообщил Борис Михайлович. – В этом-то и беда. Там нет какого-то конкретного гарнизона или соединения, с которым можно было бы связаться. Сейчас Барнум – сплошная ничейная зона, по ней бродят отдельные отряды врага, мародеры, дезертиры, сума-

сшедшие, «дьяволиты», гражданские, которые бегут из города, отряды самообороны, наши разрозненные части и еще черт знает кто. Приют Рюгена находится достаточно близко к центру, в районе «старого города», так просто к нему не пройти. Поэтому вы мне и нужны.

– Как скажете, – сказал Таланов, глухо, но разборчиво. – Кто такие «дьяволиты»?

– Сумасшедшие, – пояснил Басалаев. – Сектанты-апокалипсисты.

– Совет, – все так же хрипло проскрипел Зимников.

Басалаев развернулся к нему, готовый слушать.

– Что, больше никого на примете нет? – спросил Петр Захарович. – Совсем никого? Только мы?

– Никого, – качнул лобастой головой Басалаев, отмечая это «мы». Да, жаль, что комбат выбыл из строя, и притом надолго выбыл. Хороший командир.

– Людям нужен отдых. – Зимников слабо махнул руками, предупреждая готовое сорваться с уст полицейского возражение. Движение замотанных бинтами белых «варежек» было одновременно и жалким, и страшным. Басалаев осекся.

– Поверьте бывалому человеку, – продолжал Зимников. – Сейчас от батальона толку не будет. Марш, затем окапывались, потом бой. Снова бой, затем снова переход. Если всех погнать снова, то на первом столкновении все и закончится. Сейчас они не бойцы.

Зимников тяжело закашлялся, задел рукой об руку и мучительно скривился от резкой боли. Действие морфия заканчивалось, на бледном лице выступили крупные капли пота. Майор говорил все с большим трудом, делая длинные паузы между предложениями и словами.

– Да и нет смысла сейчас идти, – продолжал он. – Придется избегать главных улиц, красться по задворкам. Если все пройдет хорошо, возвращаться будете по светлому. Опасно. Дайте батальону отдых. Идите завтра, ближе к вечеру. Благо темнеет теперь рано.

– Завтра уже наступило, – автоматически поправил Басалаев, вставая. Он прошелся по классу, остановился у окна, скрестив руки на груди. Поймал себя на том, что неосознанно скопировал позу Зимникова и резким движением развернул плечи, складывая руки за спиной – пальцы в замок. Петр Захарович с печальной и понимающей улыбкой следил за этими эволюциями. Таланов все же заснул, как и сидел, лишь голова запрокинулась назад.

Канонада стала чуть слышнее. На северо-востоке, несмотря на ночную тьму, пульсировала желто-красным светом тончайшая полоска, разграничивающая небо и землю – линия фронта приближалась.

Басалаев взглянул на провалившегося в беспробудный сон Таланова, затем повернулся к окну, посмотрел на полоску света, вспыхнувшую особенно ярко. Следовало принять решение...

– Сегодня... к вечеру... – сказал он наконец через силу и повторил, словно убеждая кого-то, кроме самого себя. – Да. Отдых и выступаем. Будем надеяться, что успеем...

– Не растрать моих ребят впустую, майор, – прерывисто, срывающимся голосом произнес Зимников. – Им и так досталось...

– Как получится, – серьезно ответил Басалаев. – Постараюсь, но дело сложное, обещать не буду.

* * *

Сон, пусть и короткий, отчасти вернул Таланова в мир живых. Новый инструктаж, состоявшийся днем в той же школе был не в пример предыдущему – конкретен и сухо-деловит. Он проходил уже без Зимникова, которого Поволоцкий пообещал отправить в госпиталь силой, если майор не прекратит придуриваться и играть в негибаемого героя.

В поход на Барнумбург могли выступить тридцать пять человек, менее половины от штатной численности роты. С учетом самого капитана и хирурга, наотрез отказавшегося покидать свою часть, – тридцать семь.

Басалаев настоял на том, чтобы собрать всех: ответственное задание следовало донести до каждого гвардейца, и класс снова стал похож на школьное заведение. Только теперь вместо детей и подростков за партами сидели угрюмые, неразговорчивые люди в потрепанных маскировочных комбезах, при оружии, а вместо пеналов на партах громоздились купола касок и прочая армейская снать.

За ночь сражение еще приблизилось, теперь изредка, когда стихал ветер, в гуле канонады можно было расслышать даже отдельные залпы.

Виктор на ходу провел оперативное реформирование подразделения, взяв за основу свою роту, наименее пострадавшую в предыдущих боях. Он разделил ее на три взвода по десять человек плюс отдельный минометный взвод. Назначил взводных командиров взамен выбывших, провел инвентаризацию матчасти. Личного оружия хватало, некоторые гвардейцы пользовались трофейным, предпочитая те самые укороченные винтовки-пулеметы под малокалиберный патрон. Также батальон-рота располагал семью ручными пулеметами, тремя станковыми, калибра 12.7, и двумя легкими минометами (один удалось починить). Оружия было гораздо больше, чем людей...

– Вот этот человек. – Майор отправил по кругу фотографии, большие черно-белые прямоугольники достаточно скверного качества. – К сожалению, лучше нет, это копии с его паспортных документов. Я не могу рассказать вам, кто он и зачем нужен Империи, сами должны понимать, это строго секретно. Но могу сказать, что этот человек знает очень много о нашем противнике. Очень много! – с нажимом повторил Басалаев. – Поэтому его нужно найти и доставить в тыл любой ценой. Любой.

– Позвольте? – комвзвода-два Алишер Гаязов привстал и первым задал вопрос, который вертелся на языке у каждого десантника. – Это шпион? А то странно – знает, но не спешит рассказать.

– Скорее ученый, немного не от мира сего, – пояснил Басалаев. – Иногда совершает очень странные поступки. Поэтому с ним надо быть очень осторожным и, может быть... жестким. Главное – вытащить его оттуда живым.

Майор окинул взглядом присутствующих и повторил, обращаясь ко всем сразу:

– Только живым. Его ценность в его знаниях. От мертвеца пользы уже не будет.

– Господин майор, есть вопрос, – сообщил комвзвода-три прапорщик Олег Крикунов, достаточно вежливо, но не вставая, даже слегка развалившись, насколько позволял небольшой стул. Прапорщик словно демонстрировал, что майор из контрразведки если и указ армейским, то относительно и отчасти. Таланов мог бы одернуть подчиненного, но промолчал, внимательно всматриваясь в лицо Бориса Михайловича, оценивая его реакцию.

– Слушаю, – разрешил Басалаев в том же тоне, прикидывая, как сразу и надолго обломать нарождающуюся фронду. Недовольство армейской гвардии новым непонятным заданием и верховенством «сатрапа» было понятно и объяснимо, но позволить этому вредному настрою разрастаться было нельзя.

– Допустим, его там не окажется. Ну, пустой приют. Может, ушел. Может, убили. Что тогда? – продолжил Крикунов.

– Тогда, господин прапорщик, – заговорил Басалаев, негромко, веско, глядя прямо в глаза оппонента, – мы будем искать, пока не найдем его или его тело. И если окажется, что тело не то, мы вернемся и снова будем искать.

Он сделал паузу, по-прежнему сверля прапорщика тяжелым немигающим взглядом, и продолжил короткими, рублеными фразами:

– Вы, господа, похоже, так и не поняли суть дела. Этот человек должен быть найден и доставлен в Россию. Его ценность не просто огромна, она неизмерима. И это – приказ лично Императора. А я – ответственный за его исполнение. Мы вернемся с ним, это будет хорошо. Или с его трупом, это будет очень плохо. Или не вернемся вообще.

Теперь десантники, похоже, прониклись, но заканчивать на такой угрожающей ноте было бы неправильно. Люди плохо работают за страх, гораздо лучше – за искреннюю убежденность.

– Господа, – голос Басалаева утратил часть угрозы и металла, – именно поэтому мы, Антон Генрихович и я, выбрали вас. Вы – гвардия, воздушные крылья Империи. Задание очень ответственно и очень опасно, быть может, мы все погибнем. Но это задание Самого, и кому еще можно поручить его, как не самым лучшим?

* * *

Отряд деловито готовился к выступлению. Оставшихся на ходу мотоциклов и броневых автомобилей как раз хватило для всех. Каждый раз при взгляде на своих бойцов у Таланова щемило сердце – по уму роту, все еще официально именуемую «батальоном», следовало делить уже не на взводы, а отделения или секции. Но открыто признать, что прославленная гвардейская часть фактически на грани существования – это было выше сил и капитана, и всех его соратников.

Спланированный изначально лихой бросок к цели пришлось отменить – англичане подозрительно зашевелились. Шварцман наотрез отказался давать еще людей, однако прислал вестового с советом поспешить, но при этом быть осторожнее – по обрывочным данным разведки, к группировке, стоящей у северо-западных границ города, начали подходить подкрепления «семерок». «Семерками» все чаще называли Врага за специфическую символику, похожую не то на трехлапного паука, не то на крест из трех цифр семь.

Об этом избегали говорить вслух, но и Таланов, и Басалаев понимали, что у Барнумбурга обороняющиеся допустили крупный просчет. Несогласованность действий трех сторон – русских, французов и немцев, – позиция городских властей, до последнего цепляющихся за свою независимость, ошибка в определении направления вражеского наступления – все это в комплексе привело к тому, что город остался без гарнизона и защиты. «Ничейная» территория, где правили анархия и бандиты.

Обычно города, расположенные у рек, вытянуты вдоль русла, образуя длинную, но узкую ленту застроек, например Иосифград на Волге. Барнумбург был исключением, представляя собой овал, разделенный крест-накрест двумя бульварами – Карла Маркса и Вильгельма Айзенштайна. Приют Рюгена находился в «верхней», северной четверти города, на углу между улицами Гиммельфарба и Герцгеймера. Местные называли этот район «два „Г“ без воды», потому что на пересечении улиц, прямо перед приютом, располагалась Площадь Фонтанов, на которой, однако, ни одного фонтана отродясь не было.

На карте маршрут был прям и прост – по бульвару Маркса, затем поворот на Гиммельфарба и в обратном порядке, полчаса, самое большее – час в один конец, и то, если не очень спешить. Однако Басалаев недаром потратил столько времени, пытаясь найти вооруженное сопровождение.

С востока и севера отдельные группы противника активно просачивались в город, занимая ключевые позиции, завязывая бои с немногочисленными отрядами ополчения. С юга и запада им навстречу двигались спешно перебрасываемые с других участков фронта части оборонительной коалиции. Противники регулярно сталкивались, и на улицах Барнумбурга все чаще вспыхивали скоротечные, но яростные схватки. А поножовщина между шайками и прочим криминальным элементом шла беспрерывно.

В таких условиях Таланов решил по возможности двигаться на колесах к «старому городу», как назывался исторический центр Барнумбурга, а далее – по обстоятельствам, но скорее всего уже пешим ходом, в боевом порядке. Басалаев нашел более-менее надежного проводника, француза с типично еврейской внешностью и солидным именем Ян Ален Виктор Авриль. Ян был полицейским в Барнумбурге, затем ополченцем. Его отряд первым схватился с вступающими в город англичанами и был разбит. Полицейский пробрался к своим, чтобы сообщить о ситуации, и собирался обратно, когда его перехватил контрразведчик.

В четыре часа пополудни они выступили.

«Бардак, один сплошной бардак», – думал Басалаев, пока карликовый батальон Таланова продвигался к городу вдоль четырехполосной магистрали. Здравый смысл подсказывал, что он действовал по единственно правильному сценарию – соваться в Барнумбург в одиночку было самоубийством. Но время... Слишком много времени ушло на согласования, поиски, объяснения и подготовку нового рейда. С пришельцем могло случиться все что угодно. Одна шальная пуля, случайный снаряд, одна небольшая банда мародеров, которой приглянется отреставрированный и перестроенный монастырь, в котором разместились приют и клиника имени Рюгена... И все будет напрасно, а его, Басалаева, карьера пойдет прахом.

Майор вспомнил брошенное в сердцах пожелание Лимасова неизвестному пришельцу «чтоб он сдох» и мысленно присоединился к нему, но с оговоркой – не ранее, чем он, Борис Басалаев, найдет-таки и вывезет в безопасное место этого... попаданца.

Таланов сидел верхом на башенке броневедомобиля, движущегося во главе маленького конвоя. Позади плотной цепью растянулись мотоциклы. Капитан озирает окрестности с высоты почти трех метров, готовый в любой момент скатиться вниз. Опытный взгляд военного определял, что за последние двое суток дисциплины и порядка в тылу явно прибавилось. Бардак, вызванный языковыми и организационными проблемами, никуда не делся, но стал, если так можно выразиться, чуть более организованным.

Судя по всему, генеральский триумвират нашел-таки общий язык и организовал более-менее вменяемое управление разноязыкой массой из разрозненных соединений трех армий. Французские регулировщики сумели худо-бедно наладить организацию движения на дорогах. Беженцев безжалостно сгоняли на обочины, давая ход военной технике и пехоте. На перекрестках разворачивались зенитно-ракетные расчеты, военная полиция безжалостно наводила порядок, расстреливая провокаторов и грабителей без суда – трупы бросали на обочину в наизидание.

«Поздно, слишком поздно, – думал капитан, – это уже не поможет». При виде немногочисленных бронемашин ему сразу вспоминался «мамонт», а рыльца зенитных автоматов казались потешными на фоне памятного «визгуна», стремительного, хищного, безжалостно-опасного. Впрочем, по слухам, генералу Кнорпелю удалось организовать какую-то систему защиты от вражеской авиации. Генерал оказался скверным пехотным командиром, но неожиданно проявил себя как талантливый импровизатор ПВО. Если гвардейцам удастся выбраться из новой передраги живыми, они, скорее всего, будут отправлены к Кнорпелю и увидят все собственными глазами.

Словно наглядно иллюстрируя мысли об авиации, прямо посреди дороги зияла огромная одинокая воронка – черный провал, ощерившийся по краям вывороченными кусками асфальта. Определенно – след авиабомбы. Маленькая бригада дорожных рабочих, похоже гражданских, пыталась ее как-то засыпать. Получалось у них плохо, у воронки скопилась солидных размеров пробка. К ней уже спешили регулировщики, далеко заметные в своих белых касках, но затор все равно рос на глазах.

Таланов стукнул прикладом в тонкую броню, из люка высунулся чумазый башенный стрелок. Капитан не стал перекрикивать шум, молча изобразив ладонью дугообразный жест. Стрелок так же молча кивнул и нырнул обратно. Скрежет передач Таланов услышал даже

через броню, машина развернулась вправо, съехала с серого полотна дороги и, покачиваясь на неровностях почвы, двинулась по широкой дуге, огибая затор. Капитан оглянулся, проверяя, не застрял ли кто-то на обочине, все-таки мотоцикл, пусть и высокой проходимости, – не бронеавтомобиль на усиленной подвеске. Но мотоциклисты последовали за командиром. Таланов поймал взгляд Басалаева, майор восседал в коляске второго мотоцикла, с пулеметом в обнимку, отчасти смахивающий на недовольного стриженного медведя.

Где-то через полкилометра конвой вернулся на дорогу. Равнина с ухоженными рощицами и немногочисленными производственными зданиями заканчивалась, они въезжали в пригород, застроенный одно- и двухэтажными домиками. Таланов обратил внимание, что пока не видит каких-то значимых следов войны – разрушений, развалин. Однако на всем окружающем словно лежала печать запустения, потерянности. Дома казались серыми, пыльными, большая часть была заброшена, окна скалились мутными осколками выбитых стекол. Немногочисленные жители передвигались, сторбившись, низко склоняя головы, словно прячась от небесного ока. И почти исчезли беженцы.

Впереди расположилась остановка автопоезда. Небольшой куб из бетона, выкрашенный в симпатичный светло-желтый цвет, разрисованный на мотивы тропического леса – джунгли, пальмы, обезьяны на лианах. Наверное, постарались местные жители, судя по аляповатости рисунков и пренебрежению пропорциями и реализмом – дети.

На широкой каменной скамье у посадочной площадки сидел ребенок, девочка лет семи-восьми, закутанная в бесформенную кофту («Да, осень, холодно», – машинально подумал Таланов.), в шерстяной шапке, надвинутой по самые брови. Она просто сидела в неподвижном молчании, провожая каждую проезжавшую мимо машину немигающим взглядом темных глаз. В тонких пальцах, красных, покрытых мелкими царапинками и цыпками, девочка сжимала куклу. Очень красивая, дорогая даже на первый взгляд игрушка, наряженная в пышное алое платье с оборками и лентами, неприятно и жутко контрастировала с самой девочкой и всем окружением.

Автопоезд, ребенок...

Виктор, в нарушение всех правил безопасности, шел рядом с их вагоном. Шел, не слушая визгливого пересвиста сигнала, пока тягач набирал скорость, всматриваясь в родные лица. Марина терялась в глубине купе, ее он не видел, но две улыбающиеся, смеющиеся детские рожицы прилипли к широкому окну, расплющив носы о стекло. Веснушки, растрепанные волосы, милые, любимые лица...

Таланов отвернулся, стиснув зубы, в глазах затуманилось, словно он смотрел на мир сквозь искажающие линзы. В горле застрял едкий, жгучий ком, мешающий вздохнуть.

Капитан не видел, как один из гвардейцев на ходу выпрыгнул из коляски мотоцикла, подбежал к девочке, торопливо сунул ей в руки какой-то сверток и побежал догонять отряд.

«Надо было бы пресечь», – подумал Басалаев. Казенный пайковый шоколад дан для того, чтобы солдат сохранял боеспособность. Это не лакомство, а вместилище калорий, и раздари-вать его нельзя. Может быть, именно этой вот плитки, частицы заключенной в ней энергии не хватит бойцу, чтобы выиграть доли секунды и прикончить врага первым. Но сейчас уже поздно, да и время поджигает. Майор глянул на часы, половина пятого.

Как обычно, он не чувствовал страха, но все же ощущал, как броня выдержки постепенно дает трещину. Этот вызов был слишком значителен, чтобы воспринимать его как все предыдущие – со спортивным азартом, верой в свои силы и ожиданием безусловной победы.

«Визгун» промчался очень низко, буквально прижимаясь к крышам домов. Промелькнул, сопровождаемый уже знакомым и даже привычным гулом, похожим скорее не на визг, а

на тысячекратно усиленный шелест разрываемой бумаги. Сзади донесся гром, Таланов резко повернулся и успел увидеть опадающее пламя далекого разрыва – оранжевый всполох, по-своему даже красивый на фоне подступающих сумерек. Капитан прикинул, что задержишься они в дорожном заторе – сейчас как раз попали бы под воздушный удар.

Была ли это случайность или самолет навел тайный наблюдатель? Сколько их еще могло прятаться по углам?

Вопрос не праздный. Таланов надвинул шлем поглубже, а затем и вовсе спустился вниз, в чрево броневомобиля, лязгающее, гремящее, пропахшее бензином и маслом.

Обогнав небольшую группу из трех ветхозаветных пушек, влекомых такими же старинными тракторами со здоровенными паровыми котлами, десантники наконец углубились в Барнумбург, продвигаясь по бульвару Маркса.

Город рос от окраин к центру, поэтому плавный подъем высоты зданий был виден невооруженным глазом и завораживал специфической красотой архитектурной геометрии. Барнумбург готовился к обороне – кавалькада миновала несколько полупостроенных баррикад на перекрестках, кругом царила деловитая суэта прифронтальной зоны – «Жемчужина Европы» становилась зоной боевых действий.

И все же до полного торжества дисциплины и армейского порядка было далеко. Десантников никто не пытался остановить, проверить документы или выяснить принадлежность. Отряд лишь провожали взглядами, изредка – жестами, не то напутствуя, не то предостерегая. Чем дальше гвардейцы отдалялись от окраин, приближаясь к центру, тем меньше становилось вокруг людей. Город пустел на глазах, это и настораживало, и пугало одновременно.

Только на последнем контрольном пункте их тормознули. Через смотровую щель Таланов обзрел самодельный шлагбаум из грубо сколоченных жердей, огневую точку из мешков с песком, замаскированную фанерными щитами. Дозор несли всего три человека, угрюмые, заросшие щетиной мужики в годах, одетые в странную смесь форменного и гражданского. Оружие у них, впрочем, было вполне современным – крупнокалиберный «Дегтярев-Штольц» и самозарядные карабины.

– Тормозим, – произнес Таланов в микрофон радиации. – Вкруговую.

Он откинул люк и быстро выкарабкался из машины. Кругом слышался топот – десантники спорно занимали позиции для отражения возможной атаки. Басалаев чуть задержался, выбираясь из коляски, не приспособленной для его габаритов. Мужики без энтузиазма, но и без особого интереса наблюдали за этими передвижениями, только пулеметчик как бы невзначай положил ладонь на кожух ДШК.

Таланов сделал было шаг навстречу постовым, чувствуя спиной настороженное внимание своих бойцов, готовых прикрыть командира.

– Позвольте, я. – Басалаев выдвинулся вперед и как ни в чем не бывало шагнул к посту. Обменялся несколькими словами на немецком с главным, постовые ощутимо расслабились. Басалаев достал из кармана маленькую фляжку, взвесил ее в широкой ладони и пустил по кругу среди новых собеседников. Снова произнес что-то по-немецки, перешел на быстрый французский, затем опять по-немецки переговорил с пулеметчиком. Энергично пожал руки всем троим и вернулся к автомобилю.

– Это последний дозор, – сообщил он. – Дальше, как поэтично выразился мой новый друг, зона хаоса. С полчаса назад оттуда пришло несколько ландверовцев, по их словам, район, что нам нужен, пока свободен, но там все кишит местными клошарами и уже встречаются дозоры вражеских бронегрупп. Надо спешить.

Таланов молча взглянул на Яна Алена. Тот пожал плечами.

– Места знакомые, проблем нет, – сказал проводник.

– Дальше не поедem, – решил капитан.

Басалаев хотел было возразить, но промолчал. Возможно, решил, что военному виднее.

– Главные улицы всегда первыми под прицелом, по ним же идут войска, – все же пояснил Таланов. – Пойдем задворками. Проведете напрямую разными переулками? – снова спросил он проводника, подбирая французские слова.

Ян Ален вскинулся, возмущенный недоверием этого глупого русского, выгнул грудь колесом и начал было пламенную речь о том, что он, коренной житель, найдет с закрытыми глазами...

– Вот и славно, – попытожил Басалаев. – Тогда двинулись. Господин капитан... – обратился он к Таланову с подчеркнутым почтением, так, чтобы слышали гвардейцы. – Здесь вы командир, я в стороне и исполняю ваши указания наравне со всеми.

Виктор Савельевич бросил взгляд за спину, туда, откуда они пришли, на цепь мотоциклов, растянувшуюся вдоль тротуара, гвардейцев, рассыпавшихся у стен домов, с оружием наготове. Затем посмотрел вперед, вдоль бульвара. Из-за крыш ближайших строений поднималось несколько столбов дыма, тянуло гарью. В воздухе висел легкий, но отчетливый запах жженой резины. Изредка звучали разрозненные одиночные выстрелы. Канонада здесь была почти неслышна, заглушаемая высокими зданиями, она словно повисла на грани слышимости, неуловимо давя на сознание.

Вообще было удивительно тихо для города, которому оставались считанные часы до того, чтобы превратиться в арену жестокой схватки. Тихо и... мирно. Барнумбург почти не бомбили, поэтому разрушения были минимальны.

Если бы не полное безлюдье, можно было принять окружающее за панораму города ранним утром, в тот краткий миг, когда солнце уже осветило город первыми лучами, но первые волны обитателей еще не покинули своих домов, заканчивая завтрак.

Однако мусор, осколки выбитых стекол, черные пятна вокруг окон выгоревших квартир, несколько брошенных машин прямо на проезжей части, грузовик, наполовину въехавший в витрину магазина... Все это не позволяло забыть, что кругом огню не мирная безмятежность. Барнумбург был похож на зверя, домашнего холеного кота, неожиданно выброшенного на улицу, к холоду и побоям, затаившегося в ужасе и непонимании происходящего.

Или на оборотня, кажущегося мягким, беззащитным, скрывающим страшные клыки и когти в ожидании неосторожного путника.

– Батальон! Слушай приказ! – скомандовал Таланов. – Третий взвод, Крикунов, остаётся охранять транспорт. Мотоциклы – во двор, в непростреливаемую зону, расставьте огневые точки. Второй, Гаязов, в разведку, берите с собой француза, охранять как зеницу ока. Я с Горцишвили и первым взводом – главная боевая группа. Берем один тяжелый пулемет, ручники – первому и второму взводам, по одному на отделение, остальное оставляем. Минометы... – Он на мгновение задумался, взвешивая все «за» и «против». – Возьмем один, тот, что целее, бросить никогда не поздно. Две минуты на все!

Поволоцкий возник рядом с недовольным видом, показывая свое существование. В обычном комбинезоне он был неотличим от прочих гвардейцев, но, как обычно, когда медику доводилось сопровождать пешую группу, у него за спиной повис на широких брезентовых лямках небольшой, но даже по виду тяжелый рюкзак с медицинским скарбом. Помимо рюкзака врач был навьючен двумя подсумками, набитыми индивидуальными медпакетами «до упора и еще один сверху». Хирург еще в школе сразу и однозначно заявил, что если кто-то думает, что штатный медик останется в стороне, то этот кто-то ошибается.

– Мы идем в ад, командир, – негромко, только для ушей капитана произнес врач. – Не верю я, что все пройдет быстро и гладко, так не бывает.

Таланов молча кивнул, дескать, добро. Поволоцкий слегка просветлел и чуть подпрыгнул на месте, чтобы рюкзак плотнее лег на плечи и спину.

«Идем в ад, – повторил про себя слова хирурга капитан. – Мы идем в ад...»

Глава 7

Идеалист

Таланов никогда не увлекался фантастикой и антиутопиями, но его жена была поклонником книг в мягком переплете по десять копеек за штуку с завлекательными названиями наподобие «Последние выжившие на Земле». Марина Таланова не только читала о конце света в разнообразных вариациях, но и имела обыкновения обсуждать прочитанное на сон грядущий. Виктор, поначалу равнодушный к этому увлечению, отшучивался на тему неподобающего дамского чтива, но постепенно втянулся, толкуя авторские описания с сурово прагматичной позиции. Получалось забавно, и Марина иногда с юмором замечала, что в обычных семьях вечером обсуждают вопросы бюджета, а у них – список предметов первой необходимости при крушении цивилизации. По мере того как отряд углублялся в лабиринт застроек «старого» города, Виктору все чаще вспоминались те книги с яркими рисунками и кричащими названиями на обложках.

Еще совсем недавно Барнумбург был одним из красивейших и обустроенных городов мира, теперь это были скорее «каменные джунгли», на первый взгляд вымершие, но на поверку наполненные определенно опасной жизнью, чуждой привычному человеческому укладу.

Время от времени им встречались местные – почти все как один серые, старающиеся слиться с окружением, опасливо горбящиеся. И только мужчины, никаких детей и женщин. Все они были суетливы, и все что-нибудь тащили – коляски, чемоданы. Иногда встречались совсем невероятные типы, например старик в шутовской шляпе, крепко сжимающий огромный горшок с каким-то пышным экзотическим цветком. Одного из встреченных десантники едва не застрелили, он выскочил из-за угла незаметного проулка, с большим бумажным пакетом наперевес, и, столкнувшись с отрядом вооруженных и недружелюбных людей, встал как вкопанный. От неожиданности человек выронил пакет, тот лопнул, и несколько консервных банок с грохотом раскатились по мощеной мостовой, дребезжа и звякая на каждом камне. Не меньше десяти стволов сошлись в этот момент не незадачливом бедолаге, не будь перед ним опытные солдаты, тут ему и пришел бы конец. Поняв, что на месте его не убьют, местный исчез как дым в том же направлении, откуда появился, а Таланов тихо приказал внимательнее смотреть по сторонам.

Второй взвод прапорщика Гаязова рассыпался, казалось, в хаотическом порядке. Однако опытный взгляд сразу выделял привычное построение – две редкие колонны по сторонам улицы, вдоль стен домов и небольшая группа «застрельщиков» впереди. Разведчики перемещались в сложной очередности и полном молчании, перекрывая возможные зоны обстрела, используя для укрытия любые объекты – фонарные столбы, урны, скамейки, углы и выступы строений. Французского проводника, уверенно ведущего гвардейцев, опекали со всем старанием – осенние сумерки предвещали скорое наступление ночи. В темноте, в сложном лабиринте старого города шансы десантников быстро добраться до цели стремились к нулю.

Таланов оглянулся. Отделение, тащившее станковый пулемет, выбивалось из сил, и немудрено – одно тело «адского косильщика» весило немногим меньше сорока килограммов. Четыре человека, сменяя друг друга, тащили сам пулемет, станок и коробки с патронами. Капитан все так же, жестом, приказал передать ношу другому отделению.

Изредка им встречались и другие барнумбуржцы. Они тоже были серыми и старались оставаться незаметными, но то была серость не грязных, уставших людей, выбивавшихся из сил в поисках пищи и воды. Эти, другие, были похожи на опасных, злобных крыс. Кучкуясь группками по два-три человека, они прятались в подворотнях и небольших двориках, скрывались по незаметным углам. Некоторые деловито, без спешки разоряли лавки и магазины, растаскивая увесистые тюки с трудолюбием муравьев.

Разного возраста, по-разному одетых, всех их роднило одно – острый цепкий взгляд хищника, мгновенно оценивающий встречного по тому, что можно отобрать и на какое сопротивление можно нарваться. Несколько раз гвардейцы встречали жертв такого измерения – раздетые, изувеченные трупы, вызывающе брошенные посреди улиц, повешенные на фонарях.

С большой группой вооруженных до зубов людей мародеры и бандиты предпочитали не связываться, молча, даже с определенным почтением уступая дорогу. Лишь огоньки крысиных глаз посверкивали вслед солдатам, наполненные завистью и ненавистью к более сильному. При каждой такой встрече Таланов давил острое желание убить, понимая, что пользы будет мало, а вот шума и ненужного внимания – наоборот, слишком много.

Дважды десантники встречали импровизированные рынки – расчищенные от мусора площадки, на которых люди, пугливо оглядываясь, выменивали друг у друга все что угодно, но главным образом – еду в обмен на ценности. И здесь опять были все те же вездесущие люди-крысы, притаившиеся в тених, терпеливо выслеживающие своих жертв.

– Привал пять минут, – скомандовал Таланов. – Сменить «Дегтярева».

Догнав проводника, он спросил:

– Долго еще?

– Два квартала, – лаконично ответил Ян Алэн. – Тем же темпом – минут двадцать.

Таланов кивнул и неожиданно для себя снова задал вопрос:

– А где же закон, где полиция?

Француз потупился. Ему явно было стыдно за родной город и сограждан.

– Война, – так же коротко сказал он, словно это слово все объясняло.

Действительно, война, подумал Таланов. На старушку Европу пало бедствие, которого она не видела уже больше восьмидесяти лет... Люди слишком привыкли жить в уютном цивилизованном мире, где все предсказуемо и устроено для человека. Немудрено, что обрушившийся катаклизм сломал все охранительные механизмы, швырнул общество в прошлое, к закону «каждый за себя».

И сразу за этой мыслью пришла другая – а что было бы, случись такая напасть с каким-нибудь русским городом?.. Такой же распад, упадок? Ему представился родной Муром, страшный, освещаемый лишь редкими огнями костров из мебели. Муром, по улицам которого бродят люди, вся жизнь которых свелась к поиску хоть какого-то пропитания, воды. И вездесущие люди-крысы, выбравшиеся из подвалов, где они долго, терпеливо ждали своего часа.

Таланову стало страшно.

– Все, собрались и вперед, недолго осталось, – приказал он. Последние слова потонули в негромком лязге металла и шелесте одежды – десант подтянуто и бодро собирался, готовясь к последнему броску.

Где-то справа вспыхнула быстрая и сумбурная перестрелка, судя по звукам выстрелов, палили из пистолетов. Значит, не военные. Пока ход событий только радовал – группа двигалась достаточно быстро и без происшествий.

Почти стемнело, в некоторых окнах в щелях задернутых штор затеплились робкие огоньки свечей. Группа миновала еще один перекресток, теперь десантники двигались параллельно улице Герцгеймера, в промежутках между домами было видно широкое полотно опустевшей дороги с остовами брошенных, зачастую сожженных машин, и темная стена безмолвных строений на противоположной стороне. Похоже, освещать изнутри окна, выходящие на главные улицы и магистрали, не рисковал никто.

Впереди послышался чей-то голос – странный, идущий словно из-под земли. Надрывный фальцет истерично вещал что-то на высокой ноте. Разведгруппа разом остановилась, небольшой дозор из трех человек двинулся далее. Первый взвод рассеялся, чтобы представлять как можно более разреженную мишень для внезапной атаки. Минометчики затаились за массив-

ной скамьей из камня и кованого металла, отделение с тяжелым «Дегтяревым» изготовилось к стрельбе. Отряд оцетинился стволами, чем-то неуловимо напоминая ежа.

Дозор вернулся, комвзвода Гаязов обменялся с ним несколькими словами и переместился к Таланову. Он двигался с должной осторожностью, но без особой опаски, и у капитана отлегло от сердца – значит, серьезной опасности впереди нет.

– Командир, – прапорщик был не испуган, но определенно выбит из колеи и даже немного растерян, – это надо видеть.

– Что там? – раздраженно спросил Таланов, слишком злой, чтобы разгадывать ребусы.

– Там эти... дьяволиты... они, ну... это видеть надо.

Гаязов пожал плечами, этот жест у бывалого и обстрелянного воина получился настолько комичным и несообразным, что Таланов почувствовал настоящее любопытство – что же могло настолько подействовать на разведчиков?

Отряд двинулся вперед все в том же привычном порядке, но теперь Таланов лидировал вместе с Гаязовым. Пошел дождь, не настоящий, а все та же мелкая морось, что и у моста – водяная взвесь в воздухе, оседающая на любой гладкой поверхности. Фальцет приближался. Теперь было понятно, что голос доносился из подвального окна – полукруга в основании стоящего особняком здания из темного кирпича. Окно закрывалось двустворчатой рамой, одна половина была забита куском фанеры, из второй сквозь мутное грязное стекло лился рассеянный желтый свет. Таланов жестом остановил основную группу и вместе с разведкой подобрался поближе к окну. Голос усилился, к нему присоединилось неразборчивое бормотание многих людей – не менее десятка, повторявших одну и ту же фразу, похоже, на латыни.

Капитан склонился к отверстию и прислушался. Несколько мгновений он пытался понять слова, которые фальцет произносил по-французски. Слишком стараться не пришлось, говоривший произносил свою речь с болезненной экзальтацией, но четко, словно читая лекцию.

– ...и тот день настал! Сказано было, что грядет Зло, и слово то обрело истину! – вещал неизвестный оратор, старательно, но неумело подражая стилю проповеди. – Узрели ли вы ту истину, братья мои?!

Слушатели отзывались нечленораздельным хором.

– Воистину, сатана вышел из преисподней! – ободренно продолжил «проповедник». – Он идет по миру, собирая свою жатву! Он алчет добычи, и слуги его несут ему должное! Вы все видели это!

И снова хор вторил ему. Переждав череду воплей, говорящий возопил:

– Но истинно говорю вам, мы спасемся! Мы преклоним колени перед его слугами и заслужим их милость! Они пощадят нас и примут в ряды своих верных рабов, ибо истинно говорю вам, лучше быть верной собакой у ног сатаны, нежели гореть в аду до скончания времен!

Воспользовавшись новой серией экстатических воплей, Таланов осторожно заглянул внутрь сквозь мутное стекло. Пару мгновений он напряженно всматривался в происходящее внутри, после темноты наступающей ночи свет множества свечей казался невероятно ярким. А затем капитан отпрянул от света, чувствуя, как волосы зашевелились под шлемом.

– Я же говорил, это надо видеть, – прошептал над ухом Газаев.

Едва слышно прошумел подошвами Басалаев, широкоплечий и грузный на вид майор двигался тихо, как кошка. Контрразведчик также заглянул в окошко, томительно долго всматривался, шурясь на свет. Отвернулся с брезгливой гримасой.

– Но труден путь служения, не каждый осилит его! – завывал «проповедник». – Дабы заслужить великую милость, мы должны отречься от прежней жизни, от веры в бога, что покинул нас... И мы должны принести жертвы! Эту юную плоть собрата нашего, разъятую на части по числу, ведомому нам всем, поднесем мы в дар слугам сатаны. Чтобы они признали в нас достойных, и приняли нас, и позволили стать псами цепными и благодарными!!!

Чувствуя холодную пустоту в голове, Таланов повернулся к разведчикам и сделал два быстрых движения, обозначая безмолвный приказ. Ефрейтор Василий Новожилов, переместился вперед, доставая из подсумка небольшой, но тяжелый цилиндр, оттягивающий руку книзу. Басалаев, поняв, к чему идет, сделал страшное лицо и замахал руками, проговаривая одними губами: «Нет! Шум!» Таланов, ощерившись в жуткой ухмылке, отмахнулся в ответ, уступая место другому гвардейцу, приготовившему винтовку. Басалаев тоже отодвинулся подальше, безнадежно махнув, дескать, что взять с безумца.

Тихо щелкнуло, кольцо гранаты упало на камни с легким стуком потонувшим в новом приступе жутких воплей людей, которые добровольно отринули человеческую сущность. Тихо, по-змеиному зашипел воспламененный запал. Второй десантник с размаху высадил ударом приклада стекло, и Новожилов забросил цилиндр внутрь. Все прижались к стене.

Грохот взрыва оказался не очень громким, но низким, почти переходящим в инфразвук. Он тяжело ударил по ушам, дрожь передалась через камни мостовой всем, кто оказался рядом. Остатки рамы вылетели далеко наружу вместе с каким-то мусором и облаком пыли. Разноголосый вопль ужаса мгновенно поднялся к небесам слитным воем и умолк, как обрезанный ножом. Лишь один продолжал надсадно, на одной ноте безнадежно и надрывно вопить от боли, как зверь, попавший в капкан, в ожидании смерти.

Новожилов показал большим пальцем на окно, курящееся дымом и пылью: «Добьем?»

Таланов качнул головой.

– Хотели к сатане, пусть идут. Каждый своим ходом, – негромко произнес он. Выпрямился, сжимая в руках винтовку, и скомандовал. – Все, здесь закончили. Двигаемся дальше.

Через пару шагов его нагнал Басалаев.

– Капитан, ты идиот? – свирепо спросил майор, впрочем, тихо, чтобы не слышали остальные. – Может, еще песню запоем, чтобы нас уж точно услышал весь город? Мы же в двух шагах от цели!

Таланов посмотрел прямо на Басалаева и ответил:

– Нелюдь жить не должна.

После этих слов капитан отвернулся и зашагал дальше, словно тема на этом себя исчерпала. Майор проводил его взглядом, буркнув себе под нос:

– Идеалист...

Проводник никак не прокомментировал произошедшее. Двигаясь в прежнем темпе, он вел группу еще минут пять, а затем остановился и, дождавшись капитана, сообщил в два слова:

– За углом.

– Вкруговую, – отдал Таланов уже привычную команду, и отряд рассыпался, готовый к схватке.

Зайдя в небольшой «карман» между стен двух близко стоящих домов, капитан вызвал по рации третий взвод, охраняющий технику. Крикунов доложил, что взвод в полной готовности, пока все тихо, но со стороны проспекта Маркса слышны странные шумы технического характера, а со стороны Айзенштайна – организованная перестрелка, которая достаточно быстро приближается. Надо бы поспешить.

– Ну, посмотрим, что это за приют, – промолвил капитан. – И найдите кто-нибудь белую тряпку, чистую и размером побольше.

Дождь усилился, все еще слишком слабый, чтобы его можно было назвать настоящей осенней непогодой, но достаточно сильный, чтобы мешать и бесить. Капли стучали по мостовой, навесам и крышам, словно крошечные барабанчики, все сторонние звуки тонули и искажались в их дружном хоре.

Пудобнее перехватив винтовку, Таланов осторожно выглянул из-за угла. Прямо перед ним наискосок лежала Площадь Фонтанов, на которой фонтанов отродясь не было, а за ее нешироким прямоугольником расположилась их конечная цель.

Как это часто бывает во время дождя или снега, ночное небо слегка просветлело, приобретя отчетливый желтоватый оттенок, словно далеко за горизонтом включили огромный светильник. Под этим желто-красным небом католический приют имени Густава Рюгена казался еще мрачнее и темнее. Это было большое, трехэтажное строение с высоким тонким шпилем башенки на одном из углов, подсвеченное отраженным от повисшей в воздухе водной завесы светом. Высокие узкие окна, забранные коваными решетками – черное на черном, – зияли провалами, в которых не мелькало ни единого огонька. Приют выглядел абсолютно заброшенным и нежилым.

Басалаев стоял рядом, как молчаливый укор совести, чуть пригнувшись, похожий на зверя, приготовившегося к прыжку вперед, прямо на цель.

– Это он? – спросил Таланов. – Рюген?

– Да, чего ждем? – спросил в ответ майор.

– Слишком тихо, – пояснил капитан. – Не попасть бы в засаду.

– Не медлите. – Басалаев сохранял видимость спокойствия, но нервно раздувающиеся ноздри выдавали его нетерпение.

– Поспешись – помрешь раньше срока, – выдал капитан свою версию народной поговорки, продолжая до боли в глазах всматриваться в дома, окружавшие приют. Вслушиваясь так внимательно, словно его уши были снабжены невидимыми крючками, цепляющимися за любой подозрительный звук.

Проклятый дождь усиливался, непонятные шумы с севера не то приближались, не то просто воображение и усталость играли с командиром дурную шутку. Наконец он решился.

– Первый взвод, занимаем оборону здесь, по первому этажу. Двери ломаем очень тихо, наружу не высовываемся. Местных, кого встретите, не обижать, но чтобы сидели как мыши под веником. Второй взвод идет дальше за домами. Гаязов, выйдете к противоположному углу приюта и развернетесь так, чтобы простреливать улицу. Но самого Герца не переходить. ДШК ставим здесь, миномет – туда, чуть поодаль. Если начнется стрельба, первыми положить пару дымовых мин, потом уже остальные.

Зауряд-прапорщик Луконин, командир минометного взвода, кивнул, и минометчики покатали свою «шайтан-трубу» дальше. А Таланов продолжал всматриваться, вслушиваться, чувствуя себя словно в середине огромной паутины, к центру которой сходилась множество сигналов. Их только нужно было суметь прочесть. Ничто не выдавало ни признаков жизни в здании через площадь, ни возможной засады. Таланов глубоко втянул воздух, словно стараясь учуять ловушку, но обострившееся обоняние донесло лишь привычные запахи оружия, масла и немых тел.

«Эх, в душ бы сейчас...» Капитан поймал ненужную и вредную мысль и безжалостно изничтожил ее. Шум с севера определенно нарастал.

Наконец Таланов решился.

– Кто будет добровольцем?

Новожилов шел через площадь размеренными, нарочито медленными шагами. Над головой он держал высоко поднятое белое полотнище – простыню, реквизированную в ближайшем доме. Ефрейтор казался очень маленьким и беззащитным на фоне приюта, среди ломаных ночных теней. Он оставил каску, оружие и прочее снаряжение, чтобы казаться более безобидным. Бог знает, кто сейчас занимал здание, если там вообще кто-то был, и как он отреагирует на вооруженного человека. Таланову до смерти хотелось взяться за бинокль, но в ночи, даже такой светлой, оптика не помогла бы, только сузив угол обзора. Он озирался окрестности, ловя

малейшие признаки движения, отводя взгляд от одинокой фигуры, пересекавшей площадь без фонтанов.

Новожилов дошел до приюта, он специально двигался по самому длинному пути, через всю площадь, чтобы его гарантированно заметили, и вдруг пропал. Словно глубокая тень под навесом у парадного входа поглотила темную фигуру с белой тряпкой.

– Я жду пять минут. Затем штурмуем, – отрывисто сообщил Таланов Басалаеву.

– Нет, – так же жестко отозвался контрразведчик. – Затем пойдет следующий. Потому что там вполне могли что-то не понять или напутать.

– Хрен там не валялся, – ответил капитан, любимое ругательство отца само всплыло в памяти. – Если у этого Рюгена засели идиоты, тем хуже для них.

– Нет, капитан, – напирал майор. – Это приказ Константина. Вы не понимаете, как важен этот человек.

– Важнее всех нас? – осведомился Виктор.

– Вместе взятых.

– Тогда пойдете сами, – подытожил военный, не отрываясь от наблюдения.

Он слышал шумное, чуть затрудненное дыхание контрразведчика, словно карликовый паровоз разводил пары.

– Хорошо, – отозвался Басалаев, подумав не дольше пары секунд. – Ждем пять минут, затем иду я. Дайте мне немного времени, потом начинайте... Десять минут.

– Пять.

– Семь.

– Господин майор, а у вас не было в роду евреев? – спросил Таланов, подавляя неожиданный приступ веселья.

– Нет, только татары. – Майор не проникся комизмом торга. – Если не вернусь – действуйте как считаете нужным... Только ради бога, найдите его, живого или мертвого.

– Найду, – серьезно пообещал Виктор.

На исходе пятой минуты, когда Басалаев начал расстегивать ремешок, готовясь снять шлем, от тени приюта отделилась тень поменьше и побежала по площади, по прежнему маршруту. Новожилов, молодец, не стал указывать на настоящее местонахождение взвода. Ефрейтор вернулся тем же путем, обогнул дом и, запыхавшись, доложил:

– Там люди, примерно десяток. Военных нет. Засады не заметил. Нужного человека не видел, но там все иноземцы, я по-ихнему не силен. Можно идти.

Таланов подозвал связиста, щелкнул тангентой на переговорнике.

– Крикунов, быстро по коням и мчитесь сюда.

– Слушаюсь, – прорвалось сквозь хрип помех.

– Горцишвили, – обратился капитан к командиру первого взвода. – Вы остаетесь здесь. Мы с Гаязовым идем внутрь.

– Командир... – попытался было возразить подчиненный.

– Не обсуждаем, – оборвал его Таланов. – Всем сразу идти нельзя, а если мы попадем в замут, ваши нужнее здесь.

– Слушаюсь, – печально ответил Горцишвили.

Виктор ободряюще хлопнул его по широкому плечу.

– Встретьте Крикунова, машину ставьте туда, на въезде на площадь, чтобы прикрывала все подходы и, если что, простреливала Герца. По сигналу подгоните прямо к выходу.

На этот раз они пересекли площадь по самому короткому пути, так, чтобы быть замеченными, но находиться на открытом пространстве как можно меньше. Десять человек короткой пробежкой промчались к входу. Непосредственно у низкой и широкой лестницы в три мраморные ступеньки группа развернулась в оборонительный полукруг, Таланов и Басалаев под-

нялись вверх. Дверь была заперта, даже не дверь а почти что двустворчатые ворота из гладкого дерева, усеянного мелкими пирамидками заклепок. Открыто лишь маленькое смотровое окошко, из узкой щели смотрел кто-то, почти невидимый в темноте, его выдавал лишь блеск глаз. Это было странно, ведь сюда уже впустили Новожилова. Таланов снова приготовился к неприятностям.

– Открывайте, – Басалаев говорил по-немецки, не тратя время на представления. – Мы за вами.

Майор несколько покривил душой, ведь спасти они должны были только одного, но счел это ложью во благо. После томительного мига ожидания створка скрипнула и медленно открылась. Десантников не пришлось уговаривать, взвод по одному втянулся в открывшийся проем.

Приемный зал, неширокий, но с очень высоким сводчатым потолком, терялся в темноте. Окна были плотно занавешены, сумрак рассеивали лишь две оплывающие свечи в стеклянных банках, поставленных на резные деревянные пюпитры, на вид очень старые. Десантники разделились на две группы, двинулись вдоль стен, держа под прицелом весь зал и небольшую группу людей, встречавших бойцов.

Вперед шагнул Басалаев, в его руке щелкнул небольшой, но мощный электрический фонарь. Луч света, показавшийся после свечей ослепительно ярким, обежал зал и остановился на местных обитателях, заставив их болезненно щуриться и прикрывать глаза руками. Их было четверо. Высокий, но очень тощий старик в каком-то черном балахоне, со здоровенной лысиной, окруженной венчиком белесого старческого пуха. Толстяк с изможденным видом и обвисшими щеками, похожий на старого грустного сенбернара. Здоровенный громила, шире далеко не маленького Басалаева раза в два. Он единственный был вооружен, в широченных лапах двуствольный дробовик казался тростинкой. И средних лет мужчина, неожиданно гладко выбритый, в сером пиджаке с воротником «стойкой». Обе руки он держал в карманах. Что-то было в его позе, в этих спрятанных руках такое, что заставило Таланова отметить его особо.

– Кто из вас Иван Терентьев? – С этими словами Басалаев сделал еще шаг, всматриваясь в лица встречавших. – Мы ищем Айвена Тайрента, – повторил он по-немецки.

– Это я. – Человек в пиджаке выступил вперед, по-прежнему не вынимая рук из карманов.

Басалаев подошел к нему вплотную, томительно долго всматривался в лицо, без смущения освещая его в упор.

– Слава богу, – наконец шумно выдохнул майор с явным облегчением. – Это он. Полдела сделано.

– Как у вас с транспортом? – спросил Терентьев, но на него уже не обращали внимания.

– Машина сейчас подойдет, подгоним к выходу и сразу закинем его туда, – предложил Виктор контрразведчику. – Из дверей прямо в авто, чтобы спокойнее.

– Да, – согласился Басалаев. – Дайте мне пару человек, из самых надежных, и мы помчимся напрямую. Не нравится мне шебуршание там... – Он кивком обозначил направление, которое нервировало и самого Таланова.

– Что с транспортом, – терпеливо повторил Иван, не трогаясь с места. – Сначала надо вывезти детей.

– С ними потом разберемся, – отмахнулся майор, крепко захватывая рукав пиджака Терентьева. – Сначала вывезем тебя.

Издалека возник шум моторов, знакомый и родной, он пробился сквозь толстую дверь и заставил сердце Басалаева ускорить ритм. Неужели эта безумная эпопея с «попаданцем» наконец-то близка к завершению?

«Попаданец» сделал какое-то резкое, быстрое движение рукой и освободился от захвата, рукав выскользнул из пальцев майора, словно намыленный. «Ведь учили же, захват только за тело, зацепить мышцу, желательно до кости» – запоздало подумал контрразведчик.

– Мужик, не дури, – попросил он. – Сейчас подъедет повозка, прыгнем туда – и с ветерком в тыл. С детьми разберемся, обещаю.

С этими словами он наступал на «попаданца», маскируя движение тоном и прямым, честным взглядом. Еще пару шагов, затем уже правильный захват, нормальный болевой прием, скрутить дурака – и в бронеавтомобиль. А там пусть жалуется.

Старик с тонзурой что-то заговорил, обращаясь к Терентьеву, громила с дробовиком угрожающе выставил челюсть и приподнял оружие, десантники немедленно взяли его на прицел. Терентьев отступил еще на шаг и достал из кармана маленький, но отнюдь не дамский пистолет.

– Ты не понял, – все так же терпеливо, словно объясняя ребенку прописную истину, сообщил он Басалаеву. – Надо вывезти детей.

Майора перекосило от злости, он покраснел еще больше, став похожим на Сеньора-Помидора из сказки.

– Будем уговаривать? – для порядка уточнил у него Таланов.

– Некогда. Берите его, – решительно скомандовал Басалаев. – Дайте в морду и отберите пистоль. Можете ему что-нибудь прострелить. Всех не перестреляешь, – сообщил он Терентьеву. – Он шестизарядный.

– В ногу, – скомандовал капитан своим. По разумению Виктора, с него и его солдат уже хватило риска и приключений, чтобы играть в благородство с этим Терентьевым-Тайрентом. – Ниже колена и не из трофейных, от них дырки большие.

Громила с дробовиком опять было вознамерился устроить бузу, но ему в грудь уперся ручной пулемет. Бронеавтомобиль взрыкнул мотором уже на площади, шумно прошуршали шины, несколько мотоциклов остановилось у самого входа, сапоги гвардейцев застучали по лестнице, поднимаясь.

– Кончайте скорее, время подгоняет, – нетерпеливо поторопил Басалаев.

Человек с пистолетом ухмыльнулся, уголки его губ поползли вверх в почти волчьей усмешке.

– Ловкие ребята, – одобрил он, вынимая из кармана вторую руку. – Но не настолько.

И Терентьев продемонстрировал зажатую в кулаке гранату. Небольшой ребристый предмет, похожий на зеленый лимон. «РГО» – лучшая противопехотная граната в мире. Без чеки, удерживаемая от взрыва только предохранительной скобой.

Показав гранату, Терентьев тут же, опережая реакцию обступивших его десантников, надежно спрятал руку за пазуху.

– Отобрать быстро не сможете, – пояснил он. – Я же сказал, сначала вывозим детей.

Томительное мгновение майор смотрел на «попаданца» с таким видом, будто увидел перед собой некое экзотическое насекомое, с почти научным любопытством.

– Твою кавалерию, – проговорил он наконец с усталой брезгливостью. – Еще один идеалист...

Глава 8

Осажденные

– Вы ловкие ребята, – повторил Терентьев. – Но и я не лаптем щи хлебаю.

Новая группа десантников вошла в приемный зал и немедленно изготавилась к стрельбе. Басалаев переглянулся с ближайшим к спятившему «попаданцу» гвардейцем, тот понимающе моргнул и сместился чуть в сторону, так, чтобы оказаться слева от Терентьева, с той стороны, где располагалась граната. Все с той же волчьей усмешкой писатель синхронно шагнул назад, не вынимая руки из-за пазухи, сохраняя прежнее расстояние между собой и ближайшим солдатом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.